

10330
1958 / 2

ეროვნული
ბიბლიოთეკა

3

ЛИТЕРАТУРНАЯ

ГРУЗИЯ

1958

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

О Р Г А Н
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ГРУЗИИ

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	Стр.
ГЕОРГИЙ КУЧИШВИЛИ. Ответ на укор. День поэзии. Стихи	3
КОНСТАНТИН ОРЛОВ. В горах Абхазии. Записки военного врача.	6
МАКВАЛА МРЕВЛИШВИЛИ.*** Я не солнце... Стихи	30
СЕМЕН БАБАЕВСКИЙ. Любка. Рассказ	31
ШАЛВА АБХАИДЗЕ. Летели звезды... Стихи	35
ЭЛИЗБАР ЗЕДГИНИДЗЕ. Свадьба. Рассказ	36
ШАЛВА АМИСУЛАШВИЛИ. Молчание моря. Стихи.	48
МЕДЕЯ КАХИДЗЕ. Что было б... Стихи	50
ЭДИШЕР КИПИАНИ. Случай на концерте. Рассказ.	51
АЛЕКСАНДР САДЖАЯ. Парад детей в Гори. ***Твои глаза... Стихи	55

О Ч Е Р К И

И. ДУБИНСКИЙ. На турецкой границе	57
К 1500-летию Тбилиси. К. ЦЕРЕТЕЛИ, Л. БРАИЛОВСКАЯ — Через две жизни.	70

К Р И Т И К А И П У Б Л И Ц И С Т И К А

Обсуждаем новые книги. БЕСО ЖГЕНТИ. «Цветение лозы» Константины Гамсахурдиа. ЛАВРОСИЙ КАЛАНДАДЗЕ. Характеры и жизненные обстоятельства.	80—87
БЕКИР НАБИЕВ. Еще теснее наши литературные связи!	97

(См. на обороте)

МАЙ — ИЮНЬ

1958

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ГОДЫ

М. ТРАСКУНОВ. Дмитрий Фурманов в Тбилиси. 101

ДОКУМЕНТЫ, ПИСЬМА, ВОСПОМИНАНИЯ

Из писем П. И. Чайковского (Новые материалы). 110
У истоков грузинского кино 113

СРЕДИ КНИГ

Д. КАКАБАДЗЕ — Бойцы революционной гвардии; Т. БУАЧИДЗЕ — Книги о братстве, единстве и дружбе; М. ЛОХВИЦКИЙ — На широкую дорогу; Ш. РАДИАНИ — Новое издание произведений Э. Ниношвили; М. ЗАВЕРИН — В глубь жизни 118—125

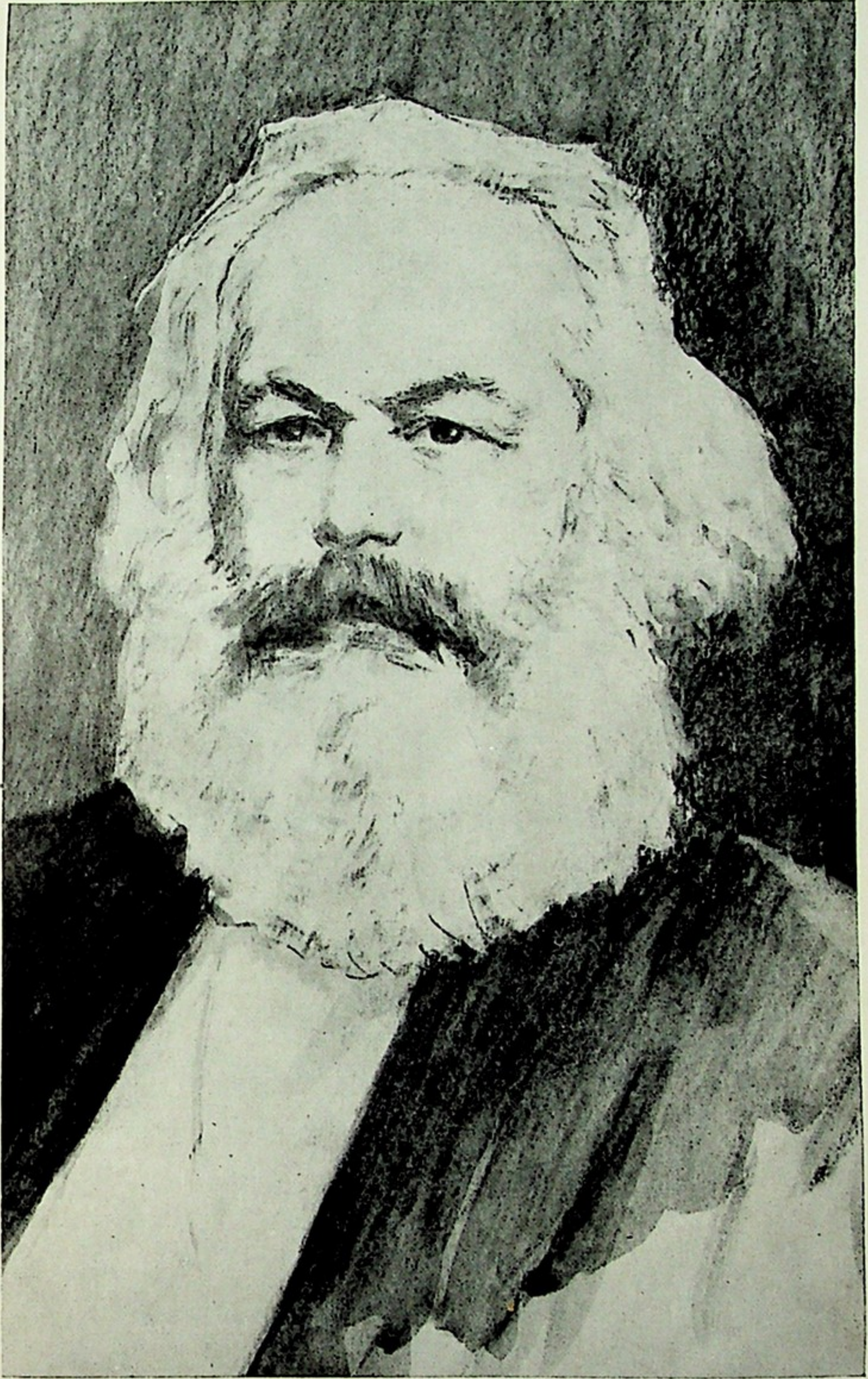
Коротко об авторах. 126

Редактор **К. ЛОРДКИПАНИДЗЕ**

Редакционная коллегия:

Э. АНАНИШВИЛИ, М. ЗЛАТКИН, А. КУЗЬМИЧЕВ (заместитель редактора),
А. КУТЕЛНЯ, В. МАЧАВАРИАНИ, Э. ФЕЙГИН, Д. ШЕНГЕДАЯ

Адрес редакции: Тбилиси, ул. Махарадзе, 14, тел. 3-87-88.

КАРЛ МАРКС
К 140-летию со дня рождения

С портрета худ. Р. Стурua.

Обещание

Перевод с грузинского Е. Евтушенко

«Ты ходишь
и голодный
и холодный
по улицам...
Чем к ним ты привлечен?
Фамилии Чхеидзе благородной
ты имя
«Кучишвили»
предпочел.

Ты был бы первым
на балах,
помолвках,
ты воспевал бы
женщин и весну.

А ты —
о чем ты пишешь —
о помойках?
О нищих?
О рабочих?
Ну и ну!..

Безжалостна в своем отмщенье музыка,
и все непоэтичнее твой стих.

Что улицы? —

Лишь кладовые мусора.
Плюют на них,
но не поют о них...»

— Эй вы! —

я им кричу, —
советы бросьте!

Я улиц никогда не оскорблю!

За то, что я живой на них —

не в бронзе,
я улицы тбилисские люблю.

В них —

в каждой —
вижу я борьбы дорогу.

Им всем уже наскучило

скучать,

и фонари —

они не прочь, ей-богу,

в петле

буржуев
малость покачать!

Когда, со звоном искры высекая,
иных господ

проносят рысаки,

булыжины литые

мостовая

показывает,

словно кулаки.

На вас

настороженно
смотрят здания.

Во всем я вижу

столько скрытых сил!

О, улица моя, —

ты мать восстания,

и я — твой сын,

твой верный юный сын.

И как бы вы там губы ни кривили

на новую фамилию мою,

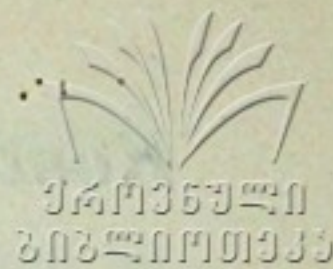
счастливый, вам кричу:

Я — Кучишвили.

Сын улицы,

я улицу пою!

День поэзии

Перевод с грузинского Е. Евтушенко

Я никогда не думал о величье,
поэт булыжин,
фонарей
и крыш.
О, Революция,—
лишь ты одна велишь мне,
и делаю я то,
что ты велишь.
Когда иду,
сжимая знамя крепко,
в рядах друзей,
ломающих века,
рабочая промасленная кепка
дороже мне
лаврового венка.
Простите,
нежносердные поэты,
что сею не цветы,
а белену.
Врагов еще полно —
я помню это,
цветы —
я для потомков берегу.
Стихи,
как звезды,
светятся на свете,
и в мире нету
этих звезд нежней.
Я отряхну на землю
звезды эти —
ей-богу,
на земле они нужней!

1922.

В горах Абхазии

Записки военного врача

Начало осени 1942 года.

Получил в Военно-медицинском Управлении Закавказского фронта в Тбилиси новое назначение и в глубокую полночь первого сентября схожу с поезда на сухумском вокзале.

Жаловались: темно в вагонах. Но там хоть кое-что да было видно — на руки и на ноги соседям не наступали. Тут же — темно, хоть глаз выколи, и в небе — ни одной, даже самой скромной, звездочки. Надо было постоять да присмотреться, чтобы заметить, что весь перрон «усеян телами», как поле битвы.

Отыскав местечко, «пал костями» и я. Но не успел пристроиться головой к вещевому мешку, как вдруг — сильнейший порыв ветра. Застонали невидимые деревья, и, будто из лопнувшей бочки, хлынул ливень. С перрона нас всех как смыло.

Протискиваюсь в зал для военных и слышу за спиной плач, голоса. Что такое? Говорят: детский костно-туберкулезный санаторий из Туапсе эвакуируется.

Окна в зале завешены черным. Над дверями — фонарь с тускло мерцающей лампочкой. Высокая тонкая женщина в белом халате зажигает огарок свечи, и дрожащее пламя выхватывает из полумрака комнаты невероятную, почти фантастическую картину. Дети в прилипших к телу серых халатиках, с мокрыми волосенками и прозрачными сиреневыми лицами один за другим заполняют зал. Маленьких несут на руках, а те, что постарше, — кто ковыляет на костылях, кто прыгает на одной ножке, ухватившись за няню.

Мы кричим: «Сюда, сюда!», уступаем им места на полу, на скамейках, на подоконниках и сами уходим в общий зал.

Утром вокзал опустел, как-будто никого в нем и не было. Лишь за дверью зала для военнослужащих слышался говор и смех маленьких туапсинцев...

Иду в город спросить военного коменданта, куда мне явиться. Все — и земля, и деревья, и стены домов — все залито солнцем. Искрами горят на дороге, как драгоценные камни, осколки стекла, и в каждой лужице — свое маленькое синее небо.

Коменданта я разыскал в большом двухэтажном доме без одного угла — оторвало бомбой.

— Не бойтесь, что еще налетят? — спрашиваю я смуглолицего с черными, немного выпуклыми глазами коменданта.

— Два раза в одно место не попадет, — уверенно отвечает он.

Слышал я уже об этом. И даже верил. Но при переправе через Донец в воронке от авиабомбы был убит мой товарищ — старший врач полка: легко раненный, он вполз туда переждать очередной налет «Юнкерсов».

— А санотдел армии, — продолжает комендант, — на улице Сталина, в самом конце, второй этаж.

И вот я в большом, еще не обжитом кабинете начсанарма.

Голый стол, солдатская железная койка под серым суконным одеялом, на стене — завешенная простыней военная карта.

На защитных петлицах начсанармовской гимнастерки — три «шпалы»: военврач первого ранга. У начсанарма круглое простое лицо и на носу очки в черных круглых ободьях.

Поднялся из-за стола, пожал мне руку и внятно сказал:

— Чепелев. — Потом поправил оглобелки очков, пробежал мои бумаги и протянул: — Так-с... Тут пишут: бригадным врачом. Может, начальником второго отделения у нас останетесь?

— Не знаю, — отвечаю я. — Не бывал на таких должностях.

На самом деле — будто легко решить, согласиться или нет! Но — горы! Совершенно не знаю, как в них воюют, и, если говорить правду, — боюсь их. Не могу припомнить, чтобы я на своем веку читал что-нибудь о медицине в горах.

А утром, когда я прихожу в Санотдел, все решается совсем по-другому.

— Собирайтесь на фронт! — встретил меня Чепелев широкой улыбкой. — В группу полковника Пияшева.

На этот раз начсанарм не спрашивает, согласен я или нет. Да это и лучше. Что бы там ни случилось, не буду жалеть: не сам выбирал.

— Пишите заявки на медикаменты и перевязочный материал, — говорит он мне, — но только скупое, совсем скупое, потому что... — он подводит меня к карте и указывает на точку «Сухумгэс», — ...потому что к фронту от этой точки груз может идти только вьюками...

Прошла еще ночь, и в тихое ясное утро грузовичок с горой мешков и ящиков заурчал, задрожал, рванул и проворно побежал на север.

Слева — то синие, то ярко-зеленые полосы спокойного моря. На берег лениво набегают белые кружева пены. Но я не очень-то смотрю на «водную стихию» — я не свожу глаз с гор, что надвигаются на нас, вздымаясь все выше и выше. Как эвакуируют раненых через эти громады? — вот что меня беспокоит.

И вот конец автомобильной дороги — Сухумгэс.

Внизу узкой голубоватой полоской кипит река Гумиста. И так глу-

боко зарылась она в ущелье, что ее стремительный бег кажется отсюда снятым замедленной киносъёмкой.

На площадке двора — детали машин, груды камней и леса: остановленное войной строительство. И здесь же что-то вроде медико-санитарного батальона — в бараках работает группа врачей. Узнаю от них, что раненых с фронта несут на носилках.

— Сколько километров? — спрашиваю ведущего хирурга с рыжими и жесткими, как зубная щетка, усами.

— Сорок.

— Сорок? — мне показалось, что я ослышался. — И все на носилках? Сколько же это дней?

— Три-четыре... А вы дороги-то в горах знаете, товарищ начальник? — не без превосходства спрашивает он меня.

— Дорог я в горах, к сожалению, не знаю... Но не лучше ли всей вашей группе податься поближе к передовой? Я думаю, что это надо сделать.

— Думал я об этом, — на одной ноте тянет хирург. — Но как там работать? Здесь вон и то: теснота, неудобства, в операционной не повернешься, а предоперационной и вовсе нет. Самолеты немецкие каждый день....

— Война, — напоминаю я собеседнику.

Но унылый доктор сделал вид, что не понял шутки и, подчеркнуто официально спросив разрешения, вяло побрел к двери с выведенной мелом надписью «Перевязочная».

И сразу же из этой комнаты выбежали прямо ко мне две медицинские сестры в удивительной белизны халатах. Остановились, как по команде. Обе одинакового роста, высокие, красивые. Светлая — русская, а та, что смуглее, с большими черными глазами, должно быть, грузинка.

— Возьмите нас с собой, — заговорили они вместе. — Здесь есть кому работать и без нас...

Видно, девушки слышали наш разговор.

— Одних вас взять не могу, — отвечаю я. — А со всей вашей группой можно. Думаю, что и начсанарм не будет возражать.

— Возьмите! Прикажете откомандировать!

— Не могу, — еще раз отказываю я, — не знаю, где буду сам, и рисковать хорошенькими девушками...

— Мы не хорошенькие девушки, — вдруг огорошила меня беленькая, — мы медицинские сестры.

— Ну, да, конечно, — заминаю я мою неловкость, — конечно, медицинские сестры...

Перед рассветом на другой день прикатил начсанарм.

— Как дела? Помогать надо?

— Надо, — отвечаю. — Хорошо бы здешнюю группу хирургов отправить на фронт.

— Хирурги ваши. Как хотите, так и распоряжайтесь. Пусть едут.

— Но им, мне кажется, будут нужны две-три палатки.

— Дам.

В комнату вошел старший коновод — высокий, черный и давным-давно не бритый.

— Кто хозяин есть? — спросил он хриплым голосом, может быть, простуженным, а, может, надорванным постоянным криком на лошадей.

Чепелев кивает в мою сторону, и коновод поворачивается ко мне:

— Посмотри вьюки, товарищ начальник. Готово!

— Я мало понимаю в них, — говорю я.

Чепелев отвел меня в сторону и тихо сказал:

— О выюках вам надо кое-что знать.

— Даже думать раньше не приходилось, — чистосердечно признаюсь я. — Но читал, что это примитивнейший и древнейший вид транспорта.

— Золотые слова, — говорит начсанарм. — Но этих познаний мало. Так вот: лошадь под выюком делает километра три в час, и вес выюка вместе с седлом не должен быть больше ста восьмидесяти килограммов. Из этих данных и исходите. А при осмотре обратите внимание на то, чтобы центр тяжести выюка приходился как можно ближе к центру тяжести лошади и над ним, а не где-то сбоку...

Я поблагодарил за науку, но про себя подумал: надо повидать кого-то из ветеринаров и спросить, где у лошади центр тяжести.

— Вообще при выючном транспорте, — закончил Чепелев, — должны быть опытные возчики, ходившие в горах животные и отличные укладка и упаковка.

— Возчики-то знают свое дело? — спросил я старшего коновода.

— Почему не знают: сто раз туда-сюда ходим.

Становится все светлее. Зубчатая стена гор, как выведенная черной тушью, резко выделяется на все более пламенеющем небе. Вдруг одна за другой погасли звезды, словно кто смахнул их с неба, как смахивают крошки со стола. Запонукали лошадей коноводы, зацокали о камень дороги копыта, заскрипели выючные ремни. Караван потянулся цепочкой на север и сразу попал в ущелье.

Поднявшееся солнце уже золотило верхушки гор, а здесь, в этом тесном ущелье, и мрачно, и сыро, и холодно. Скалы то виснут над нами бесконечной стеной, то вдруг обрываются у самых ног и тонут в непроницаемом сером тумане.

Попадаем в узкую, очень извилистую долинку и каждые две-три минуты бредем через реки. Все они мелкие и совершенно прозрачные — любой камушек видно, но с таким оглушительным ревом несутся вперед, как будто только и дела им — что-нибудь потопить или опрокинуть.

Я слышу разговор между едущими со мной фельдшерницей и фельдшером.

— Уже десять речек прошли, — говорит фельдшер.

— Не десять, а двенадцать, — серьезно поправляет его фельдшерница. — А вон и еще одна.

— Двенадцать! — скептически ухмыляется коновод. — Это все одна. Спасибо — дождя нет: живо встала бы на дыбы!

Коновод, как коновод, и речка у него, будто лошадь, может встать на дыбы. И это чистая правда. Мне самому теперь, после десяти переходов через речки, пена кажется белыми буйными гривами.

Въезжаем в лес. Прямые, как мачты, стволы бегут к небу и закрывают его своими кронами. Здесь и тис, и самшит, и чинара, и еще десятки пород, драгоценных, как золото.

В свое время я кое-что прочитал об Абхазии. Оказывается, до первой мировой войны пуд кавказского самшита стоил в Марселе шестьсот франков! И этим чудеснейшим лесом покрыта значительная часть всей территории Абхазии. А реки! Знающими людьми подсчитано, что в их вечном и бурном движении заключены миллионы лошадиных сил.

Добрались до хутора Двуречье. Уже ночь. Ярко горят звезды, и, уж не знаю почему, такие они огромные и так низко над головой — хоть хватай их руками.

Коноводы разжигают под навесом костер, развьючивают и треножат лошадей.

В первой же попавшейся избе мы от усталости, как мертвые, валим-

ся на пол и, мне кажется, только успеваем забыться, как нас уже будят: ночь промелькнула — пора в путь-дорогу. А так хочется спать, так мучительно хочется спать! Свалился бы, как мешок, с седла на дорогу и мизинцем не шевельнул, если бы даже конь наступил на тебя копытом.

Встречаются носильщики. Четверо, пятеро, а то и шестеро несут одного раненого. Все носильщики мокрые по пояс: брели через речки. Некоторых раненых расспрашиваю. Говорят, ранены два дня назад под перевалом. Все жалуются на тяжелый путь.

— Хуже ранения, — говорит один лейтенант. — Тошнит, вроде как от морской болезни, от этого качания. И ладно бы день, или, скажем, два, а то уже третий. Несут, несут, и конца-краю не видно...

Он устало сомкнул веки, вытер побелевшие шершавые губы и махнул носильщикам рукой: дескать, пошли, разговор окончен.

Еще один. Это — человек средних лет. Землистое, с заострившимся носом, лицо, полузакрытые и едва ли что видящие глаза. Отвечает неохотно, односложно, долго думает. Ранен осколком в грудную клетку.

— Поторопитесь, — шепчет фельдшер носильщикам.

Это правильно: для такого раненого промедление — смерть.

Сколько же этих самых носильщиков надо в горах? Если, скажем, в крепкой схватке будет ранено человек тридцать, — половина батальона должна покинуть окопы, чтобы нести своих товарищей на медицинский пункт...

К полудню мы дотащились до подошвы перевала. На лужайке под одиноким, широко раскинувшимся ореховым деревом примостился перегрузочно-питательный пункт для раненых — навес из трех-четырех плащ-палаток, огороженный еще не успевшими завянуть ветвями. Над костром кипят солдатские котелки.

С земли, как на пружинах, упруго вскочил и представился начальник пункта фельдшер Алексейцев, плотный, сероглазый парень в сдвинутой на затылок фуражке. Он поправил ее уже после того, как доложил.

Устроились немного отдохнуть и мы. Устали — ни о чем не хочется говорить. Растягиваюсь на траве, но в это время приносят трех раненых.

— Как насчет пожевать? — спрашивает их санитар.

— Пожевать бы не худо, — отвечает один. — Пожевать можно. А покурить еще лучше... Часа, должно, четыре сползали. А еще говорили: легко.

— Неужели четыре? — спрашиваю я Алексеяцева. — Сколько же тогда подниматься?

— Столько же.

Действительно, тропинки, как ниточки, и по этим ниточкам, и в гору и под гору, четверем санитарам-носильщикам надо идти друг за другом попарно и нести раненого.

Алексейцев осмотрел повязки: кому поправил, кого подбинтовал. Раненые напились чаю и густо задымили махоркой.

— Пора, — торопит Алексейцев, — а то засветло не успеете.

За носилки взялись те же самые санитары.

— Где же ваша смена? — спрашиваю я. — Какой же это перегрузочный пункт?

— Так ведь у меня всего восемь носильщиков, — оправдывается начальник пункта. — Ушли вчера, а пока вернутся — пройдет суток двое. Ежели бы в Двуречье подстава была...

— А почему ее нет?

— Об этом я не могу доложить. Всего четыре дня, как воюем, а то все отступали с Кубани.

Подходят и располагаются в тени под навесом ходячие раненые. Они

степенно пьют чай, болтают о житейских пустяках, будто и не ранены, и, поблагодарив «хозяев», отправляются дальше.

Надо поторапливаться и нам. Берем лошадей за поводья и тянемся гуськом к загораживающему половину неба перевалу.

Пять часов добирались до седловины перевала. Но если бы не было лошадей, мы добрались бы, может быть, за четыре, а то и за три. Их надо тянуть, наших четвероногих друзей, да смотреть, чтобы на крутых и узких местах они не «сыграли» вниз.

Но до чего осторожны лошади! Где уж очень узка тропа и они справа задевают боком за скалу, а слева косятся на пропасть, кони каждый шаг словно ощупывают копытом и тоже, видно, боятся упасть — всхрапывают и беспокойно стригут ушами.

На вершине перевала, как нам сказали, должен быть штаб командующего группой. Но мы видим опустевшие землянки да двух бойцов, собирающих вещи.

— Где командующий? — спрашиваю я.

— В Решевья спустился, — отвечает один из них.

— Это что такое — Решевья?

Солдат взглянул на меня, не повернув головы: дескать, кто ты такой, что не знаешь Решевья?

Я называю себя и моих спутников.

Солдат немного добреет, но в разговор со мной ему вступать, по-видимому, неохота. Мальчишка на вид, он хочет выглядеть старым воякой — выступает важно, говорит отрывисто и басом. Но пилотка! Как только она, бедная, держится на одном ухе?

— Так что же такое — Решевья? — переспрашиваю я.

— Хутор так называется. Семь верст ниже. У немцев утром отбили.

— Медпункт здесь какой-нибудь есть?

— А как же!

Солдат обеими руками притиснул к уху пилотку и молча зашагал вперед.

Под сильно нависшей скалой, какие раньше на дорогах назывались «Пронеси, господи», укрылись палатки — сразу и не заметишь. В одной из них мы опустились на ящики и в один голос заявили, что хотим пить. Тело от усталости, как мешок с дробью, — не сдвинешь с места.

— Ночевать оставайтесь, — говорит медсестра — начальник пункта, смуглолицая молодая девушка, и смотрит на нас почти умоляюще: — Чаем напоим, грелками обогреем. Куда вы, на ночь глядя? Дороги нет. Так — тропка...

— Не можем, — говорю я. — Сегодня должны быть на месте. Чаю — пожалуйста, и то, если недолго, пока светло.

— Чай у нас днем и ночью.

Только было взяли мы за кружки, вбегают старший коновод.

— Несчастье, товарищ начальник, — выпаливает он. — Две лошади сорвались!

— Куда сорвались? — не понял я.

— Совсем сорвались, с дороги.

— Подождите, — перебиваю я. — А где коновод?

— Оплошал, товарищ начальник... И место не сильно крутое.

— Если не сильно крутое, — может быть, живы?

— Спускался я, — виновато басит коновод. — Ящики в кустах задержались... А лошади...

— Но почему сразу две?

— Коновод считал: не опасно, привязал заднюю к хвосту первой. А

та, видать, оступилась или испугалась чего, ну и шарахнулась... И другую за собой потянула...

«Вот вам и центр тяжести и опытность возчиков, — думаю я. — Жаль и лошадей и груз».

...Нужно спускаться в Решевья. Верховых лошадей оставляем на перевале с коноводами, а сами отправляемся пешком.

Темнеет в горах, как на сцене, — в одну минуту. Так и кажется, где-то недалеко от нас одну за другой выключают лампы. Вышли с медицинского пункта — лампы еще горели, а прошли шагов двести — погасла последняя.

Тропинка проходит по дну ущелья и заблудиться не даст: ни вправо, ни влево податься нельзя, но холод, какая-то тяжелая тишина и черное небо сковали нам душу и тело.

Вдруг над нами звонко захохотал и тут же разрыдался ребенок.

— Что такое?

— Это шакал, — говорит фельдшер, уроженец Северного Кавказа. — Должно, друзей на охоту сзывает.

Встретились два-три связных — значит, идем правильно.

Наконец, пришли. Семь-то оно, может, и семь верст, да каких! Те, что мы прошли, вероятно, стоят семнадцать. Будет, пожалуй, правильнее считать здесь путь не на километры, а на часы.

Полковника Пияшева я застал в избе над развернутой на столе картой. Тусклая керосиновая лампешка с трубкой из газеты на отбитой верхушке стекла едва освещала и карту и самого полковника.

Присмотрелся и увидел, что командующий группой в комнате не один: тихо стояло еще человек пять. Полковник, видать, невысокого роста, плотный, коренастый. Может быть, не так уж красиво скроен, но сшит прочно.

Упираясь карандашом в какую-то точку на карте, полковник кричал в телефонную трубку:

— А я говорю: вы сломаете шею, товарищ капитан... Я уважаю ваши таланты. Но когда вам приказывают обойти справа, вам не следует это делать слева... Еще раз говорю вам и требую: берегите людей.

Полковник положил трубку на коробку полевого телефона, крепко провел ладонями по лицу, как-будто только-что вынырнул из воды, сдвинул на затылок фуражку и уже только после этого обратился к кому-то из присутствующих:

— Поищите кого-нибудь вместо этого капитана: погубит он мне народ и... себя погубит. Поспокойнее кого найдите... Вы к кому? — наконец заметил меня полковник.

Я назвал себя.

— Вот это хорошо! — мой новый начальник кивком головы указал на табурет и пододвинул коробку папирос. — Развяжите нам руки. Пять дней боев — ни днем, ни ночью покоя нет, а тут и командуй и раненых отправляй черт-те куда. Я не уверен, доносят ли их живыми...

Я доложил, что видел по пути сюда и с чем и с кем прибыл.

— Обо всех ваших делах, — сказал Пияшев, — будете докладывать мне в восемь и двадцать ноль-ноль, что бы там ни было... А теперь идите на кухню. Пусть там что-нибудь придумают. Ну, а спать — милости просим — под любым кустом.

Тонкой кудрявой струйкой чадила на подоконнике в кухне коптилка. На длинной и узкой скамейке растянулся во весь свой богатырский рост повар без халата, но в колпаке. Каким чудом держался он на этой скамье — не знаю. Но человек этот, видно, уже привык к ночным гостям. Вскочил, как подброшенный, но потом долго ерошил волосы и после пер-

вого сладкого сна не мог сообразить, что ему делать. Да и что он, кроме консервов, мог предложить, если бы даже и не спал!

Кусты в гостеприимстве решительно отказали: под каждым кто-нибудь занял местечко на ночь. У только что вернувшихся с гор хозяев дома попросились на чердак. Тут и устроились.

Решевья — это хутор в несколько дворов на берегу буйной и мутной Бзыби. Почти к самому хутору подступили высоченные горы, вокруг — много бегущих к Бзыби звонких ручьев, а за избами — унылые и дочерна истоптанные поля кукурузы.

Ночью перед входом в селение, как я узнал от связных, мы прошли мимо медицинского пункта сводного полка. Утром иду знакомиться со старшим врачом.

— Так официально и называется — сводный полк? — спрашиваю я.

— Так и называется, — говорит старший врач полка — военврач третьего ранга Бессонова — небольшая, светловолосая и сильно загоревшая девушка. Особенно пострадал от загара нос — облупился и даже порозовел.

Я прошу ее рассказать о делах.

— Толково рассказать не могу: сама многого не знаю.

— Что знаете, то и говорите.

— Знаю вот что: шестнадцатого августа немцы заняли Клухорский перевал. Это — направо от нас. А недели через две перевалили через Санчаро, за который мы теперь и деремся. От Сухуми до Санчаро считают сто с небольшим километров. Первые тяжелые удары приняли на себя абхазские истребительные отряды и батальоны, но сил, конечно, у них не хватило. А пока подходили наши новые части, ну, там пулеметное училище, погранполк и другие, которых я просто не знаю, — словом, пока войска подходили, немцы добрались и до Решевьев.

— А вы как оказались здесь?

— Повернули против немцев части, которые шли через Кубань, и вот — пожалуйста! — вчера были на Доу, а сегодня уже в этом хуторѣ. Восемь километров в горах с боями — дело серьезное! До наступления на Решевья немцев сдерживал наш же полк.

Я спросил, все ли раненые будут направляться сюда или и по ту сторону перевала, где стоял полк?

— Думаю, что будут идти и туда, пока не подтянутся. Там у нас фельдшерский пункт — под скалой. Неужели не зашли? Или не заметили?

— Даже чай пили. Только не знали, что это ваш... Мне нужны хирурги, товарищ Бессонова, — продолжаю я. — Без них мы пропадем.

— Разве я не знаю! За пять дней в горах я поняла это лучше, чем за год боев на Украине. Я не стыжусь и говорю прямо: плакала над ранеными, когда уносили их без хирургической помощи в этот самый Сухумгэс. Но... у меня нет хирургов, товарищ начальник. Вам ведь надо хороших, опытных?..

— Только таких.

Я расспросил о дорогах и отправился в другие полки.

Впереди ухает пушка; как швейные машинки, то там, то сям строчат автоматы и пулеметы. Словом, «музыка» фронта, к которой так же в конце концов привыкаешь, как и ко всякой другой. Но эта мрачная музыка совершенно не гармонирует с окружающим миром: такая прелесть вокруг! Чистое, ясное небо, далекие горы в тонкой серо-голубоватой дымке, живая яркая зелень кустов и деревьев. Будто сбежались они к дороге, стоят, слушают — и не понимают, что делается вокруг.

Наконец я нашел-таки нужного мне человека. Это — начальник са-

нитарной службы одной из дивизий, полк которой дерется на нашем участке, военврач второго ранга Виноградов. Его только что выбрита голова блестела на солнце, как полированная.

Я заглянул в одну из палаток — там шла операция. Хирург работал быстро и спокойно.

— Это то, что мне надо, — говорю я Виноградову. — Кто этот золотой человек?

— Чубинидзе. Из нашего медсанбата.

Когда врач в маске, трудно что-нибудь сказать о его лице. Заметил лишь черные глаза да нос с горбинкой.

— Где санитарная часть полка?

— Впереди, с полком. Здесь Чубинидзе и две медсестры.

— Товарищ Виноградов, — беру я дивизионного врача за пуговицу выцветшей гимнастерки, — оставьте нам на время эту группу: это будет первый камень нашего медсанбата.

Всю жизнь я буду благодарен Виноградову за хирурга Чубинидзе. Прекрасный и совершенно неутомимый работник! Когда бы я ни пришел в его хирургическую палатку, — днем ли, ночью ли, — он все за операционным столом, сколоченным из ящичков.

— Вы когда-нибудь спите? — спрашиваю я. — Или не считаетесь с этой печальной необходимостью?

— Сплю, — как будто извиняется Чубинидзе. — Это просто какое-то совпадение: когда вы приходите, я обязательно кого-нибудь оперирую.

Ей-богу, иной на его месте стал бы жаловаться, что вот, дескать, нет передышки, надо еще врачей...

Теперь уже не всех раненых несут «за тридевять земель»: Чубинидзе раздобыл две палатки и тех тяжелораненых, которых нельзя отправлять, оставляет после операции у себя. Оставляет и легкораненых, которых можно вернуть на фронт через десять-пятнадцать дней лечения.

Новая забота: надо налаживать для них питание.

Только 10 сентября нашим войскам после долгих боев удалось, наконец, занять Псху.

В последние дни я редко вижу полковника Пияшева. Он или говорит: «Немного позднее», или, держа в одной руке телефонную трубку, а другой занеся карандаш над картой, молча отрицательно качает головой.

Сегодня наступила некоторая разрядка.

— Теперь мы живем, — встречает меня Пияшев: — Главное — площадка для самолетов наша. Вы, доктор, санитарных самолетов больше требуйте.

После завтрака полковник с группой офицеров штаба выехал в Псху, а в пять вечера собрались и мы — второй эшелон. Да, видно, в неурочный час выпало нам на долю это, обыкновенное на войне, дело. Во-первых, мы едва не утопили лошадей, пустившись на них через сумасшедшую Бзыбь, и только спасибо им: вынесли они и себя и нас из этого клокоучевого кипения. А, во-вторых, едва мы углубились в ущелье, как облегла нас со всех сторон непроглядная темь и стал накрапывать дождь.

Кто-то подсказал нам слезть с лошадей и ухватиться мертвой хваткой за их хвосты. Теперь вся наша надежда только на них, четвероногих друзей. Во сне не снилось, что можно так передвигаться. Но, оказалось, не нам первым принадлежит это замечательное «изобретение». Много позднее мне пришлось прочитать письмо к Пушкину М. И. Муравьева-Апостола — декабриста и брата казненного декабриста Сергея Ивановича — о путешествии по Тавриде. И вот что он писал: «По горной лестнице взобрались мы пешком, держа за хвост татарских лошадей наших. Это забавляло меня и казалось каким-то таинственным восточным обрядом».

Обряд неплохой, если дело происходит днем и в сухую погоду.

А ночью? Хорошо, что мне попала белая лошадь: хотя размытым, едва уловимым пятном, а все-таки перед глазами маячила.

А небо будто ждало нас на этой дороге, чтобы опрокинуть на наши головы все свои дождевые запасы. И зачем я, глупый человек, привязал плащ-палатку к седлу? Отвязать ее сейчас нет никакой возможности, а струи холодной, как лед, воды уже текут за воротник и бегут по спине.

Выходим к берегу, по-видимому, все той же беспокойной и шумной Бзыби и устраиваем привал. Это в самом истинном смысле слова привал, а не что-нибудь другое: ложимся где и как попало. Начфин и я нащупываем свободное от корней углубление, расстилаем потники из-под седел и, прижавшись друг к другу, накрываемся — натягиваем на себя плащ-палатку. Она сразу же начинает, как бубен, уныло гудеть от дробы дождя.

Под эту грустную песню или от свинцовой усталости я тотчас же забываюсь, будто проваливаюсь в яму. И когда часа, как мне показалось, через два проснулся, почувал, что лежу в воде. Она, видно, стекала с плащ-палатки и скапливалась в ямке под нами. Стряхнули воду с потников, погоревали о подмоченном табаке и легли... на старое место.

Угрюмо и упорно бил в плащ-палатку дождь, да ревела невидимая река, да ворчал начфин, что я напрасно его разбудил: яма снова наливалась водой.

Когда стало светать и мы поднялись, дождь уже перестал. Вокруг слоились космы густого, как серая вата, тумана и тихонько, по-воровски, тянулись в ущелье. И хорошо делали: всем нутром мы хотели хоть немножко тепла и солнца. С большим трудом разожженный из мокрых веток костер не горел, а, как дымовая шашка, только душил нас белым дымом.

Оседлали лошадей, но повели их на поводу — надо было согреться.

— Хотел бы я посмотреть на нас, — вдруг заговорил начфин, — если бы нам дали лошадей, не «обученных» горному делу!

Я взглянул на моего спутника. До чего же он мокрый и мятый! Даже его постоянный румянец исчез. Да и я был едва ли красивее. Тот же начфин остановился, осмотрел меня сверху донизу и со вздохом сказал:

— Ну и вид у вас, доктор!

И все-таки счастливо создан человек! Развеялся туман, стрельнуло из-за гор солнце, и мы уже смеемся над тем, что было ночью, и над самими собой. Так и не заметили, как дошли. Еще подъем, и мы — в Псху.

Идем по селу. Одна бесконечная улица. Справа за частоколом — полянка. Это и есть посадочная площадка для самолетов, о которой мы так мечтали. Прямо посередине села, выше всех зданий, — школа. Через дорогу от нее — сельсовет, а слева, за леском, — больница.

Ходить по дороге к больнице можно, но чтобы ездить и возить раненых, надо засыпать с десятков глубоких воронок. От стекол в окнах больницы ничего не осталось, но лучшего места для медсанбата не надо и искать.

На дворе гряда выброшенных немцами медицинских книг с печатями или сельского врачебного участка, или врача Акирбея Мамедовича Маргания. Лежат эти книги — мокрые, обугленные, втоптаные в грязь...

Ходим по просторным и все еще сверкающим белизной палатам.

— Подойдет для нас? — спрашиваю я Чубинидзе.

— Конечно, подойдет! Только дом большой — для «Юнкерсов» заметный...

И, как по заказу, с неба доносится ноющий гул самолета.

— Вот он, тут как тут, — говорит хирург.

Мы выбегаем во двор, но на Псху уже несутся со свистом бомбы.

...Отгремели разрывы, и я побежал к председателю сельсовета, чтобы тот кого-нибудь прислал замаскировать наше новое учреждение.

В сельсовет уже успел набратся народ. Все возбуждены, машут руками и говорят на двух языках. Высокий седоусый старик в черной длинной рубашке, подпоясанный узким ремешком с набором, что-то говорит на абхазском языке. Несколько раз я слышу: «Афырхаца Киазим Агрба».

Потом старик заговорил по-русски:

— Мои два сына — вы сами знаете — на фронте. Я пошел к Шошину и сказал: буду проводником. Говорю: надо изо всех сил помогать Красной Армии, надо, чтобы у солдат была сила, бодрый дух и желание драться за Россию и за нашу Абхазию... А в подарках чтобы и табак был. Где табак лучше нашего?

Старик прав — отличный здесь табачок.

Я пробрался к председателю сельсовета Шошину и сказал, зачем пришел. Но мне хотелось узнать, что это такое «Афырхаца Киазим Агрба».

— Агрба — это наш абхазец, летчик. «Афырхаца» значит — герой, даже — герой героев.

— Он здесь, в Псху?

— Нет. Но абхазцы на многих фронтах отличились. Слыхали о морском разведчике Аршбе?

Видно, Шошину было приятно говорить о геройстве его земляков, но я должен был, к стыду моему, признаться, что об Аршбе не слышал.

— Как же! Двадцать семь «языков» под Севастополем взял. А на Балтике — снайпер Михаил Цушба! А Тарба, Таркил, Анкваб, Квацизба... Да всех и не перечислишь!..

Со мной в больницу пришли два старика с какими-то особыми продолговатыми топорами, и к вечеру вся больница была укрыта зеленой листвой, а окна старики заделали дранками.

— Этого теперь много, — говорили они, указывая на дранки. — Все крыши бомбами сдуло.

И действительно: на домах видны одни стропила, да и то не на всех.

Стоят жаркие, совершенно летние дни, хотя по календарю и осень — вторая половина сентября. Но после заката солнца от трав начинает тянуть тонкой полынной горечью уходящего лета, и под гимнастерку забирается холодок. Тогда мы бежим разыскивать свои шинели, брошенные утром куда попало.

Выискиваю в частях знающих свое дело хирургов да заодно и терапевтов, хотя больных почти нет. Без врачей этих двух специальностей здесь в горах, решительно ничего и думать о серьезной помощи раненым, будь ты хоть организатором семи пядей во лбу. Отправлять же их в Сухуми или Сухумгэс способами «времен очаковских и покоренья Крыма» просто преступно.

Санитарных самолетов мало, да я и не ждал, что их будет много. Чубинидзе решил «приспособить» наших раненых к самолетам «ПО-2». Он взял с собой двух врачей, и они долго что-то измеряли, ложились и сидели в самолет, накладывали друг другу шины и опять усаживались в кабину. Но в конце концов добились, чего хотели: многих так называемых «лежачих», но транспортабельных раненых хирурги стали отлично устраивать в «ПО-2» — укорачивая шины, изменяя их форму, а то и заменяя одну систему другой.

Я прошу летчиков следить за такими ранеными и спрашивать в госпитале, в каком состоянии они долетают.

Летчики на другой день возвращаются и говорят: «Хорошо!» Еще раз спасибо Виноградову за его Чубинидзе.

...Ранехонько, чуть свет, еще горы окутаны серой мглой, а уже гудят самолеты. Один за другим. Каждую минуту, словно пчелы к летку улья, направляют они свой полет к нашей крохотной полянке. Это все «ПО-2», или, как их прозвали на войне, — «кукурузники». Лучших для нас, мне кажется, нельзя и придумать. Из них выгружают снаряды, патроны, железные печки, шинели, консервы и множество самых различных вещей, без которых воевать невозможно. Немало идет и медицинского груза: вата, бинты, носилки, лекарства, витамины и даже утюги.

— Живей, живей! — покрикивают пилоты на санитаров во время погрузки раненых.

Торопиться, действительно, надо. В последние дни в два часа, как по расписанию, черные громады туч нависают над верхушками гор, и путь самолетам отрезан. Тогда с десятков раненых остается до следующего утра. Когда небо чистое целый день, эвакуопункту к четырем часам уже нечего делать.

Только в горах и поймешь, что значит посадочная площадка, даже такая, как наша, на которую могут садиться лишь «кукурузники». Большим самолетам разбежаться у нас негде. Они делают над площадкой круг и при втором заходе «бомбят» нас... сапогами, полушубками, сухарями и всем, что у них для нас есть и что может долететь в целости и сохранности. Тюки и мешки, когда отрываются от борта самолета, кажутся не больше резиновых мячиков, а все мягкое — так и подпрыгивает, как мяч, когда ударяется оземь.

С огромной быстротой и силой несутся с самолетов вещи. На днях нам сбросили пять утюгов — мы так и не нашли их. По-видимому, зарылись в землю. Написал на склад, чтобы такие вещи, как утюги, отгружали более «нежным» способом.

Ведь этот груз, что «валится на наши головы», — запас на зиму.

«К нам прибыл ревизор» — военврач второго ранга Пицхелаури из Санотдела армии. Очень строго расспрашивал нашего Чубинидзе и его операционную сестру, осмотрел все хирургическое хозяйство и прочитал от корки до корки толстый операционный журнал. Потом велел поставить второй стол, надел халат и перчатки и взялся за работу.

Я уехал на передовую, вернулся оттуда дня через два и Пицхелаури в медсанбате уже не застал: он тоже отправился в боевые порядки, захватив с собой фельдшера.

Не знаю, что он доложил Чепелеву, но своим отношением к делу он мне сильно понравился. И у меня вдруг возникла мысль: а не попросить ли его быть в нашей группе войск ведущим, главным хирургом?

Когда Пицхелаури вернулся и сказал, что больших недостатков в выносе раненых и оказании им помощи не нашел и все указания врачам дал на месте, я прямо в лоб задал ему вопрос:

— Как бы вы, Григорий Захарович, отнеслись к тому, чтобы побыть у нас за главного хирурга? Попросим начсанарма по телефону или письмом.

— Да-а, — протянул он и потер свою гладко выбритую щеку. — Немного неожиданно, но... в общем не возражал бы. Не знаю, как Чепелев. Он велел особенно не задерживаться — нужно ехать в другое место — к Клухорскому перевалу. И потом — то, что вы предлагаете, мне кажется, надо согласовать с командующим группой...

Я сказал, что полковник Пияшев согласится: он дал мне полную свободу действий в подборе и перестановке врачей.

— Хорошо, я согласен, но все разговоры с Чепелевым берите на себя, мне самому неудобно.

Мы с начальником штаба послали бумагу начсанарму и через три дня получили записку: Пицхелаури остается, но лишь на столько времени, сколько это нужно для пользы дела.

...Поздно вечером прибежала бледная, как полотно, фельдшерица Елизавета Александровна.

— Что такое? — испугался я.

— Дайте передохнуть... Понимаете, иду от Бессоновой напрямик, без дороги, и в лесу... спотыкаюсь о труп и падаю на другой. Темно. Страшно... Почему их не похоронили?

— Не нашли, по-видимому, — говорю я. — Да и разве вы не видели убитых?

— Видела. Я о том, что не похоронили...

— Просто не нашли, — продолжаю я. — В этих бесконечных горах и лесах и живой сто раз потеряется.

Но нам из этого надо извлечь урок — каждый день какой-нибудь урок! — и получше «прочесывать» места прошедших боев.

В свое время я слушал лекции по военно-санитарному обеспечению войск, и в них приводилось немало печальных примеров оставления раненых без помощи. После битвы под Альмой в Крымскую кампанию в 1854 году раненые в госпиталях рассказывали, что они по пять-шесть дней пролежали на поле сражения под открытым небом, без перевязок, ничем не прикрытые, без воды и пищи. В эту же кампанию через несколько дней после боя было найдено и отправлено в Севастополь 240 раненых. Но, к чести русского военного законодательства, надо сказать, что уже в 1855 году было утверждено положение о госпитальных ротах, которым вменялось в обязанность собирать раненых и даже иметь несколько факелов «для отыскивания раненых ночью».

Утром я и двое санитаров с лопатами отправились хоронить наших неизвестных, павших смертью храбрых товарищей. Они оба лежали, прижимая винтовки к телу. Возможно, они были ранены не смертельно и, быть может, еще вели огонь. Они не распластались и не выронили винтовок, как это бывает с убитыми. Если бы им была своевременно оказана помощь!

Противник бомбит нас с чисто «немецкой аккуратностью»: утром, в полдень и вечером, а если сверх того — то в четыре часа дня. И все — с «Фокке-Вульфов». За унылый и ноющий гул их прозвали «гитарами». Чуть выглянут из-за гор — и уже засвистели над нами бомбы, и все — на нашу площадку. А она — просто сердце всей нашей группы.

Но летчики площадкой недовольны — мала, говорят, и грунт ненадежный. Того и гляди — завязнешь, да и вырुлить некуда — кругом кусты.

С кустами идет война: каждый день команда солдат вырубает их и расчищает площадку, а с мягким грунтом бороться нам не под силу — тут нужны какие-то технические средства.

Надо отдать должное летчикам: большие мастера своего дела и ребята отличные! Ни один не улетел в обратный рейс без груза или раненых, если вообще разрешалось вернуться в Сухуми.

Вечером после доклада Пияшев сказал мне:

— Все хорошо, доктор, но я недоволен вашей статистикой

— Слушаю, товарищ полковник, — настораживаюсь я.

— Для медицины она, может, и хороша, это дело ваше. Но мне не плохо бы знать, каким видом оружия действует противник и на каких участках.

Мне понравилась эта деталь в изучении противника. Нам-то надо, конечно, знать, пулевое ранение или осколочное — от этого зависит характер обработки ран, но на каком участке — это для нас дело второстепенное.

Пулевых ранений здесь мало — почти все осколочные. Да и осколочные тоже разные: днем больше минные, а ночью — от гранат...

Раньше раненые куда медленнее, чем на равнинном фронте, и с плохо наложенными повязками попадали из батальонных медицинских пунктов в полковые, а затем в наш медсанбат.

Я доложил об этом Пияшеву, и тот приказал: на время боевых действий прикрепить врачей к батальонам. И дело пошло. Теперь раненые прибывают в хорошем состоянии, крепко и ловко забинтованными, без кровотечений.

Но в семье оказалось не без уroda, особенно в такой большой, как у нас. Не во всех батальонах умеют документировать, и поэтому нашим хирургам приходится некоторых раненых совершенно зря беспокоить осмотрами. Но и оставить их без осмотра нельзя; иной раз такое в карточке сочинят, что только, как говорится, разведешь руками. Например: «Ранение между голенью и бедром». Как, спрашивается, хирург в медсанбате из такого документа может понять, что за ранение и в каком оно месте? Выходит, что кроме высокой и всеми уважаемой науки — санитарной тактики, есть очень скромная и незаметная наука о том, как в трех-четыре слова изложить характер и анатомическую область поражения. И врачам это надо уметь.

Организация хирургической помощи как можно ближе к фронту связала меня по рукам и ногам. Оно как-будто и рукой подать до Сухуми — минут сорок лету, да ведь не все раненые такие, что перевязал — и в первый попавшийся самолет. А раненые в голову, в живот, с повреждением крупных костей? Все они нуждаются в сложных и быстрых операциях здесь, на месте. Вот это-то мы и налаживаем всеми нашими силами.

С такой маленькой площадкой, как у нас, не следует ждать, что будут каждый день санитарные самолеты. Да наивно и рассчитывать на это. Стало быть, наши хирурги должны уметь делать в совершенстве и сложные операции, и приводить раненых в транспортабельное состояние, и, наконец, «приспосабливать» их к таким воздушным вездеходам, как наши «ПО-2».

Скорый и спокойный медицинский транспорт — это буквально вопрос жизни и смерти. Академик Н. Н. Бурденко говорил, что транспорт — это жизненный нерв военно-санитарной организации и военно-полевой хирургии; победа над временем и пространством, разделяющим местонахождение раненого и лечебного учреждения, — вот в чем назначение транспорта. И это совершенно верно.

Но перед организаторами лечебно-эвакуационной помощи раненым стоят две почти несовместимые задачи: увеличить скорость движения и уменьшить вредность транспортировки. Самым покойным транспортом для раненых считали речную баржу, но при теперешних видах и темпах войны о баржах не стоит и говорить. Да и не по Бзыби же ее пускать!

Уже после того, как это было записано, я прочитал прекрасные слова главного хирурга Советской Армии Н. Н. Еланского. Он говорит: «Не только каждый час промедления, особенно для тяжелораненых, но каждый километр пути ухудшает прогноз».

Хороши бы мы были, если бы до сих пор отправляли наших раненых в Сухумгэс на носилках. А ведь хирургическая-то группа оттуда до сих пор не пришла... Спасибо, что теперь у нас есть Пицхелаури, Чубинидзе и несколько их молодых помощников!..

Отправляюсь на позиции одного из полков. Версты две можно было ехать верхом, а потом начались такие «коммуникации», что я не рад был и лошади. И сам идучи балансируй, и ее веди — да так, чтобы она, как говорят коноводы, не «сыграла» туда, откуда ей не будет возврата.

Я оставил лошадь на перевальной базе продсклада и вырезал себе посох. По таким дорогам крепкая палка — надежнее всякой лошади.

— А как бы подбросить лошадке сенца? — спрашиваю я начальника базы.

Высокий, горбоносый, со сросшимися бровями начальник базы окинул меня уничтожающим взглядом и скривил губы.

Я отвернулся.

— Вы не сердитесь, доктор, — остановил он меня.

— Но лошадей чем-то надо кормить?

— Правильно! У вас в Псху они кушают травку, а здесь — пощипывают ветки.

Я наломал самых нежных светло-зеленых веток, но лошадь на них и не покосилась. Тогда я разжевал один листок. Разжевал и понял: хина показалась бы сахаром после этой ужасной горечи.

— Ничего, — успокоил начальник базы, — постоит, съест да еще попросит.

Так я и оставил моего Россинанта в раздумье над кучкой изумрудно-зеленой листвы.

У троп с крутыми, как стена, подъемами и спусками чьей-то заботливой рукой привязаны к стволам деревьев веревки. Очень это остроумно и совершенно необходимо: только по веревкам и можно тут спускаться и подниматься.

Завернул отдохнуть на минометную батарею.

Командир усаживает обедать.

— Только вместо хлеба сухари, — извиняется он. — Как попали в это поднебесье, так с хлебом и распрощались.

— И у нас то же, — успокаиваю я. — А сухарей хватает?

— Чаше хватает. Только очень уж опостытели. Вашему брату—ученым надо было подумать о том, что бы такое сделать, чтобы хлеб не черствел и не плесневел.

— Много о чем еще надо думать, — защищаю я «нашего брата — ученых». Но прав командир батареи! Нечерствеющим хлебом ученые занимаются мало, а если и едят, то больше всего о биохимии: дескать, биохимические процессы во всем виноваты.

Понятно, никому и в голову не придет в наших условиях подвоза требовать только хлеба. Но время от времени его надо давать. Сами же ученые едят, что из-за недостаточности белков и меньшей усвояемости сухарей замена хлеба сухарями на долгое время недопустима.

Пообедали и разобрали по карте, куда мне идти.

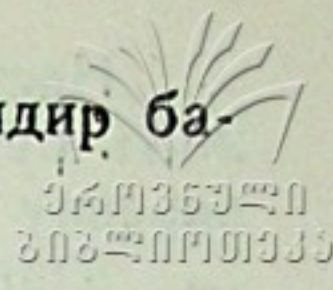
— Вот так по-над расщелиной и отправлюсь, — говорю я.

— Здесь не получится, доктор, — покровительственным баритоном зарокотал командир батареи, — подстрелить могут.

— А что надо, чтобы не подстрелили?

— Надо спуститься во-о-он туда, видите? — мы подвинулись к краю обрыва. — Вон туда, где бойцы пробираются...

Смотришь вниз, как с борта самолета, и солдаты — чисто букашки ползут.

— И потом: вы делаете неправильно... — продолжает командир ба-
тарен.

— Что такое?

— А вот что...

Гостеприимный мой хозяин, хотя и был молодым человеком, но, вид-
но, делал все основательно. Говорил—не торопился, часто приглаживал
огрызком расчески совершенно не приглаживающийся ежик пепельных во-
лос и то и дело проводил тылом пальцев по щекам, как-будто пробовал,
чисто ли выбрит. А щеки полные и румяные, и на правой — еще розовый
свежий рубец от ранения под Киевом.

— Вы на фронте впервые или бывали? — спросил он после некоторо-
го раздумья.

— Бывал. Собаку, как говорится, съел на этом деле, — пошутил я.

— А где вы ту собаку ели, доктор?

— Крым, — говорю, — Украина, Кубань...

— Да-а. Там это можно — ходить одному... А здесь не советую... Эй,
Купарадзе! — вдруг оглушительно крикнул он. — Возьми автомат и до-
ставь доктора куда надо!

Как из-под земли, перед нами вырос высокий молодой солдат.

По крутой осыпающейся тропинке мы стали скользить вниз. Какие-то
мелкие, но ужасно жесткие растения, как кошачьи когти, цеплялись за
нашу обувь.

— Хорошо бы вырубить, — говорю я.

— А кто пойдет? — отвечает мой спутник вопросом. — Воевать надо.

Воевать надо — это правильно, но не послать двух-трех человек на
расчистку тропинки — это не понимать, как важны в горах даже самые
маленькие стежки-дорожки.

Что хорошо, так это и здесь — спасительные веревки у подъемов и
спусков.

Встречаемся с группой бойцов, которых мы видели сверху. Четверо.
Несут на плащ-палатке раненого с перевязанными голенями и рукой.

Остановились, закурили.

— Прилетела откуда-то, — говорит словоохотливый раненый, — да
ка-ак с-саданет. Я сразу и не понял, в чем дело. Упал и гадаю: почему это
я упал? А уж потом чую: по ногам горячее потекло. Ну, думаю, значит,
амба, готов...

— Как несут? — перебиваю я раненого.

— Несут! Волокут, скажите, и то слава богу. И вдоль, и поперек, и
наискось — вот как несут...

Раненый засмеялся своему остроумию, и я увидел, что это был совсем
молодой человек, только давно не бритый. Густейшая борода росла из-
под самых глаз.

Горька, но справедлива сказанная им шутка о том, как несут.

Кончаем курить, и я берусь за один из углов плащ-палатки, чтобы по-
бывать в тяжелой роли санитар-носильщика.

Узкая тропка не позволяет идти сразу двоим. Натянуть плащ-палат-
ку нельзя: по крутому склону всех тянет неудержимо вниз. Каждому из
нас надо по возможности держаться дорожки, а то не устоишь на ногах.
Поэтому мы стараемся идти по тропинке один за другим, хватаемся за
корни деревьев, за кривые кусты, а то и за матушку-землю. Для ранено-
го это действительно и вдоль, и поперек, и наискось...

Перед спуском по веревке остановились, чтобы перестроиться; внизу
должна быть более сильная пара. Я становлюсь наверх, но и тут сразу
же хватаюсь за угол палатки зубами — руки нужны, чтобы держаться за
веревку, по которой спускаемся.

Нестерпимо больно зубам. Стало быть, и палатку и веревку надо держать руками, как это делает мой товарищ. Ладони жжет, но отпустить веревку нельзя — тогда нам всем, и прежде всего раненому, крышка!

Еще раз убеждаюсь, что санитары должны быть сильными и обученными. Только тогда жизнь пострадавших будет в надежных руках. А некоторые командиры и начальники отдела кадров все норовят подсунуть в санитары кого послабее.

— Как-нибудь иначе пробовали? — спрашиваю я, когда мы спустились и немного пришли в себя.

— Пробовали. Только в горах все тяжело. Но лучше плащ-палатки не нашли.

Жалко, нет у нас носилок с лямками или веревками вместо ручек. Такие носилки были бы здесь очень удобны.

Санитары снова взялись за углы палатки и за веревку, одним концом привязанную к дереву, и начали карабкаться — теперь уже на подъем. Нечеловеческий труд! И надо его видеть, чтобы оценить весь его будничный, незаметный и многим не известный героизм!..

Чем и как можно помочь делу? Требовать от начальства физически сильных и знающих дело санитаров-носильщиков да как можно ближе к переднему краю ставить медицинские пункты частей и даже сам медсанбат. В горах это можно и, главное, нужно.

Когда я дня через два прибыл на доклад к Пияшеву, он встретил меня не очень-то любезно и даже не протянул руки.

— Извольте брать с собой охрану и проводника, товарищ Орлов... Вы понимаете, о чем я говорю?

— Понимаю, товарищ полковник. Но тот раз было недалеко.

— В горах близко только для птиц, — недовольно проворчал Пияшев. — А для тех, кто ходит по земле, всегда далеко. И берите проводников. Скверно, конечно, если... ухлопают, — снова заговорил полковник. — Ну, а если в плен зацапают?

Действительно, я дурака сваял, отправившись один.

Но пока меня не было, в Псху прибыла-таки, наконец, наша «собственная» группа хирургов. Только ведущий хирург все хмурится и требует два дня отдыха.

Я сказал, что всей группе дать отдыха не могу, а по очереди пусть отдыхает каждый, и пусть эту очередь установит он сам, согласовав с работой Пицхелаури и Чубинидзе.

После очередной жестокой бомбежки меня вызвал начальник тыла и передал приказание Пияшева — вывести из села все хозяйства и службы.

Мы объехали с этим голубоглазым и молчаливым человеком вокруг деревни, и, как говорится, «мнения ученых разошлись». Начальник тыла требовал разместить нашу службу рядом с площадкой, на которой он устраивал склады. Я не соглашался.

— Подумайте, — говорил я, — какой это огромный крюк! Пронесите-ка по этим подъемам и спускам раненых туда и обратно по два километра. Командиры съедят меня за задержку носильщиков.

— Пошли к полковнику, — решил начальник тыла.

— Пошли!

У Пияшева я предложил для нашего медсанбата место километра на три ближе к переднему краю.

— Нет, нет, — взглянув на карту, замахал руками полковник. — Немцы минами достают. Не могу! И слушать не буду. Но рядом со скла-

дами скверно: далеко в стороне, да и опасно — склады с воздуха скоро находят.

— Тогда южнее Псху, товарищ полковник, — говорю я. Там, правда, дальше и спуск тяжелый, но есть домишко в две комнаты — для хирургов.

— Это пойдет.

Полковник был прав: на другой же день склад, хотя и без особых потерь, разбомбили, и теперь для него ищут новое место.

Наши снова продвинулись вперед и подошли к перевалу Санчаро, о котором говорила Бессонова.

— Можете перевести медсанбат на то место, которое предлагали, — сказал мне как-то утром полковник.

Наш новый ведущий хирург и я облюбовываем площадку. Недалеко от нее проходит дорога, к которой отовсюду сбегается масса тропинок. Это очень удобно для доставки к нам раненых. Но, кроме могучих старых дубов, вокруг нет ничего, что служило бы крышей над медсанбатом. Мы поразведали окрестности, и у одного недостроенного дома нам приглянулись высокие, еще не обшитые тесом стропила. Если их перенести и обтянуть плащ-палатками, будет отличная операционная. Для другой разобьем обыкновенную палатку, а для раненых соорудим землянки.

— А мы? — спрашивает ведущий хирург, имея в виду себя и врачей.

— Придется, — говорю я, — обходиться плащ-палатками: другого выхода пока нет.

Очень он хороший хирург, с большими, серьезными знаниями, а вот не может привыкнуть к фронтовой обстановке — и баста! Все ему кажется, что кто-то его ущемляет, обижает и «лишает» хирургического комфорта. Все его товарищи и подчиненные сразу обжились, сдружились и сработались с нашими врачами, а он ходит небритый, понурый — без огонька и всю работу свалил на своих помощников — особенно на Барамия и Николайшвили. Эти ребята — безответные, как Чубинидзе. Когда спят, когда едят, — неизвестно, а придешь — они у операционных столов. Они и по внешности похожи один на другого: молодые, веселые и оба с черными усиками.

С приездом нашего ведущего хирурга пришлось расстаться с Пицхелаури. Много он для нас сделал, многому научил, особенно молодых хирургов, был прекрасным товарищем, но Чепелев все-таки потребовал его к себе.

К слову, о плащ-палатках, в которых мы теперь живем. Они — единственное наше богатство. Это — наши жилища, одежда, простыни и носилки. Если плащ-палатки нужны на войне везде, то в горах они просто незаменимы. И к чести начальника тыла надо сказать, в плащ-палатках отказа нет — дает, сколько нам нужно.

Да-а! Легко было сказать: «соорудим для раненых землянки». Скоро сказка сказывается. Не будь подле нас роты саперов, ни одной землянки наши санитары не вырыли бы. В земле, оказывается, то же царство скал и камней, что и на поверхности. Как будто ровно и гладко, а начинают копать — и пошли расти из земли такие глыбы — только искры из-под кирок и лопат сыплются.

В семи местах принимались за работу наши добрые друзья — саперы, пока не отрыли три гнезда для землянок.

Прибыла конно-санитарная рота с вьючными носилками системы Терентьева. Тяжело и высоко громоздятся они на лошади и какая-то у них

уж очень подозрительная качка — и килевая и бортовая, если говорить языком моряков.

Поднимают меня на одних из них, затягивают руки-ноги ремнями, и я еду показывать носилки в штаб.

— Вы не бойтесь, — успокаивает меня коновод. Он заметил, что при спусках и подъемах я невольно хватаюсь за раму или ремни.

Коновод — саратовец, говорит, будто поет, и я с удовольствием слушаю его музыкальную и ясную речь.

— Тут главное не робеть, — продолжает он. — Ежели к носилкам пристегнут, как это полагается, то и беспокоиться не о чем: не упадешь.

— А вместе с носилками? — спрашиваю я.

— Так ведь это как сказать? С носилками, пожалуй, тоже трудно, если у них, конечно, подпруги целы.

— Стало быть, лететь — так с лошастью?

— Это — кому какая судьба, — серьезно говорит коновод — А одному с носилок не сорваться. Чай, сами видите, как мы вас здорово к ним приспособили...

Здорово-то здорово — слов нет, а только я не думаю, что падать с носилками и с лошастью будет приятнее, чем одному.

— Вы их требовали? — указав на носилки, спросил меня Пияшев, когда мы подошли к крылечку штаба.

— Не требовал, — отвечаю я.

— Ну, ничего: прислали, надо попробовать. Может, и годятся.

Я распределил санитаров по полкам и велел идти на ночевку в ближайший перегрузочно-питательный пункт.

— Товарищ начальник, — обратился ко мне коновод-саратовец, — определите меня к дальним позициям. Лошадь у меня — что надо, да и сам я могу... соответствовать.

Он молодежато закрутил седеющие усы и улыбнулся.

Я перенес его фамилию в список полка, на самом крайнем правом фланге, и на прощанье, как водится, приказал беречь раненых, себя и лошадей.

Рота скрылась за поворотом дороги.

Впереди строчит пулемет, ухают пушки. С неба долетел ноющий шум «Фокке-Вульфа» — и тотчас же со знакомым нам присвистом стремительно понеслись на Псху бомбы. Бедная полянка! Надо после бомбежки съездить посмотреть, успели ли там спрятать раненых.

Меня догнал верхом на неоседланной лошади командир конно-санитарной роты, с которым я расстался час назад.

— Коновода убило, товарищ начальник!

— Постойте, постойте... Какого коновода?

— Того, с усами... Который носилки показывал.

— Как же это так? Ведь только что попрощались.

— А так вот. Пришли на пункт, а там орудийный обстрел. Мы все — живо в подвал. Хоро-оший подвал под домом. Ну мы, значит, в подвал, а он, коновод то есть, стал посередине двора и ус крутит. Ну и шарахнуло осколком прямо в голову... Сколько раз говорил ему и приказывал прятаться. Человек-то больно хороший — все рвался на передовую.

«Вот тебе и судьба! — вспомнил я свой разговор с этим человеком. — Поберегся — и судьбы никакой не было бы».

Подскакал верхом на своем костистом гнедке связной санитар из больницы.

— Врачи на самолетах прилетели: госпиталь открывать будут, — выпалил он одним духом.

Еду в больницу: там у меня, так сказать, штаб-квартира, хотя чаще

я ночую в палатках вместе с врачами. Теперь я — больше верхом, а то ни сил, ни времени не хватает быть везде на ногах.

Правильно: целый госпиталь. Начальник — военврач третьего ранга Семериков. Бритоголов, кругл и быстр в движениях. У всех прилетевших — только сумки с хирургическим инструментом да крошечные чемоданчики или вещевые мешки — и никакого другого имущества.

— А где палатки? — спрашиваю я Семерикова.

— Начсанарм сказал, что вы устроите.

— Напрасно он это сказал: бьемся без настоящих палаток, как рыба об лед. И потом: я не знаю, кого вы будете здесь лечить?

— Раненых, по-видимому, — не без желания кольнуть ответил Семериков.

— Полковник приказал мне, — продолжаю я, — оставлять здесь только тех, кто будет лежать не больше двух недель. Всех других беспощадно эвакуировать.

— Почему беспощадно?

— Во-первых, потому, — говорю я, — что люди не любят покидать свои части, а, во-вторых, полковник считает, что наши бои подходят к концу.

Мы отправились к Пияшеву: не посылать же госпиталь обратно.

— Госпиталь — это даже неплохо, — живо отозвался полковник. — Комсостав не будем терять, ну, и медсанбату легче, жаль, что прибыл он поздно. Ну, да, словом, устраивайтесь, — обратился он ко мне.

Семериков подавил улыбку победителя и перевел взгляд с меня на крону дуба, под которым была землянка Пияшева.

Я отдал под госпиталь домик, который занимал до этого наш медсанбат, и выклянчил у начальника тыла пять армейских палаток.

— Это только госпиталю такая роскошь, — сказал Семерикову начальник тыла, — лечите хорошо!

— Слушаюсь! — подчеркнуто вежливо откозырял Семериков.

Все чаще тучи заволакивают перевал, и самолеты не успевают вывезти всех раненых, хотя их стало теперь очень немного.

Но только ночью, когда не бывает налетов, мы не дрожим за их судьбу. И вот что удивительно: сколько было этих налетов, а ни одного раненого или больного мы не потеряли от них, и даже ни одна бомба не попала в наш домишко — эвакуопункт.

Когда я снова был на передовой, прилетел кинооператор и заснял ряд боевых эпизодов в горах. И нашу медицину снял: вынос раненых, оказание первой помощи, операции в палатках. Очень это хорошо придумано: так мало знают о войне в горах. Снял и спрятал ленты в самолет, чтобы завтра чуть свет улететь.

Но под вечер — налет на площадку этих гнусных «гитар» — «Фокке-Вульф», и все погибло: самолет и ленты сгорели.

Семериков оказался прекрасным начальником. На другой же день его госпиталь работал, как часы, будто век стоял на этом месте. Мне даже неудобно перед этим, по-видимому, добрым человеком, что я так сухо его встретил. Конечно, было бы во сто раз лучше, если бы Семерикова с его госпиталем начсанарм прислал вскоре после моего приезда.

Получил целый бочонок мази от отморожения. Солнце пылает, как в августе, все тонет в пышной зелени, а тут эта мазь! Не знаю — то ли на складе ее держать до поры до времени, то ли в полки отправить.

И все-таки послал мазь во все части и написал, как ею пользоваться.

Утром иду на крайний левый фланг. Надо сказать «идем» — теперь я беру с собой кого-нибудь из наших молодых санитаров с автоматом! полковник запретил начсоставу появляться на передовой без вооруженного сопровождения.

Тропинка вьется по руслу ручья. Он мирно и как-то по-детски беззаботно журчит под камнями, его и не видно. Но какие наворочены валуны — в два-три обхвата! Конечно, это его работа, когда он, как говорил наш первый коновод, «вставал на дыбы» после дождей.

Встречаем носилки Терентьева. Сопровождают их три санитаров: один ведет лошадь, а двое поддерживают по бокам раненого. Конечно, это в тысячу раз легче, чем нести на руках. Но очень плохо на спусках: головная часть седла уходит вниз, и раненому кажется, что он сейчас скатится с лошади и полетит неизвестно куда.

Останавливаю одного. Судя по смуглости и акценту, он, должно быть, азербайджанец.

— Товарищ начальник, товарищ начальник, — обрадовался он: — пусть отпустят, пешком пойду. Прошу, прошу, — говорит: приказ, чтобы на таких носилках. Какой такой приказ? Башку долой? Хорош приказ! А лошадь какая? Туда-сюда шатается. Надо большую...

Кое-как заверил беднягу, что довезут его в целости и сохранности.

— Насчет лошади — правильно, — поддержал раненого коновод. — Лошадь тут требуется дюжая. А только я должен сказать — если конь в горах не ходил, то с первого же шага так вниз загремит, что и костей не соберешь...

Все трое санитаров согласны в том, что от носилок польза будет, но их «надо пересмотреть», то-есть сделать более легкими, низкими и чтобы они снимались с седла...

Поднимаемся в горы. Но сколько бы мы ни карабкались, им не видно конца. Как волна за волной, после каждой гряды вздымается новая. Люди, не видевшие гор, и понятия не имеют, какого труда стоит подняться в эту высь да еще с грузом.

Давно я заметил, что раненых нередко несут на самодельных носилках: пара жердей, кое-как переплетенных старыми бинтами, обмотками, проволокой, словом, всем, что попадется под руку.

Я думал, что не хватает казенных носилок, и радовался изобретательности санитаров. Но и на этом участке почти все носилки такие, хотя на медицинских пунктах кучи новых носилок с точеными ручками. На Украине и на Дону мы берегли их, как зеницу ока, и собирали, где только можно.

— Почему вы не пользуетесь хорошими носилками? — спрашиваю я санитаров.

— Да что говорить, товарищ начальник? — отвечает один из них, с огромными пушистыми усами. — Это не зря у нас заведено тут. Принесли мы, скажем к примеру, раненого, и эти жерди — по-боку. Снимем с них бинты или обмотки или другие какие тряпочки — весу-то в них не больно много — в карман, да и пошел обратно. А попробуй-ка на эти вершины с казенными носилками податься! В них фунтов двадцать будет? Будет. Не больно-то разбежишься...

«Действительно, век живи, век учишься», — подумал я.

— А если нет леса, чтобы жердей добыть?

— У нас, например, нет, а спустишься с полверсты — и его сколько угодно. Не пять же верст с носилками топать.

Кончился лес и на нашем пути. Лишь серо-зеленые низкорослые травы покрывают унылые склоны. В ложбинах все еще лежит толстым

слоем прошлогодний потемневший снег, не растаявший за лето. Из-под снега широким потоком бежит ручей.

От леска, что остался внизу, цепочкой тянутся бойцы с водой в котелках и с дровами — по жердочке на плече. Не легко достаются им чай и обед!

Вдруг мимо нас неожиданно промелькнули, как птицы, две козочки. Мой проводник пустил по ним очередь из автомата. Откуда-то, будто из-под земли, выскочили солдаты, и пошла трескотня из винтовок по мелькающим беленьким хвостикам. Козы прыгают, как мячи, одинаково стремительно и в гору и под гору.

— Умирать побежали, — мрачно сострил мой проводник.

Но не успел он повесить автомат на шею, как на нас с треском посыпались мины. Я сразу-то и не понял, в чем дело. Кто-то закричал во весь голос:

— Ложитесь, черт вас дер!

Это кричал комбат.

Хорошо, что вокруг разбросаны огромные камни и есть, куда голову спрятать.

Минометный обстрел оборвался, как и начался, — сразу.

— Кто вам разрешил стрелять? — наседал комбат на бойцов.

Я заступался за них, как умел, потому что начал-то пальбу мой санитар, он и виноват больше всех.

— Мы здесь дышать не должны, — говорит командир батальона, — а получилось черт знает что! Пропали они пропадом и джейраны эти, или как они там называются!.. И хоть бы уложили их, что ли... Что я скажу полковнику? Он строго-настрого приказал не выдавать себя ничем.

Комбат много раз возвращался к этим несчастным козам, пока мы обедали.

Это был человек средних лет с сильно обветренным лицом, потрескавшейся нижней губой и выжженными добела бровями. Видно, что он здесь не только «не дышал», но занимался делами, требующими его постоянного пребывания на всех четырех ветрах.

Солнце зашло, и наступил порядочный холод. Спал я в палатке с химическими грелками: пришел без шинели. Хорошо, что мы послали эти грелки в свое время во все части, не дожидаясь холода в Псху.

Написал начсанарму о полотнищах для носилок и через три дня получил самолетом пятьдесят штук. Там, где нет леса, в носилки продевают обмотки или веревки, а там, где лес есть, — ручки вырубает из жердей. Внизу эти жерди бросают, а легкие полотнища санитары уносят с собой. И врачи и носильщики очень довольны такими носилками и просят еще. От всего сердца спасибо санитару с огромными усами: это он надоумил меня. Да я, пожалуй, и не решился бы на такое поругание узаконенных казенных носилок — заменить точеные ручки какими-то кривыми жердями или бросовыми обмотками...

Боевые дела наших войск идут хорошо — части продвигаются все дальше и дальше. Правильнее было бы сказать: все выше и выше.

Но возникла одна неприятная неожиданность. Комиссар группы войск Рудой, спокойный и дружески ко мне относящийся человек, вызвал меня и сказал, что ему донесли о какой-то новой неясной болезни: у людей без всякой видимой причины пухнут ноги. Пухнут, то-есть, значит, — отекают.

— Одни ступни, — говорит комиссар. — И имейте в виду, только на левом фланге.

Я сказал, что был там на днях, и все были здоровы.

— Теперь они на новом месте и еще выше, дорогой доктор. А вра-
ча нет — ранен.

Пришлось послать хирурга Николайшвили. И вот он докладывает по телефону совершенно неожиданную вещь:

— Ознобление!

— Не спешите с диагнозом! — кричу я ему. — Подумайте! Это не тундра, чтобы в начале октября озноблялись. Лето кругом...

— Нет, товарищ начальник, — слышу я, — диагноз правильный. Здесь по ночам здорово холодно — не выше пяти-семи градусов.

Из санотдела-то армии не напрасно прислали мазь от отморожения. Только я не поклонник смазывания ног этой мазью. На Украине мы занимались этим и ничего хорошего не видели. Было еще хуже: портянки пропитывались жиром и только больше охлаждали ноги. Лицо при ветре и морозе смазать неплохо — защищает.

Большая для меня неожиданность и неприятность эти ознобления! А все потому, что мы еще плохо знаем горы, хотя и узнали о них очень многое. Главное: рецидивы при озноблениях нередки.

Попросил Николайшвили передать телефонную трубку комбату, у которого обедал и который ругал нас за коз.

— Так ведь кто же его знал, — говорит комбат. — Тоже первый раз в этих самых горах... Дожди у нас были, как вы ушли. Конечно, моя вина, а еще больше моя беда, потому что никто не ждал... Днем-то теплень.

Эта температура в пять-семь градусов выше нуля и сырость — и есть самое предательское сочетание, потому что многие считают, что повреждения тела наступают только при температуре ниже нуля.

Прихожу к совершенно ясному выводу: в безлесых горах, где нет дров, нужно иметь либо сухой спирт, либо примусы. Сухим спиртом мы пользовались на Украине. Удобно, ничего не скажешь, но очень много его надо — сгорает быстро. Мне кажется, примусы или какие-нибудь керосиновые форсунки были бы экономнее. Словом, вопрос о топливе в горах надо как-то решать: лесу, а стало быть и дров во многих местах нет, а о высокогорных районах и говорить нечего.

Наши части уже продвинулись за перевал Санчаро.

Горы покрываются снегом. Каждое утро его кромка спускается все ниже и сжимает кольцо вокруг нашего, ставшего уже родным, Псху.

20 октября. Бои затихли. Выпал глубокий снег.

В обороне на зиму остается один сводный полк. Пияшев говорит, что и этот полк, по-видимому, будет снят: немцы вряд ли удержатся. Дела у них на нашем фронте неважные.

Принесли газеты. Судя по ним, что-то, по-видимому, огромное назревает под Сталинградом: одиннадцатого октября было отбито пять вражеских атак...

Нежданно-негаданно прибыл новый начальник госпиталя вместо Семерикова. Он же будет и начальником медицинской службы остающихся на зиму наших частей.

Большинство из нас и сам полковник Пияшев должны будем возвратиться в штаб армии, в которую входила наша группа войск.

Прощаюсь с друзьями, с начальниками, сажусь в самолет, а на душе у меня грустно. Оставляю людей, с которыми делил и горе и радость и о которых привык думать и заботиться.

— Держитесь крепче, — предупреждает меня пилот. — Болтает. Ящик с патронами свалило и, вон видите, крыло пропороло.

Утлое воздушное суденышко, дорогой ты наш «кукурузник»! Сколько же ты сделал для нас бесценных дел! Вот только пробоинка в крыле как-то того... Лучше бы ее не было.

Полетели.

Самолет ревет, дрожит, проваливается в воздушные ямы, и мне кажется, что мы висим на одном месте, будто нас привязали к небу невидимой ниткой. Куда ни посмотришь — все та же наша посадочная площадка, те же вершины гор, что я видел с земли. Кружимся и кружимся...

Я впился пальцами в борт, и они у меня совершенно окоченели. Хорошо я буду, если их отморожу!

И вдруг пахнуло теплом. Справа внизу развернулась синя-зеленая полоса. Только она не лежит, а... стоит, как стена. Как это так может море стоять, не понимаю.

И вот, наконец, Сухуми, аэродром...

Выхожу и вижу горы ящиков с медикаментами и санитарным имуществом. На каждом надпись: «Псху — Орлову».

— Теперь уж этого так много не надо, — говорю я рыжеватому экспедитору в синем фартуке, по-видимому, фармацевту.

— Вы не... — и экспедитор называет мою фамилию.

— Я-то я, — говорю я ему, — но откуда вы меня знаете?

— Как же не знать, когда каждый день отправляем имущество! Только я думал, что вы старый и очень сердитый.

— Почему это?

— Уж очень был строгий приказ из армии: все посылать вам срочно и немедленно.

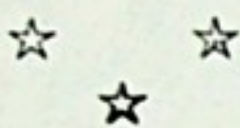
— Так это не для меня.

— Я понимаю: для войск... А вы нами довольны, товарищ военврач?

— Очень, — искренне отвечаю я. — Без вас и без тех, кто все это сделал, разве мы могли бы воевать?

И вот я опять еду в штаб фронта — за новым назначением. Но еще долго будут мои думы с теми, кто воевал и кто боролся за жизнь воинов в этих суровых и в то же время прекрасных горах Абхазии.

Пусть то, что сделала наша группа, — лишь капля в море всех военных трудов на пути к победе, но и об этом, мне кажется, надо было рассказать.

Перевод с грузинского Б. Кофман-Гахокидзе

Я не солнце — так что взглядом
жечь я не умею.
И дышать с тобою рядом,
робкая, не смею.
Ну, а сам ты — недогадлив.
Как убрать, смести с пути
Все помехи и преграды,
Чтоб к тебе мне донести
Чувства чистого отраду?

Знаю, знаю: только песней.
Песни сердца нет чудесней.

Любка

РАССКАЗ

Старинная кубанская станица Н. недавно стала именоваться городом. Ночью Н. в огнях, как и полагается настоящему городу. Особенно хорошо здесь в сентябре. Изредка днем прошумит дождь, без грозы, без ветра. Вечером свежо. Тротуары тускло отсвечивают мокрым асфальтом, в умытой, слегка тронутой желтизной листве прячутся фонари. В городском саду играет баян. Людно на танцевальной площадке, в летнем кинотеатре.

В эту осень я прожил в Н. больше месяца. Комнату снимал у Анисьи Фоминичны, одинокой старухи с крохотными, до крайности выцветшими глазами. В домике, который остался ей после смерти мужа, было три комнаты: две она сдавала, а в одной жила сама. Меня предупредила:

— Соседкой у тебя будет Любка. — Прикрыла платочком губы, точно силясь что-то вспомнить. — Но ты не беспокойся, Любка — девушка смиренная, не шумливая. Днем на работе, а по вечерам на танцах или в кино... Так что заниматься тебе тут будет покойно... Кто она? Так, беженка... Из колхоза весной убежала — и вот бедствует. Специальности у нее нету, поступила техничкой в школу. Житуха скудная — по причине, конечно, малой зарплаты... За Кубанью, на Вросколесских хуторах, у нее мать и старшая сестра. Обе доярки. И брат есть. Тракторист или шофер — не знаю. Живут обеспеченно, в достатке. Ну и Любке подсобляют — провизией. Этим и за квартиру уплачивают. Доставляют и масло, и сало, и яички. Так она и существует... Мать уговаривала вернуться. Не желает. За город держится. Все ж таки тут у нас и танцы, и кино, и там всякая иная культурность для молодежи.

Осень выдалась теплая. Каждый вечер в городском саду не умолкал

баян. Любка и в самом деле почти не бывала дома. Я видел ее редко, да и то чаще всего в окно. По вечерам к ней заходила подруга. Любка умывалась в коридорчике, причесывала слабо завитые, отросшие до плеч волосы, надевала каждый раз одно и то же старенькое, в крапинку, платье, побитые на танцах босоножки и уходила.

Как-то перед вечером возле двора остановился грузовик. Шофер снял штук пять арбузов, оклунок яблок, корзину. Все это он перенес в коридорчик и ушел. Затем пришла пожилая, с грустными глазами женщина, поставила кошелку, зашитую сверху мешковиной, и обратилась ко мне:

— Нету моей дочки? Ах ты, горе тяжкое... Все ходит. До чего только доходит... Попрошу вас: пусть это тут полежит. Придет Любка, скажите ей, что приезжала мать. Теперь до воскресенья пусть не ждет. Сестре некогда отлучаться, а у меня сил...

Не договорила. Помешали слезы. Постояла, вытирая глаза кончиком косынки, и поплелась к калитке, понуря голову.

Машина не отъезжала. Шофер подошел ко мне. Это был парень лет двадцати — не старше. Чуб выгорел на солнце и петушиным хвостом торчал из-под кубанки. Руки у парня сильные, ладони широкие. Снял с чубатой головы поношенную кубанку и, ударив ею о ладонь, начал упрашивать меня поговорить с Любкой, чтобы она вернулась.

— Не колхозу Любка нужна — без нее колхоз может обойтись, — продолжал парень, комкая в руках кубанку. — Мать ее сильно страдает. Слезами извелась. И все из-за Любки...

— Ты-то ей кто? Брат?

— Зачем же — брат? — смутился парень. — Так, просто шофер, посторонний... Григорий Королев. Тут, товарищ, вся загвоздка в том, что Любка страшно гордая, как камень, и ни мать, ни сестра ее не уговорят. Я тоже не берусь — характер ее малость знаю... А вас она, может, послушается. Побеседуйте, товарищ... Вам же это не трудно. Скажите ей, что так и так...

Мне не хотелось обижать Григория Королева, и я пообещал при случае поговорить с Любкой, заранее не веря в успех дела.

Случай этот представился утром. Уходя на работу, Любка задержалась возле моего открытого окна, спросила, кто вчера приезжал — мать или сестра. Я передал ей слова матери. Любка потупила карие, до этого смело смотревшие глаза. На ее смуглом, еще не знавшем ни белил, ни пудры, красивом лице проступил жаркий румянец. Она кивком головы откинула назад волнистые волосы и сказала:

— Ну и пусть не ездят. Я их и не прошу. Сами возят. — И весело, наигранно добавила: — А не заметили, случаем, какой из себя был шофер? Молодой?

— Твоих лет.

— С собой такой русявенький? Чубатый и в кубанке?.. Это Гриша... Приехал-таки... Он ничего не наказывал?

— Просил поговорить с тобой.

— Гм... Поговорить? О чем?

— Почему не возвращаешься к родным, в колхоз...

— Об этом? — Любка деланно рассмеялась. — Вот так Гриша! Чудак! И кто его только научил?

— В самом деле, Люба, ведь живется тебе здесь нелегко, а дом...

— Это песня старая, — перебила она. — Перепевать ее нечего. Что было, то было — не вернешь.

И ушла, рукой и привычным движением головы поправляя волосы. От ворот вдруг вернулась.

— И это Гриша просит меня вернуться, — выговорила она через си-

лу. — Стыда у него нету. Эх, Григорий, Григорий! Видно, спохватился, да только поздно... Небось, ничего он не рассказал вам, как меня обидел. Ведь он-то хорошо знает, почему я тут. Спросите так, для интереса, и пусть он не утаивает и расскажет все — и как клялся в любви, и как уверял, что мы поженимся и уедем жить в город. Я так хотела учиться... И Гриша обещал, а вышло... Сами видите, как... — по ее щеке покатила слеза. — Добился всего, опозорил, а теперь просит... Да ни за что! Умру одна, без людей, а туда не вернусь! Так ему и передайте.

И она не ушла, а убежала на улицу.

В воскресенье, когда совсем стемнело, к воротам опять подкатил грузовик. В мою комнату вошел Григорий Королев, держа кубанку в руках. Поздоровался.

— Опять ее дома нету? Я так и знал. На танцах или в кино. — Присел на пороге. — Придется ждать...

— Почему один?

— Ни мать, ни сестра не захотели ехать.

— Продукты привез?

— Нет, порожняком приехал... Ну, а у вас как? Был разговор?

— Был.

— И что? Успешно?

— Не захотела и слушать.

— Я так и знал.

— На тебя, Гриша, обижаются.

— Понятно. — Григорий склонил голову, умолк. — Гордая, просто беда! Ведь на какой почве произошел разлад? На несогласии. Не сошлись на колхозной жизни. Любка — уезжать, а я — не уезжать. Ну, сами посудите, зачем же бросать свое родное и убегать? А Любка затвердила: в город — и все. А зачем в город? И на хуторе можно хорошо жить. Так что напрасно обижаются. Сама виновата, беглянка. Жили бы в колхозе. Я у батька один, у нас свой дом, всякая домашность. — Он замолчал, поднялся, потом снова сел. — Знаете, на что я решился? Вам откроюсь. Может, у меня ничего не получится — не знаю, а только я твердо решил — увезу Любку домой. Сегодня ночью умчу! За этим и приехал... Как увезу? Очень просто — силой. Вот подожду ее с гулянки, а потом посажу в машину рядом с собой, закрою кабину на замки и дам газку — только нас и выдали! Ну, как план? Стоящий?

— Тебе, Гриша, виднее, — уклончиво ответил я. — Но только вряд ли Любка сядет в кабину.

— Ежели любит по-прежнему, тогда сядет.

— Ну, если любит...

— Должна бы любить. — Гриша снова сидел молча, согнувшись. — Эх, если бы она, дура, знала, как мне без нее тошно... И девчат у нас много, можно бы и подобрать по сердцу, а вот не подберу — нету такой, как Любка... Через то и беспокойная у меня жизнь. Вот и приехал... Неужели не смогу увезти?

Я промолчал. Да и что сказать? Мне казалось, что Григорий задумал все это напрасно. Он, видимо, и сам в душе признавал, что увезти Любку силой было нелегко. Загрустил. Посидел еще и ушел к воротам — видно, там решил ждать возвращения Любки.

Часа через два в коридорчике послышались стук каблучков и шаркающий топот сапог. Заскрипела дверь. Я понял, что в комнату вошла Любка, а за ней — Григорий. «Значит, не села Любка в кабину», — подумал я.

Стенка, разделявшая нас, была тонкая, и я невольно слышал разговор Любки и Гриши.

- Ну, зачем, Гриша?
- Люба, послушай...
- Уйди с глаз! Видеть не могу...
- А я думал...
- Что — думал? Кто тебя просил приезжать?
- Уедем, Люба.
- Легко сказать — уедем. Я уехала бы, хоть сию минуту.
- Так в чем же дело?
- В чем? Стыдно... Ты это понимаешь? Ох, как стыдно!
- Глупость.
- Как буду в глаза людям смотреть? Они ничего-то не знают и думают, что я так — захотела и убежала. Скажут, покатила разыскивать легкую жизнь, а теперь заявила на все готовое... Скажут же...
- Да какое людям дело... Поедем!
- Нет, не могу...
- Силой увезу, Люба!
- Меня? Ого! Такой силы теперь нету. Эх, Гриша, Гриша... Чудной!
- А если люблю! Что мне делать?
- Тише... За стенкой слышно.

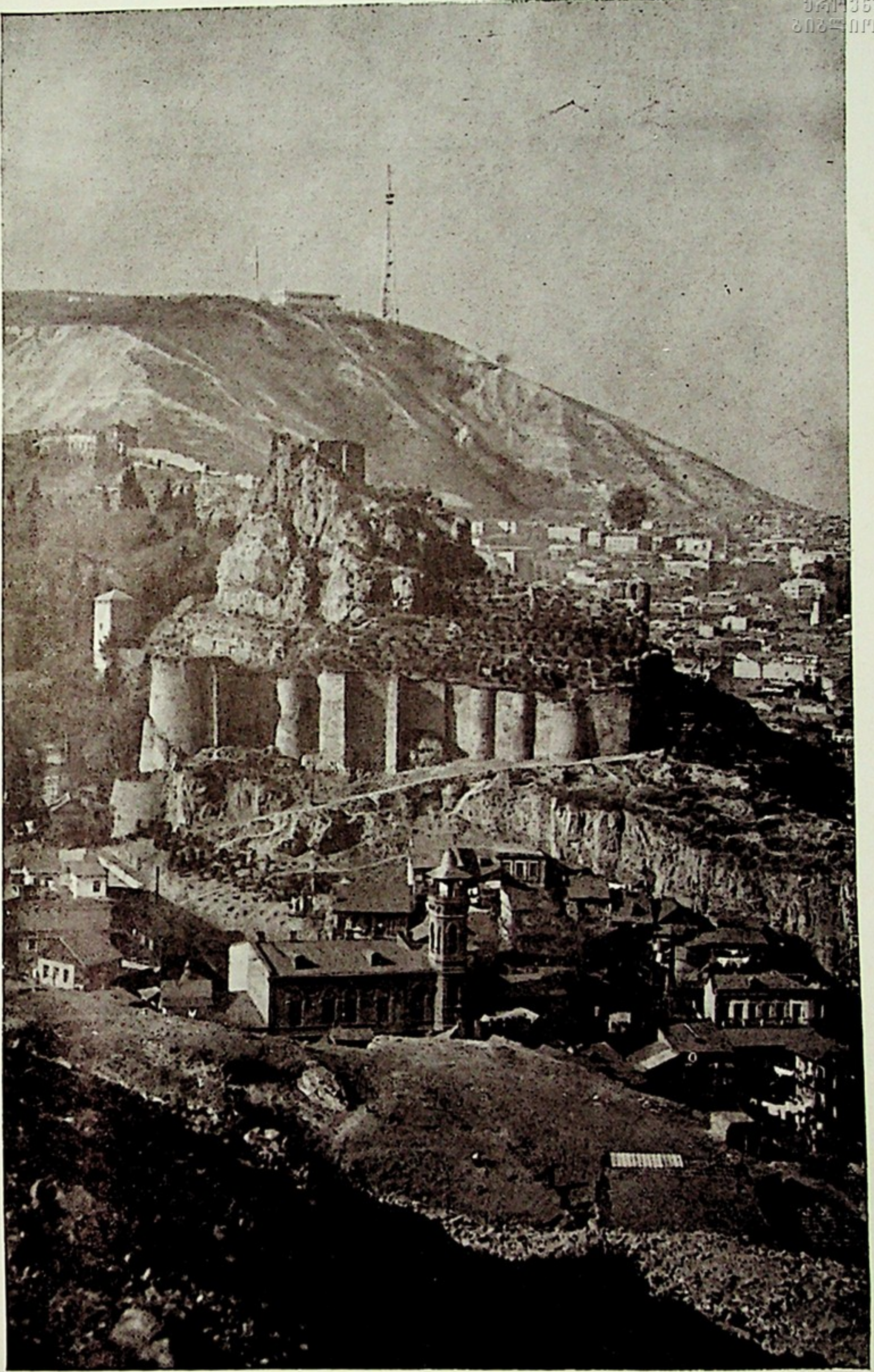
Они заговорили шепотом. Я лег в постель, натянул на голову одеяло и уснул...

...Рано утром постучала Анисья Фоминична. Остановилась на пороге, прикрыла пальцами губы и сказала:

— Спишь, квартирант? Небось, и не слышал, какая у нас случилась оказия? Любки-то нету. Увез ее тот шофер. Все-таки поехала...

საქართველოს
წიგნობის ეროვნული
სამსახური

УГОЛОК СТАРОГО ТБИЛИСИ
Развалины крепости Нарикала.

Фото М. Козловского—Кушиташвили.

Летели звезды...

Перевод с грузинского Б. Кофман-Гахокидзе

Летели звезды —
 ночные фазаны.
 Шумели над нами густые платаны.
 Лицо небосвода —
 лицо великана
 Глядело миллиардами глаз,
 А желтая родинка неба — луна
 Мерцаньем дурманила нас.
 Любовь твоя вспыхнула странно, неожиданно —
 Пушинкой бросала меня невесомой,
 Обрушилась, сбила меня ураганом
 И вспомнил я юности трепет знакомый.
 А сердце клокочет, клокочет в груди,
 Кругом все хохочет
 на светлом пути,
 тобой озаренном.

Жива и могуча
 та властная сила,
 Что страстью взбурлила
 всю кровь в моих жилах.
 О, яркие краски бессмертной природы!
 Пою я вам радостно страстные оды.
 Лицо небосвода —
 лицо великана
 Глядит миллиардами глаз,
 А желтая родинка неба — луна
 Мерцающий свет льет на нас.
 Хочу, чтобы бурный порыв урагана
 Не смолк, не утих, не погас.

Свадьба

РАССКАЗ

Перевод с грузинского В. Киреевой

Осень, льет дождь... Куда ни глянешь, все заволокло туманом. Не видно ни гор, ни леса, ни полей...

Открываю дверь хлева — скрипит, закрываю — скрипит, душу выматывает.

Тетя Даро всех доняла. Ходит хмурая, а вечером спрашивает каждую доярку:

— Сколько сегодня надоила?

Даже книжку карманную завела, записи ведет. Подумаешь, заведующая фермой!.. Ну и что ж, разве из-за этого человек должен был так перемениться? Сколько времени я у нее на лице улыбки не видела. Все ворчит и ворчит: «Что ж это ты так мало надоила? И ведро грязное».

То одно, то другое!..

«Вот приедет Шалва, пусть тогда она свой характер показывает, — думаю я. — Но почему он задержался? Зачем было ехать в такую даль? Разве у нас в Грузии нельзя найти хорошую скотину? За тридевять земель отправился, сгинул».

Я собираюсь сегодня зайти к матери Шалвы, отдать ей кольцо, а то дома меня бранят. Сразу спросили: «Откуда у тебя это?» Я так прямо и сказала, что от Шалвы. «Обручились вы, что ли? — спрашивают. — А если не обручились, то зачем дал?»

— Затем, чтобы я сохранила, — ответила я.

Не поверили.

— Люди станут говорить—обручились, а мы-то, родители, ничего и не знаем, — заводит каждый день моя мать.

— Му-у-у! — слышится из хлева.

И коровы туда же — мычат, словно голодные!

— Ну, чего вы? Разве не наелись вволю? Мычите, сколько душе угодно, мне не до вас.

Прикрыв за собой дверь, я отправилась к матери Шалвы.

Злость почему-то меня разбирает. Может, по той причине, что изо дня в день льет дождь? Или оттого, что мама к своей родне уехала и мне приходится хлопотать по хозяйству? А, может быть, оттого, что Шалва запаздывает?.. Это тоже досадно. Оставил нас на тетю Даро!

Вот и их дом. Я перегнулась через изгородь и позвала:

— Тетя Сабедо!..

Мать Шалвы вышла на балкон и стала вглядываться: видно, издали не узнала меня.

— Тетя Сабедо, можно к вам?

— Кто там? Войдите.

— Это я, Саломэ.

Она пристально смотрит на меня. Я никогда еще к ней не навещалась, и мое появление ее удивило, пожалуй, даже встревожило. Потом она улыбнулась и протянула мне обе руки.

Я медленно подошла. Сердце колотилось так, словно хотело выскочить из груди.

— С доброй вестью пришла?

Я не ответила. Нет у меня вестей ни плохих, ни хороших. Что я могу ей сказать?..

— Ничего такого нет, тетя Сабедо, я вам одну вещь принесла...

— Что, милая?

Теперь она успокоилась. Но у меня язык не поворачивался сказать, зачем я пришла.

— Как ты выросла, позоршела! Где ты пропадала? Тебя долго не видно было.

— Я в горах была, на летних пастбищах. И тут все с коровами возжусь. Работы хватает.

— Слух о тебе идет хороший: ты, оказывается, молодчина, любишь свое дело. Так и надо!..

Я невольно улыбнулась, обрадовала меня ее похвала.

— А ну-ка покажи, что ты принесла?

— Вот... кольцо... Шалва дал мне его там, в горах, чтобы я сохранила...

Тетя Сабедо вдруг подняла на меня глаза и удивленно воскликнула:

— А-а-а, так это ты?

— Кто, тетя Сабедо? — спросила я, смешавшись.

— Так, так, понятно! Стало быть это ты! — повторила она и, взяв меня за руку, ввела в комнату.

— Он мне в горах его дал, потерять боялся, — опять начала я, словно оправдываясь...

Тетя Сабедо молчала, задумавшись, и как-то странно на меня поглядывала. Сомнение и нерешительность были написаны на ее лице.

Опустив голову и уставившись в пол, я протянула ей кольцо. Я не видела ничего, кроме разостланного на полу ковра, разноцветные линии которого пестрели и кружились у меня в глазах.

Вдруг я почувствовала — ее рука коснулась моей и взяла кольцо.

— Посмотрите, тетя Сабедо, камушки все на месте, — почти беззвучно сказала я и направилась к двери.

— Чего спешишь, подожди! Сладостями угощу тебя, медом...

Посмотрите-ка на эту бездушную женщину! Медом, говорит, угощу. На что мне ее мед? Точно у нас самих его нету!

— Мне нужно идти. Скажите Шалве, что я вернула кольцо, — и я, не дожидаясь ответа, вышла. Тетя Сабедо еще что-то сказала, но мне не хотелось слушать. Не надо мне ни ее сластей, ни меда!

И что это мне примерещилось?.. Но ведь и неудивительно! Узнав от Тасо, что Шалва хочет ко мне посвататься, я была сама не своя. Ни днем, ни ночью не знала покоя. На Шалву глаз не могла поднять — почему-то страшно мне было. Как увижу его, нахмурюсь, бывало, и отвернусь, но стоит ему уехать куда-нибудь на денек — мне уж и белый свет не мил, все из рук валится. Наваждение — да и только! Сам же Шалва редко со мной заговаривал. Только иной раз стоит поодаль, глаз с меня не сводит. Я и так и этак поворачиваюсь, делаю вид, что занята, а сама чувствую — глядит. Так глядит, словно спрашивает о чем-то. Глаза у него черные, как уголь, насквозь меня прожигают. А говорить — ничего не говорит, даже замечаний больше не делает. Вот и пойми, что у него на душе! Извелась я, даже сон потеряла. Лежу ночью и вспоминаю, как встретился он мне у ручья, попросил воды напиться. Вот тогда-то все во мне и перевернулось, словно я впервые его разглядела. А что, собственно, было? Ничего ведь и не было. Встреть он тогда другого кого-нибудь, наверное, так же балагурил бы. Это все Тасо виновата. Не скажи она мне ничего, я бы живо успокоилась. Он, может, так просто сболтнул и теперь жалеет...

Ох, какая же я несчастная! А тут еще эта история с кольцом. Я и сама невесть что вообразила и родителей в сомнение ввела. Отец вон все пошучивает. Он, может, считает, что это дело уже решенное, потому всякий раз и речь заводит о свадьбе. Мало того — теперь уже вся деревня болтает... Ох, стыд-то какой, что делать, куда мне деваться?!.. Припуталось же это кольцо! Когда Шалва попросил сохранить его, я в первую минуту ничего не подумала. У меня дух занялся, когда он подошел и стал со мной разговаривать. Растерялась я... А он вдруг взял меня за руку и надел кольцо на палец. «Оно было мамино, береги его, поняла, моя Саломэ?» ... Да, так он и сказал, и тут-то сердце у меня замерло. Я подняла глаза, а он покраснел и потупился. Странное было у него выражение лица — таким я Шалву еще никогда не видела... Но и это, стало быть, мне почудилось. Дал мне кольцо, чтобы не потерялось, только и всего. А теперь оно снова у его матери, и дело с концом, и нечего об этом раздумывать...

Хоть бы не было дождя! Я поднялась бы в горы, обошла бы знакомые склоны, поглядела на родники в ложбинах. Камкама вздулась, помутнела, не сверкает уже, как прежде.

Пойду-ка я домой. Может, мама приехала. Много чего я должна ей сказать. Кому скажешь, если не ей?

Я направилась домой.

— Лексо, мама не приехала?

— Ты что такая сердитая? — протянул, насупившись, мой младший братишка.

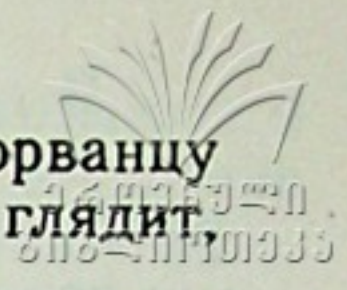
— Да ну? Разве я сердитая? — сразу переменила я тон и погладила брата по голове. — Нет, Лексо, я и не думала сердиться!

— Ты плакала, Саломэ? Кто тебя обидел? — спросил он внезапно.

— Это дождевые капли у меня на ресницах. Значит, мама не приехала?

— Нет, ты плакала, плакала, я вижу! — поддразнивая, твердил мальчуган.

Если бы он продолжал насмешничать, у меня в самом деле брызнули бы слезы.

— А отец где? — спросила я, стараясь взять себя в руки.

— В марани¹, — сказал Лексо и выскочил за дверь. Этому сорванцу все равно — хоть дождь, хоть снег. Ему все нипочем. Только и глядит, как бы вырваться во двор.

Сняв шаль и пригладив волосы, я спустилась в марани. Отец переливал вино из одного квеври² в другой, бормоча про себя:

— Доброе, доброе вино получилось!..

Он мельком взглянул на меня и, напевая песню, продолжал свое дело. Похоже, что он навеселе. Никак, от одного запаха охмелел.

— Свадьба у нас будет, дочка! — сказал отец, помолчав немного. Голос у него был ликующий.

— Какая там свадьба, о чем это ты? — буркнула я.

— Узнаешь сегодня, какая, — усмехнулся отец.

Неужели и он надо мной насмехается? Кровь бросилась мне в лицо, щеки вспыхнули огнем. Я убежала во двор и опять отправилась на ферму. Погляжу на Махинджу, Сатуту, Гврито, приласкаю их. Гврито очень вырос и похорошел, на мать стал похож.

Я поглаживаю их по спине, разговариваю с ними.

— Спокойней, спокойней, Гврито. Скоро у тебя объявятся новые товарищи. Не сегодня-завтра их привезут. Думаешь, они красивее, чем ты? Нет, нет, не бойся... Все равно я тебя больше буду любить!

Утром я принесла Гврито мелко нарезанной картошки. Коровы очень ее любят, едят с аппетитом, смачно похрустывая. Раздам сейчас всем, пусть едят, больше молока надою. И картошки им дала, и сена с соей, и водой напоила. Но они, знай себе, поглядывают на дверь.

— Дождь идет, а то разве я не выпустила бы вас на волю? И меня тянет уйти далеко за деревню, но что поделаешь — дождь!..

И правда, все вокруг словно плачет. Взглянешь на бук — как слезы, падают с него дождевые капли. А ивы? Опустили ветви к самой земле, листья пожелтели, поникли, будто обессилены от слез. Давно ли эта листва сверкала и переливалась, пронизанная лучами солнца?

Я принимаюсь доить.

— Ну-у-у, ну-у-у! — успокаиваю я корову, когда она, будто досадуя на что-то, переступает с ноги на ногу.

— Ты что, Саломэ, правда к свадьбе готовишься? — спрашивает тетя Даро.

— Ничего подобного!.. С чего это вы взяли?

— По всей деревне молва идет.

— А я впервые слышу.

— Вот приедет Шалва, какой ты ответ ему дашь?

Тетя Даро и не знает, что я побывала у матери Шалвы и что та, глазом не моргнув, взяла у меня кольцо. Медом, сладостями, говорит, угощу!.. На что мне мед?

— Тетя Даро, я к маме хочу поехать, отпустите меня на денек! — взмолилась я.

Она вдруг рассердилась. Брови насупила:

— А коровы?

— За моими коровами Тасо присмотрит. Я попрошу ее, она не откажет.

— Ишь ты, по маме соскучилась! — проворчала тетя Даро и пристально на меня поглядела. Помолчав немного, она сказала смягчившимся голосом: — Ладно, ступай!

¹ Марани — место для хранения вина.

² Квеври — врытый в землю кувшин для хранения вина.

Я сдала молоко и, договорившись с Тасо, побежала домой.

Во дворе кипит работа. Отец заколол свинью. Он давно уже собирался это сделать. Дядя Ражден и дед Димитрий тоже тут, помогают отцу: осмолили свинью, выпотрошили, разрубили на куски, приготовили для засола. Внутренности, голову, ноги отложили отдельно.

— Иди, дочка, помоги! — попросил отец.

Я принялась за дело. Отец был весел и оживлен, я тоже приободрилась, легче стало на сердце. Скоро все было готово.

— А теперь подай сюда столик! — сказал отец. Он нанизал на вертел кусочки печенки, и скоро зашипел шашлык. Налили в бутылку вино из квеври. Все уселись за стол.

— Когда Шалва приедет? — спросил дед Димитрий.

— Уже пора бы ему быть здесь, — сказал дядя Ражден.

— Моя невестка дни и ночи пропадает на ферме, дома совсем ее не вижу, — пожаловался дед Димитрий.

Некоторое время длилось молчание — отец и его друзья с удовольствием ели шашлык. Все трое уже старики, один другого почтеннее. У отца коротко подстриженные, тронутые сединой усы, косматые брови; седые, уже поредевшие волосы гладко зачесаны на бок. Это придает строгость и какую-то особую привлекательность его чисто выбритому лицу. Дядя Ражден весь потонул в пушистых сединах. Дед Димитрий совсем на него не похож. Он, задумавшись, уперся взглядом в стол, то и дело покашливает и забирает в горсть свои свисающие седые усы.

— Нравится вам мое вино, ребята? — с торжествующим видом спрашивает отец.

— Вино на славу, — говорит дед Димитрий.

Мне смешно — «ребята»! Они друзья с юных лет и сейчас обращаются друг к другу так же, как в молодые годы.

— Свадебное вино! — весело сказал отец. Все взглянули на меня.

— Вино не только на свадьбе нужно. Вот у Раждена внук родился. Когда имя ему дадим, не придется разве выпить вина? — заметил дед Димитрий.

— А по мне, так без вина ни при рождении, ни при смерти не обойтись. Вино всегда нужно, и в радости и в беде, — заключил дядя Ражден.

— Грузия — страна виноградной лозы, — заговорил, словно читая по книжке, отец. — Когда-то наша Месхетия вся была в виноградниках, но во время турецкого нашествия их вырубали, искоренили. Видите этот марани? Ему сотни лет. Не я эти кувшины зарывал. Лет триста тому назад у какого-то нашего предка был здесь марани. Значит, у него был и виноградник. Недавно я перекапывал свой участок. Агрономы наши все учат, чтобы поглубже копали, — дескать, урожай будет лучше. Вот я и стал глубоко копать. Вдруг слышу — лопата обо что-то ударилась. Я удивился. Нажал на лопату ногой, а она и провалилась по самую рукоятку. Перекопал я участок, и на другой же день принялся рыть в этом месте. Там оказались квеври. Некоторые были разбиты, другие целы. Весь месяц я возился с ними, пока не вычистил, как следует. А теперь, видите, марани у меня такой, что лучшего и не пожелаешь.

Мы с увлечением слушали этот рассказ.

Отец замолчал, мы смотрели на него во все глаза, ждали — не добавит ли он еще что-нибудь.

— Чего уж тут сомневаться? Раз был марани, значит, был и виноградник, верно ведь? — спросил отец.

— Верно! — подхватил дядя Ражден.

— Ясное дело, — согласился и дед Димитрий.

— Вы, видно, уже знаете, но все же я расскажу, — начал дядя Раж-

ден. — Во время нашествия турок жители Свири снялись с этого места и переселились в Имеретию. Там, оказывается, тоже называли свое селение Свири. Слыхали, небось?..

— Как же, я даже бывал там, — отозвался дед Димитрий.

Тут прибежал Лексо, объявил, запыхавшись:

— Саломэ, Шалва приехал, скотину привез... Слышишь, Шалва приехал, идем! — твердил он, дергая меня за руку.

— Отстань! — сердито прикрикнула я на брата. — Только один Шалва у всех на языке!

— Гм, скотину привез... — покачал головой дядя Ражден. — Сорок лет скот пасу — ни в масле, ни в молоке недостатка не было. Прогуляться, небось, захотелось, а то чего ради стал бы за тридевять земель коров искать? Точно у нас мало хороших коров.

«И в самом деле, прогуляться захотелось», — соглашаюсь я про себя с дядей Ражденом.

— Привез породистых нетелей, породистых бугаев... — рассказывает, захлебываясь от возбуждения, Лексо.

— Ухаживай за ними, как надо, вот и будут породистые.

«Верно, верно», — мысленно соглашаюсь я и с дедом Димитрием.

— Нет, ребята, разница тут большая!.. Шалва знает это. Зря он не стал бы трудиться. Ради нашей фермы он не то что за тридевять земель, а и за девять морей отправится, — говорит отец. — Вот, кстати, выпьем-ка за его здоровье. За здоровье Шалвы! Славный парень, — добавляет он.

«За здоровье Шалвы!» — повторяю я в душе.

Лексо убежал, а я сижу, прислушиваясь к дружной беседе стариков. Никак нельзя их оставить. То одно попросят, то другое. Охмелели уже. Выпили за маму. Дед Димитрий собирается рассказать какое-то старинное предание о грузинской женщине. Он вытер губы, погладил себя по усам и даже начал было... Но отец и дядя Ражден, увлекшись беседой, не слушали его.

— Рассказывай, дедушка! — попросила я. — Коли они не хотят, я буду слушать.

Дед Димитрий снова начал, но его перебили на первом же слове.

— В другой раз расскажу, — пообещал он мне, и я не стала к нему приставать.

— Поеду-ка я к родне жены, привезу мою Ефимию! — воскликнул вдруг отец. — Невмоготу мне больше терпеть одиночество. Шутка ли, двадцать пять лет семейное ярмо вместе тянем. И вы со мной поедете. Собирайтесь, не будем мешкать! — заключил он, поднимаясь с места.

— Сейчас не время ехать. Еще денек потерпи, завтра утром поедем, — ласково сказал дед Димитрий.

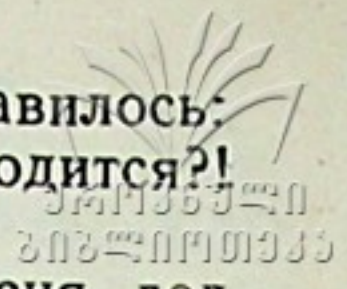
— Правильно! Не ехать же так?.. Надо подготовиться, — поддержал его дядя Ражден.

— Нет, нет, — упорствовал отец, — сейчас же поедем, сию минуту! Там и покутим, как в давние годы. Они должны устроить нам пир. Помните мою свадьбу? Вы моими друзьями были. Взял я девочку голой, босой. Они тогда бедствовали, ничего у них не было. Вся их деревня и курицу бы напоить не смогла. А теперь хорошо зажили...

— Папа, милый, ложись, отдохни. Отрезвишься, тогда и поедем, — попросила я.

— Как! Значит, я пьян? Это я-то?! Нисколечко я не пьян. Ха, пьян!.. Скажет тоже! Что я — от одного кувшина вина опьянел?

— Нет, милый, нет, ты трезвый, как стеклышко, — попробовала я к нему подольститься.

Отец уставился на меня, сдвинул брови. Это тоже ему не понравилось.

— Трезвый?.. Разве я трезвый? Значит, мое вино никуда не годится?!

Мы разве трезвые? — спросил он своих товарищей.

Те не знали, что ответить. Дядя Ражден кивал в знак согласия, дед Димитрий отрицательно мотал головой.

Недаром мать говорит, что отец, покуда он трезв, мудрее всех мудрецов, а как опьянеет, превращается в ребенка.

Отец настоял-таки на своем. Он всех переспорил, и было решено ехать, не медля. Мне только того и хотелось.

Мы вышли на проселок, чтобы сесть в попутную машину.

Отец, весь красный, блаженно улыбаясь, старался идти ровным шагом, держался бодро.

Дождь моросил по-прежнему.

— Что это ни одной машины не видно? Куда они провалились? — ворчал дед Димитрий. — Этак устанешь ждать!

— Когда не нужно, так они одна за другой идут, — сказал дядя Ражден.

— Сейчас появятся, — обнадежил их отец.

И тут же послышался шум грузовика. Через две-три минуты показалась порожняя полуторка.

— Стой, стой! — закричал отец.

— Прихвати нас! — крикнул дядя Ражден и замахал обеими руками.

А машина мчится себе и, кажется, не собирается останавливаться. Проехала мимо, но наши побежали за ней, крича:

— Эй, подвези-ка нас, подвези!..

Машина резко затормозила и остановилась. Шофер высунул голову из кабины:

— Вам куда?

— В Мусхи.

Шофер показал растопыренную пятерню.

Но кто бы в такую минуту пожалел пять рублей?

— Нико, ты в кабину садись, как-никак к родне жены едешь, — предлагает дед Димитрий моему отцу.

— Нет, ты садись, ты мой первый дружка.

— Саломэ посадим, — говорит дядя Ражден.

Я тоже отказываюсь:

— Нет нет, пусть лучше садится дядя Ражден.

— Тут никто не сядет! — сказал шофер. — Поднимайтесь все наверх. У меня в кабине уже есть пассажир...

— Так оно и лучше, — смущенно пробормотали все трое, перестав приглашать друг друга.

— Быстрее вы там, невесту, что ли, везете? — грубо крикнул шофер. И этот туда же! Вот напасть! Но он-то ведь ничего не знает.

— Не невесту, а жениха! — с гордостью заявил дядя Ражден.

— Да, да, жениха, — подтвердил дед Димитрий.

А отец улыбался, поблескивая глазами, словно и впрямь был молодым женихом.

Дед Димитрий сразу же присел на корточки, дядя Ражден последовал его примеру. А отец, прислонившись одним коленом к борту машины, крепко держался на ногах. Хмель, как видно, выветрился.

Дождь перестал. Бледные лучи осеннего солнца пробились сквозь облака, и вскоре совсем прояснилось. Листва на деревьях стала желтой и поредела. Вдоль дороги, с обеих сторон, тянутся осины, березы, клены.

Они блестят, омытые дождем. То и дело с ветвей срываются листья и медленно падают, трепеща, точно мотыльки. Вдали виднеются поросшие лесом горы: Пацаина, Авазана, Чхерело и любимая моя Ирмистави.

Как ни петляет дорога, — эта гора видна отовсюду. Никогда не забуду я Ирмистави, не забуду этого лета. И горя я там хлебнула вдоволь и радости... «Медом, сладостями тебя угощу», — упорно звенит у меня в ушах. Я рада, что хоть на один день вырвалась из своей деревни, рада, что уехала как раз тогда, когда Шалва вернулся. Пусть получит обратно свое кольцо с алмазом. Алмазы человек должен хранить в душе.

Поболтать бы сейчас с кем-нибудь или хоть чужую беседу послушать, но, как назло, все замолчали.

Дед Димитрий дремлет. Когда машину встряхивает на рытвине, он открывает глаза и обводит нас затуманенным взглядом. Дядя Ражден крепится, не спит, но и он сидит, уронив голову на грудь, прикрывая лицо рукой, — его тоже одолевает дремота.

Ахалцихе остался позади, мы едем к Аспиндзе, вдоль ущелья Куры. Вдруг машина остановилась.

— Дальше будете двигаться на своих двоих, я в Аспиндзу еду! — сказал шофер.

Мы сошли. Мужчины стали рыться в карманах. Дед Димитрий сунул руку за пазуху, достал стянутый узлом платок. Дядя Ражден порылся сперва в одном, потом в другом кармане, поискал и за пазухой, наконец, вытащил какие-то свернутые бумажки.

— Платить буду я! — сказал дед Димитрий и стал развязывать узелок; даже зубами пытался себе помочь, но узел не поддавался.

— Почему это ты должен платить? Денег, что ли у меня нет? — говорит дядя Ражден, перебирая свои бумажки.

— Вы — мои гости, значит, я и должен платить, — говорит отец и протягивает шоферу две сложенные десятирублевки.

* * *

...Мне не раз приходилось бывать в деревне матери, здесь я все равно что у себя дома. Приехав сюда, я обычно первым делом бежала в сады. Яблоки, яблоки, всюду яблоки... Янтарные, сладкие, сочные. Напихав их себе за пазуху, я мчалась домой.

«Кушай, дитя мое», — говорила бабушка. Я раскладывала яблоки на тахте, точно цветные мячики. Один их вид уже насыщал меня.

Я заранее знаю, как бабушка меня встретит, как прижмет к груди... Скажет: «Маленькая моя» — и расцелует. Вот вам и маленькая — от тоски вся душа изныла!

Мусхи — старинная деревня. С трех сторон ее окружают скалистые горы. Деревня прячется среди скал. Пока не подойдешь к ней вплотную, ее вовсе не видно. Прежде у этой деревни было еще и другое название — «Прятки». Когда старую Мусхи разрушили, жители переселились в Прятки.

На берегу Куры громоздятся груды камней, леса. По пути нам встретилась мельница. В прошлом году ее еще не было. Длинным рядом тянутся помещения для скота. Они построены совсем недавно. То тут, то там возвышаются стены строящихся двухэтажных домов.

— Теперь-то прятаться незачем, — словно думая вслух, проговорил отец. — Выбралась Мусхи из своей скалистой пещеры...

Мы обогнули гору, и, наконец, показалась деревня.

Тут отец остановился. Сняв свою мерлушковую шапку, он ударил ею по руке и снова надел. Затем расправил усы и, точно только сейчас вспомнив о своих спутниках, глянул на них с дружелюбной усмешкой:

— Ну что, устали?

Кто из них устанет от такой небольшой прогулки! Недавно дед Димитрий работал на севе. С утра до ночи работал—и никто не слышал от него жалобы на усталость. А дядя Ражден, ни разу не присев в пути, привел с Ирмистави, по заснеженным дорогам, наши стада.

Перед нами внезапно остановилась, выехав на шоссе, синяя «Победа». Из нее вышел председатель колхоза Ясон Ивелашвили. Он, улыбаясь, развел руками.

— Весь Татаниси привалил к нам. Что за нашествие?!

— Нашествие друзей — радость. Мы ваши гости.

— Здравствуйте, здравствуйте! — Ясон пожал каждому руку, испытующе поглядывая на нас. Ему хотелось узнать, зачем мы приехали.

— Добро пожаловать! Но погоду вы на этот раз выбрали скверную,—сказал он, взглянув на небо, — опять собирается дождь!..

— Только в такую погоду и удосужишься, а в ясные дни всегда забот полон рот, из колхоза тогда и не выберешься, — ответил отец.

Впереди виднелась роща. Среди деревьев, пощипывая траву, разбрелись коровы.

— Как у вас со скотиной? — спросил отец, глянув в сторону рощи.

— Неплохо. Вы что — показатели соцсоревнования проверять приехали? Давайте, посмотрим ферму. Она тут, поблизости...

— Нет, я здесь не для этого, но ферму посмотреть, пожалуй, будет неплохо, прежде чем дойдет до проверки. Поехали!

Ясон сел за руль и посадил рядом с собой отца.

Через несколько минут мы уже были на ферме. Дед Димитрий по пути заснул на мягком сидении, и мы не стали его будить—так и оставили в машине.

Коровник новый, с электрическим освещением. Пол и стены в нем чистые, приятно глядеть. Вдоль коровника, посередине, проложены из конца в конец рельсы, по ним катают тележку с кормом. На стенах висят картины: на них — породистые коровы, электрическая дойка. В рамке выставлены фамилии бригадира и доярок.

Я оглядела коров в стойлах. Животные выхолены—ничего не скажешь.

— У нас всего двести шестьдесят голов крупного рогатого скота, — объясняет Ясон. — Из них восемьдесят голов рабочего скота. Приплод в этом году сохранили полностью, сто сорок пять голов...

— Бросьте головы считать, Ясон! Вы мне вот что скажите: яловые коровы у вас есть? — сказал отец.

— Да, есть.

— Сколько?

— Не то семь, не то восемь.

Отец замолчал. Немного погодя, он спросил:

— А каков надой от каждой коровы?

— От каждой?.. — повторил Ясон и запнулся. Он так и не смог ответить.

Тут к нам подошел заведующий фермой Сандро Иванидзе. Мы с ним хорошо знакомы. Весной он и Шалва подписали договор на соцсоревнование.

В конце коровника было отгорожено небольшое помещение. Мы вошли туда и подсели к столу. Отец сидел, склонив голову, глядя на покрывавшую стол замасленную бумагу.

— План мы выполнили, — с живостью начал Ивелашвили. — Все, что полагается, сдали государству.

Дверь отворилась, в комнату вошла полная, приятного вида женщи-

на. Она держала в руках большое блюдо с яблоками. Поставив блюдо на стол, женщина сказала приветливо:

— Кушайте, это из наших садов...

Отец бросил взгляд на яблоки и вдруг весь просиял. Улыбка пробежала по его губам, глаза заблестели. Такое выражение лица бывало у него только в самые счастливые минуты.

И правда, любо было смотреть на румяный шафран, перемежавшийся с желтой, как янтарь, антоновкой.

— Вот это яблоки! — радостно воскликнул отец. Даже голос у него изменился, стал звучным и раскатистым. — До чего же крупные, яркие, сочные...—Отец взял одно яблоко и понюхал его.—А запах какой чудесный! — продолжал он, жмурясь от удовольствия. — Как вам удалось вывести такие фрукты, Ясон?

Ясон повеселел.

— Есть у нас в колхозе садоводы-мичуринцы, очень увлекаются они своим делом. Самые лучшие сорта привили на наших дичках, — объяснил он словоохотливо. — А уж как ухаживают за деревьями! Не знают ни сна, ни покоя, над каждой веткой дрожат. Спросите их, они вам сразу ответят, сколько яблок на том или другом дереве. Все изучили. Чувствуют даже, когда деревья заболевают,—сразу принимаются за лечение. Удобряют, нигде лишнего цветка не оставят... И вот, выходит, не зря трудились, урожай получился на славу, — радостно заключил председатель.

Отец очистил яблоко, разрезал его на четыре части и протянул сперва дяде Раждену, потом председателю и, наконец, мне.

Ивелашвили был в восторге от того, что похвалили его яблоки, и дальше уж принялся хвалить их сам:

— Разве только у нас этими фруктами лакомятся? Мы их в Москву посылаем и на Дальний Восток...

Наконец, мы распрощались и покинули ферму. Дед Димитрий все еще спал, проснулся только, когда затарахтел мотор.

— Приехали? — спросил он, распрямляя спину.

— Нет еще.

Он поглядел вокруг и с улыбкой обратился ко мне:

— Спал я, что ли?

— Нет, дедушка, так, дремали только.

— Да, правда, малость вздремнул, — охотно согласился старик.

— Прошу вас в гости ко мне, — сказал Ивелашвили.

— Нет, никак нельзя, я еду к родственникам. К вам в гости мы приедем, когда вы победите нас в соцсоревновании, когда и ферма и поля будут давать вам столько же, сколько дают сады. А теперь вы сами к нам пожалуйте, — твердо сказал отец. — Поехали прямо к Джваридзе — к родне моей жены.

— Где моя теща?—крикнул отец, как только мы вышли из машины.

Навстречу нам, протягивая руки, бежала бабушка.

— Здесь я, сынок, добро пожаловать!

— Здравствуй, дорогая теща! — радостно приветствовал ее отец. Говорил он шутливо, но в голосе его звучало искреннее уважение. — Что же вы у меня жену отняли? Не собираетесь, что ли, ее отпускать?

— Мы хотели, чтобы ты сам приехал за ней, — весело сказала бабушка и кинулась прямо ко мне: — Моя маленькая, радость моя!..

Она хотела поцеловать меня, но не смогла дотянуться. А еще маленькой называет!.. Я наклонилась, чтобы прижаться лицом к ее щеке. Какая у меня бабка чудная... теплая, ласковая!

Вытерев ноги, с веселым шумом мы поднялись на балкон.

Сколько раз я играла здесь в детстве! И ничего-то с тех пор не пере-

менилось: так же развешаны на стене связки сушеных фруктов, лука и чеснока; в дальнем конце балкона громоздится огромный ларь, а до бокам его выстроились бутылки, глиняные кувшины, банки со всякими припасами.

— Покажите невесту!

— Выведите невесту! — кричали дед Димитрий и дядя Ражден.

Видно, вспомнили, как двадцать пять лет назад, приехав сюда дружками, они не могли разыскать мою маму. Она спряталась в каком-то потайном месте, и вывели ее только тогда, когда дружки подарили свахе червонец.

Мы вошли в комнату. На столе красовались вазы с фруктами, мед, стояли бутылки с тутовым бекмезом. Пришла откуда-то мама. Она очень обрадовалась, увидев меня. Вслед за нею пришли мои дяди. С веселыми восклицаниями одним духом взбежали они по лестнице. Проведя рукой по усам и вытерев губы, дяди и отец поцеловались и с улыбкой оглядели друг друга. Потом отец вышел на балкон и все последовали за ним.

— Да-а,—протянул отец.—Вот какой стала теперь наша Мусхи. Есть на что посмотреть! Двадцать пять лет назад ее вовсе не видно было — люди жили в землянках, какой уж тут мог быть вид! А теперь всюду дома выросли. Советская власть вывела нас из этих землянок. Вон из этой дыры взял я мою Ефимию, — он указал рукой на возвышенность, где виднелись уходившие в землю лачуги, служившие теперь хлевами. — Ехать нам пришлось на чужих лошадях. Я хорошо помню тот день, — продолжал отец. — Димитрий и Ражден ехали впереди и пели:

Пусть грянет здравица,
Везем красавицу.
Готовьте горницу
Для нашей горлицы,

а им вторили бубен и зурна. Помню, на краю деревни нас остановил пастух, выгнавший на дорогу огромного барана. «Это — невесте», — заявил он. Ефимия должна была, не сходя с лошади, наклониться и приподнять барана. Если бы сумела, он достался бы ей, а нет, так полагалось уплатить пастуху стоимость барана. Моя Ефимия и с места не смогла сдвинуть эту громадину. Полез Ражден в карман, и серебряные монеты со звоном посыпались в папаху пастуха. Так ведь было, Ражден?

— Так, так!

— Вот выехали мы и видим — на берегу Куры, у моста стоят оравельские борцы, голые по пояс; говорят — не пропустим вас без выкупа, если один из дружек нас не поборет. Соскочил Димитрий с лошади, засучил рукава, дважды обошел вокруг своего противника, потом вдруг схватил его за руку и бросил наземь. Правда, Димитрий?

— Правда, правда! — ответил дедушка Димитрий с такой радостью, точно случилось это в прошлом году.

— Поднесите им хизан-баврского, — сказал я тогда Раждену. — Мы победили их, но пусть не вешают головы. Пусть запомнят, что боролись с татанисским богатырем.—Борцы выпили и пожелали нам счастливого пути. А потом уж никто не смел задерживать нас в дороге. Богатырь с нами был—Димитрий. С песнями, с плясками ехали до самого Татаниси. Верно, ребята? Чего молчите?

Дед Димитрий и дядя Ражден, задумчиво улыбаясь, смотрели куда-то вдаль. Отрадно им было вспоминать молодость.

Стол накрыли тут же, на балконе. Собрались наиболее уважаемые люди деревни. Разгорелся пир не на шутку. Пили за здоровье моих роди-

телей и за то, чтобы я, единственная их дочь, была счастлива в жизни. Но разве всегда исполняются пожелания добрых людей?..

Один только Ивелашвили сидел скучный, за весь вечер слова не вымолвил. Вино-то он пил, но никак не мог развеселиться. Отец это заметил и крикнул ему:

— Ясон, дружище, ты чего приуныл? Слышал ведь пословицу: «Друга в лицо брани, а врага за спиной!» Мы же друзья с тобой, не враги! Поправь дела, а то сама жизнь не терпит...

Лицо председателя просветлело.

На рассвете, когда смолкла последняя песня, отец сказал:

— Это была моя серебряная свадьба!..

Навчание моря

Перевод с грузинского А. Межирова

Сначала
 море Черное
 звучало
И отзывалось музыкой во мне,
И мой напев задумчиво качало
За ржавой дамбой, на крутой волне.

Была листва вечерним звездам рада,
В мерцающую вглядывалась высь.
Но потянуло холодом из сада,
Двенадцать было, стрелки разошлись.

И тишина такая воцарилась,
Как будто от поверхности до дна
За ржавой дамбой море испарилось,—
Такая воцарилась тишина!

На темный берег выбежав из дому,
Я понял вдруг,
 что море не смогло
Преодолеть вечернюю истому
И в полночь сном забылось тяжело.

Бесстрастно, отрешенно и уныло
Молчало,
 дымом ладана дыша,
Все то, что раньше музыкою было,
Все, что звучало,—
 море и душа.

Гнетущая тоска безмолвья злого
Надвинулась угрюмо и мертво.
Осталось недовысказанным слово,
Лишенное звучанья своего.

Меня к земле все ниже пригибая,
Безмолвье гнетом на душу легло,
Когда вдали
 полоска голубая
По горизонту вспыхнула светло.

И четкий очерк паруса косога
Открыла взгляду тающая мгла,—
И зазвучало прерванное слово,
И музыку стихия обрела.

И постигая таинства созвучий,
Подхватывая песню на лету,
Зеленый ворот на груди могучей
Рванул платан в неистовом цвету.

ЧТО БЫЛО Б...

Перевод с грузинского В. Вар

Что было б, если б наше небо
Все время закрывали тучи,
А наш простор зеленый не был
Пронизан светом солнца жгучим?

Что если б люди жили хмуро,
Сердца любовью не горели?
Чем был бы горный луг без туров,
Река Арагва без форели?

Сама весна — какую стала б,
Коль не фиалка полевая,
Коль ласточка не щебетала б,
Такая же, как я, живая?

Что было б, если б тени в скалах
Не гнало утро голубое?
Припомни, я одна осталась,
Подумай, я же не с тобою.

Не хочешь облегчить мне участь,
Не слышишь моего призыва.
Приди. Пусть разойдется туча.
Мне без тебя, бичо, тоскливо.

სუნი НА КОНЦЕРТЕ

РАССКАЗ

Перевод с грузинского Т. Горделадзе

Нана лежала на песке, прикрыв лицо соломенной шляпой. Она только что вышла из воды и нежилась теперь под ласковыми лучами солнца. Ей вспомнились первые дни учебы в институте и Леван — высокий, смуглый парень, который целых полтора года относился к ней со сдержанностью и робостью очень стеснительного человека. И, может быть, именно это красноречивее любых слов говорило о его чувстве...

Она вспомнила, как увлекался Леван танцами, как из-за этого увлечения стал он с прохладцей относиться к учебе и как в конце концов ему пришлось уйти из института.

Цепь воспоминаний привела ее в расположенную неподалеку от санатория приморскую деревню, где она неделю назад случайно встретила Левана, которого не видела уже в течение года.

Теперь она встречалась с ним каждый день. И вот только сегодня Леван почему-то не появлялся.

Звонок вывел Нану из задумчивости. Пора было идти обедать. Она лениво встала, взяла одежду и пошла к душевой. Разлегшиеся на прибрежной гальке ребята играли в шахматы и так горячо спорили, что, видимо, даже не слышали звонка.

Поднимаясь по, казалось, бесконечной лестнице, ведущей к санаторию, Нана за железнодорожным полотном, на склоне горы, покрытом зелеными чайными кустами, заметила колхозников. Они обедали. Может быть, и Леван был там?

Защищаясь от солнца рукой, Нана пристально вгляделась в даль и чуть не упала, споткнувшись о ступеньку. Она действительно увидела Ле-

вана — но не там, где искала его. Леван бегом спускался с другой стороны склона по горной тропинке. Вот он скрылся в овраге, потом появился снова. А еще через минуту он уже стоял рядом с ней, улыбаясь и тяжело дыша от быстрой ходьбы:

— Я звонок услышал... Думал, не успею.

— Ты сегодня работаешь?

— Работаю,—невнятно ответил Леван, затем добавил изменившимся голосом: — Знаешь, Нана, я должен сообщить тебе приятную новость. Ты обрадуешься больше меня.

— Больше тебя? — удивилась Нана и подумала: «Наверно, опять начнет о танцах говорить».

— Я из института ответ получил. Меня снова зачислили на второй курс.

— Правда? Леван, неужели правда?

— Только на заочный сектор. Я же теперь в колхозе числюсь. Это учили и...—Леван хотел что-то сказать, но в это время на лестнице показались ребята. Один из них нес под мышкой шахматную доску, остальные шли рядом, спорили, смеялись.

Леван уступил им дорогу. Ребята замолчали, улыбнулись Нане, с ног до головы оглядели Левана и, продолжая спорить, пошли дальше.

— Так что твои институтские дела уладились? — произнесла обрадованная Нана.

— Институтские—уладились... А сегодня вечером... сегодня вечером я участвую в концерте в нашем клубе. Отбирают кандидатов на олимпиаду. Придешь? Ты ведь, по-моему, никогда не видела, как я танцую.

— Приду и из санатория приведу отдыхающих, — улыбаясь, сказала девушка и неожиданно спросила: — Помнишь, когда ты ушел из института, тебя так и не приняли ни в ансамбль, ни в оперный театр... Почему? Ты ведь очень надеялся!

— В Тбилиси я не выступал на сцене, — ответил Леван с легкой досадой в голосе. — Несколько человек из какой-то комиссии посмотрели, как я танцую, но отнеслись бездушно и выпроводили меня. Другое дело, Нана, когда выступаешь перед народом: оценка зрителя заставляет многих изменить мнение. Вот ты увидишь... Ведь ты будешь на олимпиаде в Тбилиси?... Станут вызывать меня на сцену, станут мне аплодировать, а потом и в ансамбль пригласят, и еще кое-куда...

В это время на лестнице появилась какая-то женщина. Заметив Нану и Левана, она еще быстрее побежала вверх.

— Откуда она взялась тут?—заметив ее, прошептал Леван.

— А кто это?

— В нашей бригаде работает.

— Она тебя ищет?

— Вероятно.

Леван оглядел склоны гор. Колхозники, пообедав, уже снова взялись за работу.

Подойдя, женщина посмотрела сначала на Нану, потом — на Левана. Очевидно, она хотела что-то сказать, но, запыхавшись, не могла произнести ни слова. Леван догадался, ради чего она пришла, хотел сам начать разговор, но женщина опередила его:

— Слушай, парень, ты ведь обещал: вернусь, мол, сию минуту. А я искала тебя, обегала всю деревню. Что у меня ноги казенные, что ли?

— Я уже иду, — виновато ответил Леван.

— Знаю я твое «уже». Бригадир сказал: «Хватит с меня, сегодня все расскажу председателю...» Если нас не жалко, ты хоть чай пожалел бы, как солома, сохнет в корзинах...

— Ладно, ладно! Здесь не место говорить об этом! — проговорил Леван, выразительно глядя в глаза женщине.

Она перевела взгляд на девушку, умолкла, круто повернулась и пошла вниз по лестнице.

Задолго до концерта возле клуба стало оживленно и многолюдно. Группами подходили девушки. За ними шли одетые в черные чохи¹ парни. Отдыхающие в санатории пришли во главе с культорганизатором и, сбившись в кучку, стояли недалеко от входа.

После третьего звонка зал сразу наполнился зрителями.

Подняли занавес. Нана вздохнула свободней: до этого девушке почему-то казалось, что Леван следит за ней из-за занавеса. В ложу вошли члены жюри: секретарь районного комитета комсомола, директор музыкального техникума, старик — известный исполнитель народных песен и хормейстер.

Концерт открыл ансамбль песни. У зрителей и у членов жюри были довольные лица. Старый хормейстер что-то говорил директору музыкального техникума.

Потом на опустевшую сцену снова вышел ведущий программу и объявил очередной номер. У Наны замерло сердце, она украдкой оглядела знакомых, оперлась локтями о спинку стоявшего впереди кресла, стиснула щеки ладонями и стала, не отрываясь, глядеть на сцену.

Забили в доли², и, как будто из-за кулис метнули кинжал — Леван вонзился носками в пол, потом развел руками и прошелся по кругу. С противоположной стороны навстречу ему плыла девушка с длинными косами.

Нана затаила дыхание, губы ее чуть приоткрылись, глаза следили за мелькающими лапами чохи Левана, за его руками, будто раскрытыми для объятия. «Боже мой, этот парень рожден для танца», — восхищенная, думала она.

За «Картули» последовал «Хоруми», потом «Давлури» и «Самайя»³. Нана смотрела на танцующих, и перед ее глазами все время стоял Леван. Под конец ведущий объявил «Колхозную». В глубине сцены опустили панно с изображением берега моря и чайных плантаций. Такой же вид открывался из окон санатория, в котором отдыхала Нана.

«Колхозную» исполняли шесть пар. В числе танцоров был и Леван. Сначала вперед вышли женщины. Их танец изображал движения работающих на плантации: вот они собирают чай с кустов, наполняют корзины... И тут в танец вступили парни. Встав на носки, они подошли к корзинам, наклонились, вскинули корзины на плечи, и, танцуя, понесли их.

Колхозница, сидевшая у дверей, громко рассмеялась. Заметив, что на нее смотрят, она смутилась, потому что не думала привлечь внимание зрителей, и, как бы оправдываясь, сказала:

— Тяжелая же корзина досталась бедненькому. Вот если бы он так на плантации работал.

Кое-кто в зале засмеялся. Нана оглянулась: в колхознице, сказавшей эти слова, она сразу узнала ту женщину, которая днем приходила за Леваном.

Из задних рядов кто-то крикнул:

— Давай, давай, Леван, за трудовень зачтется!

¹ Чоха — грузинский мужской национальный костюм.

² Доли — барабан.

³ «Картули», «Хоруми», «Давлури», «Самайя» — названия грузинских танцев.

Тут уж расхохотались все зрители. Кое-кто встал, знакомые окликнули друг друга, завязался разговор, и постепенно в зале стало так шумно, что даже не слышно было доли. Некоторые указывали на сцену. Нана тоже посмотрела туда и... успела заметить лишь спину Левана. Остальные танцоры кое-как дотанцевали и в беспорядке ушли. Занавес упал. Зал гудел, как горная река в половодье.

Нана старалась побыстрее пробраться к выходу.

— Что случилось? В чем он провинился? — намеренно громко спрашивала она, надеясь, что кто-нибудь услышит ее и разъяснит, в чем дело.

На улице, у дверей клуба, стоял старик-крестьянин. Держа под мышкой палку, он, по-видимому, искал в кармане кисет. Нана обратилась к нему. Крестьянин обернулся, оглядел ее и, поняв, что перед ним приезжая, сказал:

— В чем провинился? Да ведь, милая, ложь это, а не танец.

— Как ложь?!—удивилась Нана этому необычному ответу.

— А так! У него на плече корзину никто еще не видел, лентяй он, милая, — старик перестал шарить по карманам и принялся сосать пустую трубку.

— Да ведь танцует-то он хорошо?

Старик пожевал губами, как бы колеблясь: стоит ли отвечать.

— А ты, милая, знаешь, что зовется хорошим? То хорошо, что на правде держится, а коль что с правдой не в ладах, и хорошим не может быть... Так вот, — неожиданно закончил старик и, опираясь на палку, направился к воротам.

Аларад ბეთი
В ГОРИ

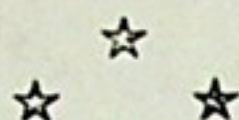
Перевод с грузинского Е. Евтушенко

На славной земле горийской,
в доброй рабочей семье,
на трудной земле, гористой,
на сладкой и нежной земле

от алого цвета — ало,
от белого цвета — бело...
Такого еще не бывало!
Сколько цветов зацвело!

Сколько в каждом букете
детства и чистоты!
Дети проходят, дети,
дети, и снова цветы...

Дети шагают дружно,
поют у бульваров, мостов...
Сколько дождей было нужно,
чтоб столько было цветов!

Перевод с грузинского Е. Евтушенко

*Т*вои глаза, как подражанье морю.
Я ни о чем с тобой не говорю,
но, подчиненный страсти, словно горю,
я в них смотрю, бледнею и горю.

В них движутся, скользя, лучи и тени.
Чем глубже в них, тем тише и темней.
В них силуэты зыбкие растений
и мачты затонувших кораблей.

Я понимаю все — я не обманут.
Я ничего хорошего не жду.
Пусть мой корабль туда еще не втянут —
я сам его на камни поведу.

И все свои страдания и муки
благословлю я в свой последний час,
и я умру, умру, раскинув руки,
на темном дне твоих зеленых глаз.

Илья Дубинский

У ТУРЕЦКОЙ ГРАНИЦЫ

Путевые заметки

1.

Утром в городе у моря была весна. Солнечные зайчики играли на зубчатых веерах китайских пальм, на глянцевиной листве магнолий и подстриженных макушках лавров. В руках у женщин — ветки пушистой мимозы, розовые цветы камелии, сиреневые ирисы. На аллеях бульвара, на палубах катеров, трудолюбиво бороздящих залив, — шумные стайки туристов, курортников...

Неплохо бы к ним присоединиться! Но мне предстоит ехать совсем в другую сторону — в места, о которых уж никак не скажешь словами Пушкина:

«Здесь долго светится небесная лазурь,
Здесь кратко царствует жестокость зимних бурь».

В середине дня где-то далеко внизу, за многими витками круто заложенного шоссе остались и город и весна. Сейчас рядом один только снег. «Вездеход» тихонько пробирается по узкому коридору, пробитому сквозь сугробы. Все длиннее становится каждый километр. Хорошо бы засветло добраться до ближайшего пограничного гарнизона!

Впереди красный флажок. Остановка. За поворотом взрывчаткой расчищают завал. В руках у меня снова оказывается газета, взятая в политотделе. Красным карандашом отчеркнуто напечатанное в ней письмо майора Арефьева и капитана Потапова:

«Три дня в горах без устали свирепствовала пурга. Под глубоким снегом оказались и отвесные стены ущелья, и тропа, что чуть заметна петляла на краю обрыва.

Служба на высокогорных заставах, конечно, шла своим порядком. Пограничники Андрей Каплатый и Виктор Шевченко повели на поводу пять лошадей. Что-то вдруг испугало шедшую впереди лошадь. Она метнулась в сторону, споткнулась, тут же стремительно покатила вниз. Вслед, не выпуская зажатого в руках поводя, слетел в расщелину и пограничник Шевченко. Не успел он собраться с мыслями, как очутился на дне ущелья. Ощупал ноги, руки — все цело, только резкая боль отдалась в пояснице. Чуть поодаль билась лошадь. Она никак не могла встать на ноги.

Шевченко сделал не более двух шагов, как рядом мелькнула тень и донесся едва различимый голос:

— Друг, Виктор! Ты живой?

Это на выручку товарищу, не раздумывая, спустился второй пограничник.

— Нам самим отсюда не выбраться, — обеспокоенно сказал Шевченко. — Да и найти нас в такой буря среди ночи не так легко.

— Не падай духом, — отозвался Андрей Каплатый. — Только бы снежный козырек на нас не обрушился. Слышишь, даже скалы стонут. Ох, и ветер...

К счастью пограничников, по той же заметенной снегом тропе чуть позже шел местный житель Вахтанг Зоидзе. Он заметил, что следы неожиданно оборвались на краю пропасти. А вон и лошади беспокойно храпят, бьют копытами снег.

— Что-то случилось с пограничниками, — встревожился Зоидзе. — Как им помочь? Один ничего не сделаю. Надо скорее сообщить на заставу.

Чтобы выиграть время, Зоидзе бросился к лошадям. Они, почувствовав незнакомого человека, рванулись, перешли на рысь, скрылись из виду.

Вахтанг вспомнил: здесь, не очень далеко, стоит колхозная гидроэлектростанция, там должен быть телефон. Скорее, бегом!.. Наконец, вдали мелькнул огонек. На секунду Вахтанг остановился, глубоко вздохнул, снова побежал. Рванул дверь. С порога крикнул дежурному монтеру:

— Звони скорее в сельсовет... пограничникам. Солдаты сорвались в пропасть.

Монтер схватил трубку, связался с сельским Советом, известил командира подразделения Пантелеймона Гиоргадзе. На заставе объявили тревогу. В селе подняли жителей.

Село было ближе. Колхозники, мигом собрав веревки, цепи, стальные канаты, первыми добежали до электростанции. Отсюда их уже повел Вахтанг Зоидзе. Несколько человек спустились по канату на дно ущелья. Цепями и веревками вытащили лошадь. Затем благополучно выбрались и пограничники.

Андрей Каплатый и Виктор Шевченко, узнав, что помощь им организовал Зоидзе, обняли его, по доброму обычаю расцеловали. Солдаты подходили к каждому колхознику и крепко жали руку.

В горах, где несут службу пограничники из подразделения Гиоргадзе, воины и местные жители постоянно приходят друг к другу на помощь. Дружья всегда оказываются рядом».

Обведя это письмо красным карандашом, начальник политотдела посчитал нужным добавить:

— А застава, куда вы хотите поехать, находится значительно выше, вдали от всего живого. Уже несколько недель, как продукты и почту туда приходится забрасывать исключительно по воздушной канатной дороге.

...Что ж, я и сам понимал, что «вездеход» — все-таки понятие относительное. Спасибо за то, что мне его предоставили, а куда довезет, — будет видно. У пограничников обязательно найдутся и выносливые горные лошади.

2.

Около полуночи. Мы с комендантом пограничного района сидим в столовой и с наслаждением пьем чай из больших алюминиевых кружек.

Комендант неожиданно объявляет:

— Насчет вас маленькая ошибка вышла. Я сначала подумал, что вы по поводу «жалобы», и не спешил с вами встретиться... «Жалоба», между прочим, любопытная, — тут же замечает комендант. — Несколько пограничников с дальней высокогорной заставы написали в редакцию окружной газеты, высказали недовольство, почему больше месяца им не показывают новых кинокартин, не доставляют в библиотеку книг и журналов. Письмо напечатали, теперь старшие начальники требуют объяснений.

Формально ему, коменданту, оправдаться легко. Снежные обвалы наглухо забили последнюю выючную тропу. В редкие часы, когда относительно стихала пурга, на заставу с огромным трудом забрасывали консервы, сухари...

— Представляете, — горячится комендант, — вместо свежего мяса в котел закладывали консервы, несколько дней не давали масла. Так никто слова не сказал. А из-за кино, извольте, — обида.

По тому, как это рассказывается, не трудно понять, что заслуженный, много испытавший офицер в душе несколько не сердится на своих молодых солдат. В их жалобе он и более старшие начальники с удовольствием увидели характер советского молодого человека. Призванный охранять границу, этот молодой человек не смирится, напишет в газету, если к ним, на безымянную, занесенную снегом одинокую заставу не доставят новый фильм и новую книгу. И он же с гневом и презрением, как это недавно было с пограничником того же отряда бывшим маляром харьковского вагонного депо Владимиром Мининым, отвергнет попытку «преподнести» ему тридцать тысяч рублей и несколько связок часов...

Случай самый обычный.

Любезный, хорошо одетый гражданин, приветливо улыбаясь, предъявил пограничнику свой паспорт. Минин привычно просмотрел записи, сосчитал количество листков. Один лишний. Мелькнула догадка: листок со штампом прописки и отметкой на право проживания в пограничной зоне заимствован из чужого паспорта, а номер довольно тонко исправлен.

— Паспорт у вас не в порядке, — вежливо сказал пограничник. — Какие еще есть документы?

— Не может быть, паспорт в порядке, — резко возразил неизвестный. — Позовите офицера. — Человек быстро оглянулся вокруг: — Или сами сладим? Тридцать тысяч и сколько хочешь пар часов.

Минин вскинул автомат:

— Руки вверх!

— Мало? Прибавлю... Бери! Никто не узнает.

— Молчи, гад! Советский пограничник не продается!

... Повар снова наполняет наши вместительные кружки. За соседним столом в этот поздний ночной час некоторые «обедают», некоторые «завтракают». Для одних еще только начинается «утро», а другие наслаждаются отдыхом после трудного дня, готовятся ко сну. Но и то и другое не выходит за рамки ритмичной, расписанной по минутам жизни пограничников, и то и другое — свидетельство напряженной службы, четкого и своеобразного внутреннего распорядка в подразделении.

В весеннюю грозу и в зимний буран, плещет ли у ног ласковое море или рядом падают сорвавшиеся с гор глыбы смерзшегося снега и угрожающе шуршит каменная осыпь, — все равно, в любое время дня и ночи несут службу спокойные, не знающие страха и усталости, с суровыми не по возрасту лицами пограничники. Едва ли на свете есть нечто более постоянное, чем ход этой службы, так трудно отличимой от подвига.

Если вы впервые в этих краях, вам обязательно напомнят: Ленин своей рукой писал постановление Совета Народных Комиссаров об учреждении пограничной охраны. 28 мая 1918 года — сорок лет назад — декрет Ильича был обнародован. На охрану советских рубежей вышли лучшие части и соединения только что созданной Красной Армии.

Еще первый председатель Всероссийской Чрезвычайной Комиссии — ВЧК — Феликс Эдмундович Дзержинский убежденно говорил о пограничной службе: «Вот где бдительность, находчивость, отвага, храбрость, организованность и беззаветная преданность друг другу являются обыденным делом. Работа эта полна опасностей и героических поступков. Пограничник постоянно во всеоружии. Он должен быть сильнее врага во всех отношениях, всегда быть готовым к борьбе с превосходящими силами противника».

Здесь, на границе с Турцией, все эти качества требовались не раз и не два — и до Отечественной войны, и после нее; и в ту пору, когда аскеры донашивали гитлеровские обноски, и теперь, когда их одели в американские куртки, американские шаровары, вооружили американскими автоматами «Томпсон».

В лесистых горах, где из одного ущелья в другое торопливо бегут бурные в белой пене потоки, стоит застава. У входа мраморная доска. Золотыми буквами на ней высечено: «На этой заставе служил красноармеец Тимофей Павлович Люкшин, геройски погибший при защите государственной границы 7 марта 1929 года».

В тот весенний день на десять советских пограничников напала закордонная банда в пятьсот человек. После того, как был ранен начальник заставы, командование принял на себя комсорг Люкшин. Два дня герои отбивали натиск врага. Они продержались до прихода подразделений Советской Армии и отряда местных коммунистов. Банда была контратакована и наголову разбита. Люкшин погиб в последнем бою. О нем сложена песня, его именем названа застава.

Почти двадцать лет спустя туда же, на передний край советской земли, на рубеж двух таких несхожих миров, прибыл другой комсомолец — Иван Васюхно, умный, красивый юноша с доброй душой и чудесным голосом.

До этого Иван служил на западной границе в таких же высоких лесистых горах. Там молодой пограничник получил первое боевое крещение и медаль «За отвагу». На новом месте он так же хорошо показал себя. Ему присвоили первое воинское звание — «ефрейтор», стали посылать старшим наряда. Офицеры хвалили Васюхно, товарищи любили. Все желали ему больших успехов в жизни. Старшина — из ветеранов от-

ряда — не без умысла рассказывал, что у этих каменных столбов с серебряным гербом Советского Союза нес службу лично ему хорошо зна-
комый пограничник Петр Пискунов. Теперь Петр Васильевич генерал-майор, депутат Верховного Совета СССР.

С собой на заставу Иван Васюхно привез несколько сшитых вместе тетрадей. Со школьных лет он записывал особенно дорогие ему мысли любимых героев, их жизненные правила. На первой странице, как бы эпиграфом ко всему, черной тушью были выведены слова старого луганского рабочего, члена Российской Социал-Демократической Рабочей партии большевиков с 1904 года, впоследствии командира кавалерийской дивизии и легендарного героя гражданской войны Александра Пархоменко:

«Больше всего, товарищи, мы должны стыдиться трусости. Все забудется — голод, холод, нужда, страдания, а вот трусости народ никогда не забудет. Каждый красноармеец, не зная страха и колебания, должен идти на любой подвиг во имя славы своей Отчизны».

В жаркий июньский день Иван Васюхно с напарником Смоляниновым и собакой Рейдой вышел в район Последней поляны. Недалеко от обгорелой елки послышался слабый треск сухих сучьев. Собака забеспокоилась. Она туго натянула поводок, быстро пошла вперед.

Из-за деревьев блеснули красные вспышки, послышались выстрелы. Иван пошатнулся, с трудом устоял на ногах. Острая боль пронзила грудь. Закружилась голова. Пограничник прислонился к стволу дерева. «Ранен...»

Еще выстрел — замертво упала Рейда.

Невдалеке, теперь уже не таясь, уверенные в том, что они расправились с пограничниками, бежали два человека. Жадно хватая пересохшим ртом воздух, преодолевая боль, Иван вскинул автомат, нажал на спусковой крючок. Воздух рассекла длинная очередь.

Васюхно всегда стрелял без промаха. Один из двух нарушителей (до окончания следствия их принято обтекаемо называть этим словом) неестественно взмахнул руками и свалился замертво.

Красные круги все быстрее мелькали перед глазами Васюхно. Пограничник задыхался.

Подбежал рядовой Смолянинов — чтобы оказать помощь.

— Не надо, — с трудом произнес Васюхно, — преследуй нарушителя... Приказываю...

Это были последние слова комсомольца-пограничника.

На заставе слышали выстрелы, немедленно дали сигнал тревоги. Прозвучал дробный грохот сапог, лязг оружия, приглушенные команды сержантов. Уже не один Смолянинов бежал теперь по горячему следу. Вокруг нарушителя быстро смыкалось кольцо. Его взяли живым, с полным, как говорят пограничники, «джентльменским набором»: вечной ручкой, мундштуком и щеткой с вмонтированными внутрь патронами для стрельбы газом, с топографической картой, искусно отпечатанной на носовом платке, с портативным радиопередатчиком, вшитым в полу клетчатого пиджака.

Кстати, о «джентльменском наборе». С годами он становится все более разнообразным, пополняется новинками заокеанской техники. Это — разных фасонов очки с миниатюрным фотоаппаратом в оправе, портсигары с самовоспламеняющейся массой, мгновенно вызывающей пожар, аппарат для звукозаписи в переплете в меру толстой книги советского автора. А для тех, кто на манер русалки или морского бога Нептуна должен «возникнуть» из морской волны, без особой рекламы шьют прорезиненные костюмы с кислородным прибором. Плавники, наподо-

бие утиных лапок, увеличивают скорость передвижения, а баллон с кислородом позволяет находиться под водой в течение нескольких часов. По желанию заказчика иной раз костюм заменяют брюками с плечными ремнями и небольшим прорезиненным баллоном, наполненным воздухом. Впрочем, об этом разговор впереди, может быть, удастся встретить пограничников Пряничникова и Сысоева, захвативших вражеского разведчика в момент, когда он выходил из моря и только что снял небольшие гребные лопатки.

Застава, где так героически оборвалась жизнь Ивана Васюхно, уже несколько лет носит имя героя. Иван навечно зачислен в списки пограничников первого отделения.

...Граница — постоянный фронт. Один за другим уходят наряды. Как клятва, звучат обычные рапорты: «Слушаюсь, выступить на охрану государственной границы Союза Советских Социалистических Республик!».

Турция не стала миролюбивой страной. Слишком уж часто советские, болгарские, сирийские пограничники получают возможность убедиться в том, что на территории Турции по-хозяйски обосновались разведчики «Атлантического союза», «Багдадского пакта», всевозможные филиалы Федерального Разведывательного Бюро. Правящие круги Турции все еще держат курс на обострение международной напряженности.

3.

Боевой расчет¹ заканчивается несколько неожиданно. Начальник заставы сообщает, что рядовому Тенгизу Квривишвили сегодня исполняется двадцать один год. За отличную службу и успехи в учебе Квривишвили объявляется благодарность и предоставляется выходной день. Вечером жены офицеров сервируют стол, подадут традиционный пирог с надписью из белого крема: «Дорогому Тенгизу в день рождения от коллектива заставы».

— Моя застава — мой дом, — часто говорят пограничники.

В отряде многие откровенно завидуют рядовому Алексею Пеленкову. Везет же этому невысокому и не очень сильному с виду парню! В первые месяцы службы он задержал нарушителя, получил нагрудный знак «Отличный пограничник». Недавно заставил поднять руки еще двух иностранных лазутчиков — по ту сторону границы их нетерпеливо ждал инструктор разведцентра...

Командир отряда приказал немедленно предоставить Пеленкову отпуск для поездки домой, выдать ему премию, не забыть о подарке для матери. Вот когда Алексей попал в затруднительное положение, даже растерялся! Навестить родных, конечно, очень хотелось, да только от ближайшей железнодорожной станции на Транссибирской магистрали до его деревни на Крайнем Севере три тысячи пятьсот километров! Чтобы проехать такое расстояние сначала на санях, потом на собачьей упряжке потребуется слишком много времени. Не хватит отпускных дней. Начальник заставы объяснил:

— Поезжай, не тревожься. Время на дорогу — особая статья, сверх отпуска дается.

— Нет, — вздохнул Пеленков, — не могу я так надолго покинуть границу. Сердце не велит. Служить так служить!

...Пограничники несловоохотливы, о службе распространяться не лю-

¹ Боевой расчет — определение особых обязанностей военнослужащих подразделения.

бят, на вопросы отвечают скупно. А мне очень хочется узнать их кое-какие «педагогические» приемы.

На заставу, в глубине горного лабиринта, попадает двадцатилетний юноша из степной южной Украины, из болотистого Полесья или с островов Эстонии. Юноша и во сне никогда не видал такого первозданного нагромождения камней, таких ослепительно сияющих вершин на краю мрачной бездны. Ему представляется, что небо и земля поменялись местами. Облака и в самом деле много ниже единственной вьючной тропы. Но проходит немного времени, и этот юноша — теперь его называют рядовым первого года службы — уже умеет добраться до любой скалы, проникает в любое ущелье. В непроницаемой ночной темноте, в густом тумане, в любую непогоду он обязательно найдет и одолеет нарушителя границы, прошедшего совсем не плохую подготовку сначала в каком-либо европейском филиале, а затем и в американском разведывательном центре. Так как же этого добиваются?

В первые дни гостеприимный «хозяин» одного из горных участков границы майор Гавриил Карпенко на все расспросы отвечал: «Поживете у нас — увидите». Но как-то мы вместе поехали в селение, рассеченное границей на две части. Советская сторона — высокая, крутая, турецкая — увязла в низине. Разумеется, природа сделала это безо всякого стремления подчеркнуть далеко не одинаковое положение двух соседей. Но получилась очень символическая картина: один легко дышит, размахисто поднимается к высотам коммунизма, второй — все более сгибается под непосильной тяжестью американской «дружбы».

Словно подтверждая эту нашу мысль, корреспондент «Нью-Йорк таймс» пишет из Анкары: «Турция находится в положении сильного человека, который марширует со все возрастающим грузом на плечах. Этот груз — оборонные мероприятия, налагаемые лойяльным выполнением Анкарой союзнических обязательств. Марш — это развитие национальной экономики. И чем тяжелее становится сверхтяжесть, тем глубже погружается несущий в экономическую трясиину». А такой «сердечный друг Турции», как заместитель министра торговли США Ротшильд называет сторонников промышленного развития этой страны «спесивыми фантазерами» и велит им смотреть на вещи «более реалистично».

Турецкая пословица говорит: «Солнце глиной не замажешь». Каждый день и каждый час соседи видят, что делается на высокой и на низкой сторонах. И нам с майором пришлось увидеть, как офицер в американской форме — турок он или наставник из-за океана, издали не различишь — хлестал по лицу вытянувшегося перед ним турка-солдата.

Немного позже майор предложил:

— Я расскажу вам маленькую историю, а вы сами поймите, к чему она.

По сигналу тревоги капитан Владимир Скиндер уводил с дальней заставы поисковую группу. У кромки вечных снегов границу намеревался перейти диверсант. По некоторым признакам он хорошо знал местность, был далеко не новичок в своем деле.

К озабоченному капитану обратился молодой солдат Васильев. Он просил не обижать его. Неужто он хуже всех? Все отделение идет, а его оставляют.

— Я комсомолец, товарищ капитан! — в отчаянии воскликнул Васильев.

— Вы не сможете, Васильев. Слишком высоко. Учить вас будем в другое время.

Внезапно офицер изменил свое решение. Возможно, Скиндер вспомнил, что не так уже давно и он, сибиряк, таежник, с величайшим почте-

нием, интересом и недоверием впервые стоял перед этими гордыми вершинами Кавказа. Для порядка капитан строго спросил:

— Не подведешь, Васильев?

— Даю слово.

— Становись в строй.

Поисковая группа ушла. За первой горой мелкий дождь сменился снегом. Разыгралась метель. Васильев, и до того с трудом переводивший дыхание, побледнел. Ноги подкашивались, он тяжело сел на снег. Рядом оказался командир отделения Иванов. Он взял у солдата сумку, помог встать.

Метель бушевала все сильнее. Васильеву казалось, что всю свою бешеную силу ветер направил исключительно на то, чтобы сбросить его, двадцатилетнего доброго парня, в пропасть, убить. Потемнело в глазах, солдат упал: сказалась высота местности, недостаток кислорода. Пограничника подхватили товарищи, привели в чувство.

Поиски диверсанта продолжались всю ночь и весь следующий день. Последние консервы и сухари отдали ни в чем не принимавшему участия Васильеву.

Еще подъем, еще.

Наконец розыскная собака Джек сильно затеребила поводок. Ей скомандовали:

— Фас! Преследуй!

Немного погодя Джек остановился, обнюхал кем-то сдвинутый с места камень, снова побежал — быстрее, увереннее. Впереди мелькнула человеческая фигура. Погоня, прыжок собаки, выстрелы... Обычный ход службы.

Обратный путь на заставу Васильев проделал почти без помощи товарищей, только командир отделения нес его сумку. Через день или два капитан Скиндер сказал Васильеву:

— За урок поблагодаришь позднее. Я напомним, когда придет время.

— И что, наступило это время? — спросил я.

Майор Карпенко кивает головой.

— Васильев награжден двумя знаками «Отличный пограничник», имеет более пятнадцати поощрений. Самые трудные поручения капитан обязательно дает ему. Возможно, он к Васильеву пристрастен!..

Еще один небольшой разговор, происшедший в тот же день.

Проводник собаки Дик — Виктор Шлеленко интересуется:

— Не знаете, как написать письмо режиссеру чехословацкого кино «Загадка старой штольни»?

— Что-нибудь очень важное?

— Да... Тут такое дело...

Виктор, все его отделение очень обеспокоены тем, что один из героев фильма лейтенант пограничник Плотек заявляет: «Прошло более пяти часов, собаки ничего не найдут». Хорошо, если это только в кино, но что, если в самом деле на какой-нибудь пограничной заставе у наших чешских друзей так неважно обучают собак!

Было время, когда Дик тоже брал след, если прошло — стыдно сказать — не более трех часов. Сейчас Виктор не очень хвалит своего питомца, если он уверенно преследует нарушителя и по следам семичасовой давности. Как же можно оставить без внимания слова лейтенанта Плотека?

Друг Виктора, старшина комендатуры, понимая всю важность дела, берется отправить письмо Шлеленко в Прагу авиапочтой.

С заставы на безымянной одинокой скале по-прежнему приходили неутешительные для меня сообщения: штормовой ветер, снегопад усилился, обвалы... Несколько часов ничего не было известно о судьбе одного дозора. На розыски, с группой самых умелых следопытов, выходил начальник заставы. Помощь подоспела вовремя, попавших под обвал пограничников спасли.

Ждать, покуда откроется тропа, дальше было бесполезно. Смирившись с неудачей, я решил направиться на пограничные заставы, расположенные много ниже,—в местах, где уже заметно чувствовался приход весны.

Подобрались и интересные попутчики—офицеры Григорий Хурцилава и Иван Гатикашвили. Земляки в одинаковом звании, невелика разница и в возрасте — всего семь лет. А биографии очень не похожие, хотя и вполне типичные для офицеров-пограничников.

Хурцилава начал службу рядовым, ходил младшим в наряды и, как все первогодники, преклонялся перед недостижимой мудростью сержанта, командира отделения. Бывало...

На глубоко вспаханной контрольной полосе вдоль границы отчетливые следы копыт. Рядовой Хурцилава спокойно шел дальше: чего ради останавливаться, мало ли в горных лесах рыщет всякого зверя! Но сержант потребовал:

— Стой, докладывай, что увидал?

Ответ Хурцилава расстроил сержанта.

— Совсем ты еще зеленый первогодок. Здесь прошел опасный нарушитель, пользовался специальной обувью, оставляющей отпечатки копыт.

Или показывал на след человека, шедшего из тыла к границе:

— Отвечай, что глубже вдавлено в грунт — пятка или носок?

— Пятка.

— Это бывает только, когда человек идет спиной вперед. Значит, он шел не к границе, а направился к нам. Надо искать!

В другой раз Григорий заметил: в кустах то вспыхивал, то гас огонек — словно ветер раскачивал фонарь в руках у человека. Хурцилава быстро подал нужный сигнал сержанту, а сам вскинул автомат.

Ответ сержанта был самым неожиданным:

— Не шевелись.

Позднее старший наряда объяснил:

— Это был пустой номер. Чтобы отвлечь внимание, нарушитель повесил на куст и зажег хорошо просмоленную веревку. Надеялся, что пограничники увидят, бросятся окружать куст, а он тем временем пройдет незамеченным.

А однажды в полуночной тишине раздался крик фазана. Хурцилава хорошо знал, что фазан подает голос только на рассвете и в поздних сумерках,—значит, птицу кто-то вспугнул. Григорий быстро предложил:

— Я пойду в направлении криков фазана, там где-то прячется человек.

— Молодец, выполняй, — подтвердил старший наряда.

Еще через несколько минут сержанту показалось, будто впереди раздался какой-то шум, вроде бы камень сорвался. Тут же донесся властный окрик:

— Стой!

Помощь сержанта не понадобилась. Хурцилава сам задержал нарушителя.

Ту ночь Григорий и считает началом своей службы. Был он потом

сержантом, был старшиной. Отличился в боевой операции, получил первое офицерское звание. Снова отличился, и все пошло обычным порядком.

У сына хашурского железнодорожника, старого коммуниста Георгия Гатикашвили — Ивана жизненный путь сложился иначе. В 1942 году он закончил среднюю школу, шесть месяцев проработал в электровозном депо. Наконец, добился от военкомата, чтобы его призвали в армию. Попал в пехотное училище, а затем в полк. А после победы самая беспокойная граница — с Турдией.

Гатикашвили хорошо помнит свое первое дежурство. В дом колхозника Мамуда вошли двое чужих. Приказали девочке позвать отца. Та ответила, что отец с матерью еще не вернулись с мельницы, а бабушка отдыхает наверху. Старуху разбудили, велели ей готовить ужин. Старая женщина не стала спорить, только попросила принести ей воды. Убедившись, что ведра пусты, незваные гости послали девочку за водой. Она забежала к соседям, торопливо рассказала, что произошло.

Гатикашвили с несколькими пограничниками тихонько подошли к дому. Дверь оказалась запертой изнутри. Один из солдат в темноте неловко повернулся, задел камень. В доме сразу погасли огни, из-за двери донесся злой мужской голос:

— При первом выстреле убьем женщину.

В ту же секунду Гатикашвили выбил раму, прыгнул на террасу и оказался за спиной притаившегося с пистолетом в руке человека. Второго обезоружили другие пограничники.

— А этот орден за что? — спрашиваю у Ивана Гатикашвили.

— За что нашему брату могут дать? За охрану границы. А вы интересуетесь орденоносцами, да? — Гатикашвили живо предложил: — Повернем в соседнее ущелье. Лишних двадцать километров — и я познакомлю вас с человеком, которому еще до войны Михаил Иванович Калинин вручил орден за большие успехи в охране границы.

— Он тоже офицер?

— Нет, старик-колхозник Салваридзе Хасан Хапизович.

Признаться, я направился к Салваридзе без особого интереса. Не сомневался, что старик заслуженный, что ему есть что вспомнить... Но когда это было!

У въезда в селение шумела горная река. Вдоль берегов лежал снег, а посредине реки бурлила вода.

Шофер, старшина-пограничник, притормозил машину, показал:

— Смотрите, вон большой камень. Немного левее Салваридзе достал тот портфель. Еще никто из солдат не успел раздеться, а он, в чем был, бросился.

— Не забывайте, Салваридзе 68 лет, — добавил Гатикашвили. — Вода с гор, ледяная!

Оказывается, случай, о котором мне хотели рассказать, произошел совсем недавно.

...В тени прибрежных кустов отдыхал ничем не примечательный человек средних лет. На нем был дешевый поношенный костюм, под головой такой же выдавший вида портфель. Салваридзе присел рядом, радушно сказал:

— Вижу, вы не из наших мест, может быть, в чем-нибудь нуждаетесь? Чем смогу — помогу.

Незнакомец зажестикнул, объясняя знаками, что он немой. Хасан Хапизович, возможно, и пошел бы дальше своей дорогой, но ему показалось, что на этом человеке под старыми, в нескольких местах порванными брюками надеты другие. Старик не уходил, надеясь, что вот-вот пройдут пограничники — пост близко.

«Немой» поднялся, махнул рукой, быстро зашагал. Салваридзе — за ним. Издали крикнул:

— Держите его!

То ли крик старика привлек пограничников, то ли они давно наблюдали за неизвестным из ельника, но тут же громко прозвучала команда:

— Руки вверх!

Незнакомец метнулся в сторону и с размаху швырнул портфель в реку. Потом спокойно поднял руки. Старик Салваридзе спустился к берегу, бросился в воду. Река подхватила его, закружила, но была еще сила в худощавом, жилистом теле Хасана! Он нашел портфель и вытащил его из реки.

Секретарь райкома партии, офицеры из пограничного отряда, позднее депутаты Верховного Совета республики долго благодарили Хасана Хапизовича, сказали, что в портфеле были важные бумаги, хорошо, что вода не успела повредить чернил.

Несколько дней спустя Салваридзе встретился в горах с тремя мужчинами. Они были одеты, как мастеровые, имели с собой инструменты каменщиков. Обменялись приветствиями, расспросили друг друга о новостях. Трое сказали, что слышали, будто здесь, в горах, много строят, ищут мастеров, можно хорошо заработать. Салваридзе подтвердил: каменщики работу найдут — нужная специальность, только не в каждом селе позволяют жить, пограничники спрашивают пропуска. А куда мастера идут? Выслушав ответ, Хасан Хапизович покачал головой: нет, туда (было названо село, лежащее на самой границе) без пропуска нельзя. Но... он мог бы помочь: его близкая родственница работает в сельсовете и, наверное, не откажется поставить печать, такую вот, как у него, Хасана, в паспорте... Деньги найдутся?

Сторговались. Салваридзе повел трех каменщиков в укромное место, где они должны были ждать возвращения старика. Место действительно было очень укромное, там всегда на непредвиденный случай дежурил пограничный дозор с собакой... Ничто уже не могло выручить «каменщиков» — ни кинжалы, ни пистолеты, ни термос, у которого достаточно было покрутить донышко, чтобы произошел большой силы взрыв...

В одном только нет полного согласия между Салваридзе и его друзьями-пограничниками. В клубе отряда под портретом Хасана Хапизовича написано, что он задержал более ста нарушителей границы. Старик доказывает — это не совсем точно: просто он помогал задерживать нарушителей своим друзьям-пограничникам.

Позднее, уже расставшись со своими попутчиками-офицерами, я побывал в нескольких пограничных селениях — на плоскогорье и в волнистых приморских долинах. Люди, с которыми я там встречался, не знали о существовании старика Салваридзе. Но почти каждый повторял его слова: «Просто я помогаю своим друзьям-пограничникам».

В одном колхозе я случайно попал за праздничный стол, накрытый в честь семьи агротехника Михаила Ц. Отмечалось событие, достойное большого внимания. За помощь, оказанную пограничникам при задержании шпиона, глава семьи был награжден медалью «За отличие в охране государственной границы СССР», а его жена — ценным подарком.

В другом небольшом селении к директору школы вызвали ученика четвертого класса Хасана Нинидзе. Мальчика ждал начальник пограничной заставы.

— Я за тобой, — сказал офицер. — Поедем в город, купим тебе новую ученическую форму, ботинки, фуражку. Заодно заглянем и в парик-

махерскую — немного подстрижем тебя. Потом в офицерском клубе наш старший начальник вручит тебе, Хасан, грамоту.

Что же сделал этот двенадцатилетний паренек?

С балкона своего дома мальчик заметил, что у столовой довольно долго крутится какой-то незнакомый человек в сером костюме, белой панаме, с палкой в руках. Поведение незнакомца насторожило мальчика, показалось ему необычным. Хасан быстро вышел на улицу, направился в сторону столовой, и, остановившись около газетной витрины, сделал вид, что с большим интересом читает вывешенную несколько дней назад стенную газету.

Незнакомец огляделся: никого из взрослых поблизости не было. Он торопливо спросил:

— Мальчик, как выйти на реку?

Хасан удивился: местные жители хорошо знают, где течет пограничная река. Значит, человек этот не здешний. Что же ему на реке надо?

Чтобы выиграть время, школьник предложил:

— Пойдемте, дядя, вместе, я вас провожу. Наверное, возле реки живет кто-нибудь из ваших родственников?

— Да, там дом моего двоюродного брата, но я давно не был у него и позабыл дорогу, — охотно подтвердил неизвестный.

Воспользовавшись тем, что река разливается несколькими рукавами, петляет у села, Хасан выбрал тропу, ведущую прямо к пограничной заставе.

Несколько минут спустя из одного широко разросшегося куста показался ствол автомата и прежде чем незнакомец успел что-либо сообразить, ему пришлось подчиниться обычной команде: «Руки вверх!»

Хасан получил подарок, благодарность от пограничников, его фамилия занесена во Всесоюзную Книгу почета пионерской организации имени В. И. Ленина.

Так было и со школьницей Эмине Якобадзе, которая тоже помогла пограничникам задержать нарушителя.

Пожалуй, в пограничных селениях тот же обычай, что был в годы Отечественной войны в прифронтовой зоне. С пришельцем разделят хлеб, дадут приют, но хорошо проверят, что привело незнакомца на рубеж двух миров, можно ли его назвать человеком, другом, или...

На огороде за домом работала женщина. Ее окликнул незнакомый человек, одетый, как все местные колхозники. Он попросил воды и тут же протянул пять рублей. Женщина покачала головой: не хочу твоих денег.

На лице пришельца мелькнула улыбка:

— Может быть, и хлеб найдется?

Женщина принесла хлеб и снова отказалась взять деньги — на этот раз десятку.

Незнакомец смело пошел дальше в сторону границы, а женщина побежала на медицинский пункт. Она знала, что там есть телефон — можно позвонить на заставу.

Незнакомца задержали. В ответ на первый оклик пограничников он сердито закричал:

— Не имеете права, я уже в Турции...

Выяснилось следующее: нарушитель считал, что он еще несколько часов назад очень хитро обошел последний пограничный пост. Чтобы окончательно в этом убедиться, он и обратился к крестьянке, дважды предлагал ей советские деньги. Женщина наотрез отказалась взять их. Какие же могут быть сомнения: советские деньги не берут, значит уже Турция... И вдруг неожиданнее, чем гром среди ясного неба, это непреклонное «Стой, руки вверх!»

Как только наступают сумерки, на высокой, советской стороне вспыхивают яркие электрические огни. Электричество в домах, на улицах, на фермах. Внизу, у турок, лишь в доме помещика мигает огонек керосиновой лампы. И чего скрывать: в домах советских крестьян гостя угощают душистым черным кофе по-турецки. Здесь тоже в ходу старая турецкая пословица: «Чашка кофе сделает кого угодно другом на сорок лет». Одна только разница. Советским крестьянам кофе по-турецки вполне доступно, а в Турции, по свидетельству того же корреспондента «Нью-Йорк таймс», кофе давно исчезло, его подают лишь иностранным туристам...

...На государственной границе каждый занимается своим делом. Солдаты несут службу. Председатель сельского Совета Фембе Каранадзе занят тем, чтобы точно выполнялся план строительства, чтобы к четырем уже действующим клубам прибавились еще два, чтобы в колхозе в срок построили стадион и открыли парк культуры и отдыха, чтобы в новой курортной местности силами трех колхозов закончили строительство дома отдыха, и чтобы небольшое, заброшенное высоко в горы село получило электроэнергию от межколхозной гидроэлектростанции.

Да, на советской стороне у каждого свои заботы, свои обязанности. Пограничники четко несут службу. Старик Салваридзе заботится о том, чтобы его колхоз с каждым днем становился богаче, а колхозники—зажиточнее. Мальчик Хасан и девочка Эмине решают задачки по арифметике и удивляются, почему чернильницы и ручки так сильно пачкают пальцы. Но все они друзья и по первому зову приходят на помощь друг другу.

Население и пограничники — стало быть, весь народ — зорко охраняют государственную границу.

5.

В городе у моря, куда я снова вернулся, весна уже была в разгаре. Гостеприимно распахнулись двери санаториев и домов отдыха. Каждое утро самолеты увозили на север, на запад и на восток Советской страны корзины с живыми цветами, заботливо упакованные пальмы, кипарисы, саженцы цитрусовых деревьев. В гавань вошел первый в этом году теплоход с иностранными туристами. Взад-вперед сновали юркие лоцманские боты. С богатым уловом возвращались рыболовецкие сейнеры.

Все жаждало мира.

ЧЕРЕЗ *две* ЖИЗНИ

I.

Это самый обыкновенный деревенский мальчишка. Войлочная кахетинская шапочка на макушке, короткая рубашонка с отвернутыми рукавами, старые, истрепанные брюки из мешковины, подвязанные у пояса сыромятным ремешком, — вот, пожалуй, и все незатейливое одеяние маленького Габро.

В прохладном предутреннем тумане по Коджорской дороге Габро совершает свое привычное путешествие в город. Серый, неторопливый ослик с большими карими глазами несет тяжелый пестрый хурджин, из которого выглядывают горлышки расписных глиняных кувшинчи-

ков. После недавнего дождя грязь засохла на дороге волнистыми бороздами, и арба, на которой окрочанские крестьяне везут на базар всякую живность, напоминает старый ковчег, неуклюже прыгающий по высоким волнам. А робщик то и дело покрикивает на буйволов:

— Тпри-хо-о!

Жалобно скрипят колеса, и куры, дрыгая перевязанными ногами, испуганно шарахаются в арбе из стороны в сторону.

— Тпри-хо-о!

Вот, наконец, приехали в город.

Эриванская площадь. Тамамшевский караван-сарай, выстроенный на пепелище старого театра, ставшего жертвой пожара в 1847 году.

Театр перебрался в небольшое деревянное здание в «Инженерском саду», которое постепенно разрослось и достроилось. Гастролеры часто приезжают в город — тбилисская публика любит искусство. В маленьком здании театра выступает итальянская опера, балет, русская водевильная труппа. Ставят здесь и первые грузинские спектакли. Вечером к саду подкатывают шикарные экипажи. Лакеи в белых перчатках открывают дверцы карет. Щурясь в лорнеты, дамы то и дело бросают друг на друга косые, но внимательные взгляды — оценивают наряды.

Зато тбилисских мальчишек, ма-

стеровых, рабочих, которых приезжающие в каретах презрительно называют «хара-хура народ», ничего не отвлекает от сцены. Как им удастся проникнуть на спектакли — не понятно (не покупают же они в самом деле билеты, которые стоят их недельного заработка), но только посыльные из торговых лавок, проносясь с грудой картонных коробок, перевязанных цветными лентами, во все горло распевают «Фигаро здесь, Фигаро — там!», менахшире¹, выглядывающий из своей темной ямы у караван-сарая, лихо насвистывает популярную песенку, а ребятишки прямо на плоских крышах домов с азартом разыгрывают сцены из нового грузинского спектакля — «Родина»...

...Вдоль Головинской улицы стоят каменные дома князей, сановников, генералов. Высокими решетками и широкими палисадниками отгородились от улицы особняки. Из дома Сараджевых навстречу Габро выбегает служанка — розовощекая девушка. Габро ловко переворачивает доньшком вверх продолговатый глиняный горшочек, встряхивает его и торжественно оглядывается на девушку:

— Видишь, какое мацони. Ножом резать можно.

Буйволиное мацони — вкусное и жирное — пользуется большим спросом у горожан.

Покупает кувшинчик мацони и маленький сгорбленный книгоноша — их немало в городе. Книгоноша достает из-за пазухи деревянную ложку и тут же, на улице, устраивает себе пятиминутный завтрак. Поел, вытер ложку о засаленные полотняные брюки и пошел дальше по домам.

Обе руки ему оттягивают потрепанные, зачитанные до дыр книги. Человек-библиотека получает за свои труды по две копейки с дома в месяц.

По Головинской, грохоча желез-

ными ободьями колес, проносится экипаж. В гривы лошадей вплетены разноцветные ленты. В коляске трясут подбородками заплывшие жиром дамы в лечаки. На запятках — тощий мальчишка в большой, не по росту ливрее.

Габро в замешательстве переступает с ноги на ногу. Велик соблазн вцепиться в мальчишку и вывалить в грязи его ливрею. Катается себе, небось — и горя ему мало. Но на Головинской не всякий решится на такое. Она какая-то чужая, эта улица с большими каменными домами и с людьми, живущими в них. Здесь не дадут попросту «сдачи», а истерически крикнут: «Полиция!» — и тогда плохо придется простому человеку. Эта немудреная истина известна всякому, кто побывал в городе. Габро не любит эту улицу. Все здесь красиво и чуждо — и наряды, и магазины, и люди, и дома.

То ли дело Армянский базар, Майдан, Харпухи, Воронцов! Здесь живут простые люди, с ними деревенский человек всегда найдет общий язык.

Армянский базар встречает Габро шумом толпы. На маленькой площади у базара что-то происходит.

— Хабарда! Эй, хабарда!

От шарканья десятков обутых и необутых ног подымается столб пыли. Разноголосый гомон покрывает нервная дробь доли; подзадоривающе повизгивает зурна. Ногами и локтями Габро пробивает себе дорогу через плотное кольцо любопытных.

— Хабарда!

Двое дюжих парней палками отгоняют зевак, забравшихся в центр круга. Из-под локтей зрителей выглядывают разгоряченные, светящиеся любопытством лица мальчишек.

Босые, голые по пояс борцы вступают в круг, долго ходят один вокруг другого, отступают и наступают, словно испытывают терпение зрителей. Наконец, борьба начинается: борцы переплетают смуглые руки, напрягают, словно отлитые из

¹ Менахшире — угольщик.

стали, мускулы и при одобрительных возгласах публики начинают раскачивать друг друга в могучих объятьях. Толпа стонет от волнения. Наконец, после долгих усилий, более ловкий берет верх. Обхватив руками противника, он сильным рывком перекидывает его через плечо и укладывает лопатками на землю. Теперь в круг выходит вторая пара, затем третья...

Шумно и долго обсуждают собравшиеся приемы борьбы, потом нехотя расходятся. Мекуртне¹ присаживаются на камни, растягиваются на солнце, положив под голову куртан, образуя молчаливую и скорбную скульптурную группу.

Накинув на потные тела рубахи, снова собираются в кружок рабочие-поденщики. Это они позволили себе небольшую блажь — поразмяли молодые мускулы, занемевшие в бесконечном ожидании нанимателей.

И снова звонко зацокали копыта ослика — на этот раз уже по выщербленной крутой мостовой Харпухи.

— Ма-цо-о-ни!

Широко ставя ноги, цепляясь подковами за камни, следом за осликом Габро плетется кобыла. Большие меха перекинуты через ее острую, костистую спину. Они уже наполовину опорожнены — в жаркие дни в городе велик спрос на воду. Опираясь на круп лошади, карабкается по подъему серолицый, страдающий одышкой пожилой тулухчи². Кура — тут же, недалеко. Но воду, которой промышляют тулухчи, нужно набирать только у Мадатовского острова: считается, что там вода чище.

Толстый кабатчик с пышной хлопкой в руке появляется в узких дверях своего заведения:

— Аба, тулухчи, наполни-ка этот доки.

Тулухчи льет в большой глиняный кувшин мутную курную воду то с одного, то с другого меха, чтобы не нарушить равновесия, и делает от-

метку на палочке, которую передает обратно кабатчику. Когда таких от меток будет двадцать, тулухчи получит за свои труды рубль.

Жизнь обитателей Харпухи доверчиво и наивно выставлена прямо на улицу. А жизнь — это лучшая наука. Она многому учит наблюдательного человека. Простые люди не оставляют дома своих горестей.

Как не знать Габро, что у его постоянной клиентки на Харпухи, престарелой вдовы Асмаат большое горе — пора дочери замуж, а приданого у нее нет. Нет даже шерсти на матрац, не говоря уже о традиционных мутаках и пышных пуховых подушках. Вдова стирает у богатых, с утра до вечера гнет спину, но уже много дней, как мацонщик и тулухчи по дружбе дают ей мацони и воду в кредит.

Это большое горе, когда дочь без приданого. Кто же возьмет в такое тяжелое время бесприданницу? Вот и легла на худое старушечье лицо тень. У нужды широкий почерк — ее увидишь издалека. Но у тех людей, что живут в Сололаки, все по-своему.

Разговорился Габро с пожилым тулухчи, и рассказал ему старик странную историю.

Говорят, князь Н., тот, который так любил развезжать по улицам в новенькой коляске, застрелился сегодня в своем красивом особняке в Сололаки. И с чего бы? Говорят, от нужды. Обеднел, разорился. Постойте, как же это так? Ведь дня три тому назад Габро видел князя в Ортачальских садах. Подвыпив, он сорил деньгами, с хохотом запихивая пачки ассигнаций за шиворот танцовщицам и зурначам. А тут тулухчи клянется, что даже белая чоха князя и та была заложена. Попробуй-ка, пойми такую бедность. Странные люди — жители Сололаки.

Габро присел позавтракать на плоском булыжнике у края дороги. Потом собрал остатки еды в хурджин и пошел назад по узким спускам через Саманную площадь и Пески к

¹ Мекуртне — рабочий-носильщик.

² Тулухчи — водовоз.

Воронцову. Путь дальний! Но когда в хурджинах весело позвякивают пустые кувшинчики — и не такой путь пройдешь с легкостью. Жаль только, что это не часто случается.

У Воронцовского моста Кура становится желто-бурой от стекающих в нее нечистот. У самого берега — мусорные кучи, в которых копошатся свиньи. Жители Воронцовской улицы держат скотину и берут на постой ослов и мулов у сельских жителей, спускающихся в город из соседних деревень.

Нелегко разобраться в лабиринте лачуг, так похожих друг на друга. Прямо под ноги Габро выплескивают из лохани мыльную воду. Женщины вынимают из торни свежеспеченный хлеб и тут же, на улице, раскладывают его на доски, чтобы остыл.

Над мусорными кучами носятся стаи мух. Две старухи-свахи, присев на паласе у дверей в дом, толкуют с хозяйкой дома:

— Свой духан есть у него. Двое мальчиков на услужении. Господин — и только! Что еще надо для счастья женщины? Ты показывай лучше, какое приданое за дочкой даешь. Без хорошего приданого, сама ведь знаешь, ничего не получится.

А у дверей, утираясь занавеской, навзрыд плачет дочь хозяйки. На нее никто не обращает внимания. Чего стоят девичьи слезы?

На каждом шагу зияют дыры — входы в маленькие подземные духаны. Здесь пахнет шашлыком, вином и свежей зеленью. Богатые горожане любят злачные места. Пузатые фигуры в черных чохах то и дело показываются в дверях погребков. Следом за ними, согнувшись под тяжестью шарманки, семенит щуплый кинто. Микитан¹, отвешивая низкие поклоны, ловко смахивает салфеткой со стола крошки и сгибается в три погибели, ожидая заказа.

Габро не раз наблюдал, как кутят толстопузые. Напиваются быстро,

поют нестройными голосами под шарманку, стараясь перекричать друг друга. Потом микитан, вращая круглыми, налитыми кровью глазами выскакивает «на поверхность», хватая первого попавшегося под руку мальчишку или мекуртне и посылает его за фаэтоном.

— Хай-да! Скорей! И чтобы сию минуту был здесь, слышишь?

Испуганный мальчишка уносится за фаэтоном. И через полчаса, вывалившись из погреба, гости едут кутить дальше, за город.

Но бывают в этих погребках и другие посетители. Всегда трезвые, с большими натруженными руками, сутулясь, проходят они в самый отдаленный угол погребка и долго сидят над головкой сыра и бутылкой дешевого вина. Микитан не встречает их радушным помахиванием салфетки: он хмуро уступает им дорогу. Есть что-то в блеске глаз этих парней, что удерживает его от скандала с ними.

А на этот раз Габро стал свидетелем такой сцены: в углу духана со странным названием «Бедни ласточка» собралось несколько человек. Говорили тихо, взволнованным шепотом. Темнолицый молодой рабочий о чем-то горячо рассказывал и ребром ладони ударил себя по шее. «Вот, мол, до сих пор дошло, нет больше сил терпеть». Потом вдруг сразу все замолчали. В дверях появилась фигура урядника. Оттолкнув подлетевшего было микитана, урядник не спеша прошел к столу в углу комнаты, остановился, заложил руки за спину. Ехидно улыбаясь, покачиваясь с носков на пятки, скрипя сапогами, спросил:

— Ну-с, что вы тут делаете, господа хорошие?

Гнетущая тишина воцарилась в маленьком погребе. Потом чей-то дрожащий от возмущения голос произнес:

— Сидим и думаем. Или думать, может, тоже запрещается?

На улице микитан сокрушался, хлопая себя ладонями по жирным ляжкам:

¹ Микитан — духанщик.

— Этих рабочих с чертовой железной дороги и близко нельзя подпускать к порядочному дому. Только и делают, что сеют смуту и портят репутацию приличному духану.

Потом все замолкает. Из подвала выходит рабочий. Следом, подталкивая его, поднимается урядник.

— Но, но, пошевеливайся, тоже мне, господин!

— Горе его матери!.. Куда это его? — остановившись прошептала проходившая по улице женщина.

— Известно куда, в Метехи.

— Политический...

У Габро сжимается сердце. Метехи! Черной, хищной птицей навис он над городом. Лучше не думать о нем — страшно...

Выбравшись из царства кабатчиков, Габро завернул в маленький дворик, где под единственным ореховым деревом старушка доила низкорослую корову — «хэвсурку», поздоровался и попросил подержать ослика до завтрашнего утра.

И вот Габро мчится по лужам, то и дело нащупывая в кармане медный пятак, который можно потратить в свое удовольствие. А что может доставить больше радости босоному деревенскому мальчишке, чем поездка на конке? Совсем недавно вагоны конки стали ходить от Воронцовской до вокзала. С тех пор Габро иногда позволяет себе прокатиться от Воронцова до самого дома своего дяди, где и останется на ночевку.

Шустрый кондуктор в брезентовом картузе и с длинной, свисающей до колен сумкой прыгает на подножку, трубит в рожок, и конка двигается с места, постепенно набирая скорость.

Вот, наконец, и Молоканская...

Улица встречает Габро стуком молотков, лязгом железа. С грохотом катятся из-под ног ободки кастрюль, старые самовары, обрезки жести. Здесь, на этой улице, работают в тесных растворах лудильщики, жестянщики, паяльщики. Ребятишки с удовольствием копаются в металлическом ломе. Голоса у лудильщиков и жестянщиков такие же звонкие, как

и их ремесло. Но у себя на улице они больше стараются говорить жёсткими — не перекричишь уличного шума. Зато как выйдут на промысел на соседнюю улицу, так и заливаются:

— Кастру-у-ли, ведра пачиня-а-й!..

Старая тетушка Като суетится у очага. Она встречает Габро ласковым ворчанием: подошло время обеда, а мужчины и не думают идти домой. Не пора ли закончить работу? Хорошо, хоть племянник сегодня пришел — поможет старой женщине в хозяйстве.

...Наступает ночь. Шум на улице замолкает. Слышно только, как лают, перекликаясь, собаки. Габро дремлет в углу на медвежьей шкуре. Завтра с утра ему предстоит обратный путь в Окрокана, а послезавтра — опять ночевка в городе.

Над столом при свете свечи вырисовываются уставшие, заросшие лица дяди Серго и его сына Арчила. Арчил только недавно пришел. Он работает на табачной фабрике Бозарджянца, что на Вере, а оттуда нелегко добираться в такую темень до Молоканской улицы.

Габро не спит. Видит: двое за столом ведут серьезный разговор. Вдруг Арчил поднимает правую руку и ребром ладони проводит по шее: «Нет, терпеть дальше невозможно», — доносится до Габро.

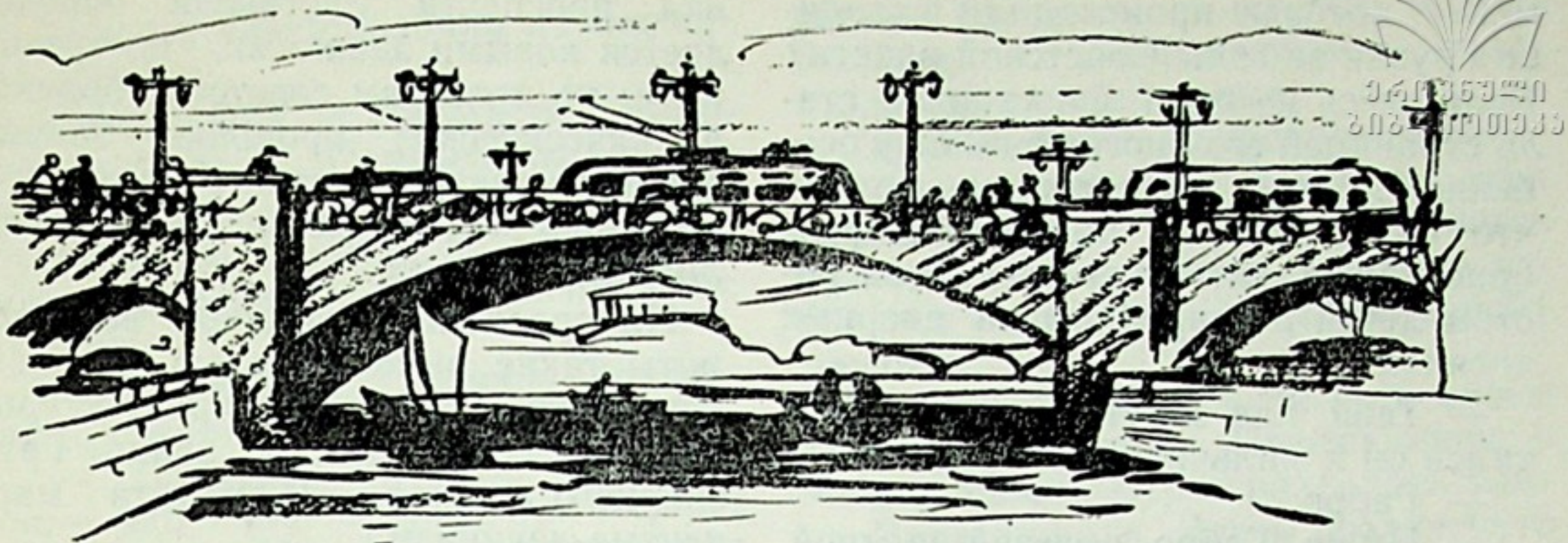
Вмиг перед глазами мальчика оживают рабочий с железной дороги, урядник со скрипучими сапогами, толстый микитан...

— Что ты, что ты, — испуганно шепчет Габро, вскакивая на ноги и бросаясь к Арчилу. — Тебя же посадят в Метехи.

Мужчины удивленно оборачиваются. Дядя Серго улыбается, и его суровое, заросшее седеющей бородой лицо сразу становится ласковым.

— Иди, мальчик, — говорит он Габро, ероша ему волосы на макушке. — Твое дело сейчас — спать. А если все мы будем бояться Метехи, то таким, как ты, никогда не будет счастья.

Кора ЦЕРЕТЕЛИ.

II

Вихрастый мальчишка в красном галстуке долго и терпеливо налаживал фотоаппарат, стараясь снять недавно отстроенное красивое здание на Набережной. Он и не подозревал, что из-за густого забора строительных лесов растущего рядом дома за ним уже несколько минут наблюдают рабочие.

— Поди-ка сюда, сынок, я тебе один совет хочу дать, — услышал он позади себя чей-то голос.

Мальчик обернулся. На широкой каменной плите, рядом с грудой строительных материалов сидел пожилой рабочий в спецовке, заляпанной густыми брызгами гачи и цемента. От живых глаз в разные стороны разбегались по лицу веселые морщинки, а улыбка притаилась в пушистых седых усах.

— Ты зря торопишься новое здание фотографировать, — снова заговорил он. — Этому дому еще не один десяток лет здесь стоять. Сам могу поручиться, вот эти руки стены возводили, — и он показал мальчику изрезанные глубокими трещинками грубые ладони. — Ты бы пофотографировал какие-нибудь старые домишки, что сносить будут, — на память. — Он порылся в карманах и вытащил сложенную в несколько раз, уже потрепанную вырезку из газеты. На ней был снят отрезок улицы, тесно зажатой между неказистыми, приземистыми строениями. По улице шли трамвайные вагоны.

— Ну-ка, отгадай, где это? Да не-

ужели проспект Руставели не узнаешь? — улыбнулся рабочий.

— Совсем не похоже. — Мальчик даже рассердился. Наверное, над ним смеются, разыгрывают. Но лицо у рабочего было серьезное.

— Снимок этот не так уж давно делали, всего лет тридцать назад, а от старого проспекта Руставели почти ничего не осталось. Не было на нем тогда ни большого жилого дома, что одной стороной выходит на площадь Ленина, ни здания Музея Грузии, ни кинотеатра имени Руставели, ни красивого здания Дома Правительства нашей республики, ни того замечательного архитектурного сооружения, которым даже коренные тбилисские жители не перестают восхищаться, — здания, где расположены филиал Института марксизма-ленинизма и филиал Музея В. И. Ленина. Вот и сравни сейчас эту старую фотографию с тем, что видишь на проспекте Руставели сегодня...

Да, с тех пор многое изменилось и, конечно, не только на проспекте Руставели, но и в любом уголке Тбилиси. Многие в городе исчезло, многое перестроено. И все это произошло совсем-совсем недавно. Только глядя на фотографию двадцатипяти-тридцатилетней давности и сличая ее с «той же», но нынешней улицей, мы находим... нет, мы почти не находим похожего...

Об этом и задумался старый бетонщик Амиран Жонжоладзе. Кому же, как не ему, знать обо всех пере-

менах, которые происходили в столице Грузии за годы Советской власти? Ведь здесь не одна новостройка стала страницей его биографии. Ему особенно заметен рост города, потому что он следит за ним по старым ориентирам, как мать следит за ростом детей по зарубкам на дверных косяках.

— Тебя как зовут? — снова обратился он к мальчику.

— Габро.

— Ну-ка, Габро, полезай за мной, я тебе еще кое-что покажу.

Они взобрались по доскам лесов на верхний этаж строящегося здания. Отсюда открывалась привычная для Амирана картина: вот он — огромный город в разгаре рабочего дня, раскинулся широко, уходя далеко за линию горизонта. И как на гигантской карте, вырисовываются линии уличных магистралей, проспектов, очертания площадей, зеленые пятна парков, садов, аллей. А кругом дома, дома и, пока видит глаз, пестрое море крыш — красных, серых, серебристых... И, словно игрушечные, мчатся по улицам троллейбусы и автобусы, по ниточкам рельсов движутся трамвайные вагоны.

Вот сердце города — площадь Ленина — широкий залитый асфальтом простор, в центре которого возвышается на гранитном пьедестале монументальная фигура основателя Советского государства. А ведь старожилы еще помнят мрачное и унылое здание караван-сарая, которое занимало когда-то почти всю эту площадь. Отсюда начинается широкая, просторная магистраль проспекта Руставели.

...Нелегко было пробивать широкие улицы в тесноте и путанице старого города, особенно, когда приходилось производить эту сложнейшую операцию на живом теле столицы — деятельной, многолюдной, с утра до ночи заполненной тысячами людей и потоком машин.

Строители сносили ветхие строения, убирали дома, торчавшие посреди перекрестков. Просторен и величественен стал центр города. Сейчас

вид проспекта Руставели определяется новыми зданиями, построенными по проектам советских архитекторов, а классическое прошлое здание оперного театра, театра Руставели — это лишь отдельные элементы в облике магистрали.

На проспекте Руставели воздвигнуты такие замечательные образцы грузинской советской архитектуры, как Дом Правительства, здание Грузинского филиала Института марксизма-ленинизма.

Центр Тбилиси живет многогранной и полнокровной жизнью. До поздней ночи здесь не затихает движение. В столице не сыскать, вероятно, района, отрасли хозяйства или культуры, которые не были бы так или иначе связаны с проспектом Руставели и площадью Ленина. Здесь находится выразитель воли трудящихся города — Тбилисский городской Совет. В здании Дома Правительства разместился Совет Министров.

Главный проспект Тбилиси по праву можно назвать проспектом культуры. Здесь расположились десять театров и клубов, картинная галерея и музей, в здании «Зари Востока» разместились редакции многих республиканских газет, издательство.

Облик площади и проспекта Руставели изменялся быстро — иногда прямо-таки на глазах у людей. Днем тбилисцы еще проходили мимо одноэтажного здания универмага на проспекте Руставели. А ночью, когда улица затихла, неожиданно слышались глухие взрывы и грохот падающих камней. Теперь на раздавшийся проспект смотрел фасад здания школы, перед которым затем разбили красивый сквер. В последний день декабря прошлого года хозяевами этого сквера стали тбилисские ребята: искрясь огнями и украшениями, здесь выросла огромная елка, и сквер стал похож на чудесное царство из волшебной сказки.

Было снесено и неказистое здание Дома гигиены, за счет которого значительно расширился парк Коммунаров, и это тоже изменило облик проспекта Руставели.

Зеленый сквер разбили на площади Ленина.

Перестройка затронула не только центр столицы. Переделаны многие важные городские магистрали, выросли новые районы, столица давно уже перешагнула за свои прежние границы.

Рука Амираана Тедовича потянулась к Куре.

— Набережные Куры, — говорит он, — украшают Тбилиси так же, как набережные Невы — Ленинград, как набережные Москвы-реки — столицу нашей Родины — Москву.

Это первая стройка, в которую я вложил свой труд. Я пришел сюда подсобным рабочим, таскал камни, а уходил отсюда на новое строительство уже бетонщиком. Это была хорошая школа.

Я хорошо помню, каким торжественным и большим праздником был для нас день XVIII годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, когда мы сдали трудящимся Тбилиси первый отрезок будущей магистрали, первые 1.225 метров набережной — от моста имени Сталина до моста имени К. Маркса.

Потом набережная устремилась дальше к мосту Челюскинцев, перекинулась на правый берег, прошла между мостом Бараташвили и Метехским мостом. Далеко уходит сейчас магистраль набережной. И стройка здесь не останавливается ни на минуту, она продолжается год за годом. На набережной сооружаются многоэтажные жилые и административные здания, закладываются зеленые массивы.

С судьбой набережной тесно связано строительство многих «сухопутных» магистралей города, в первую очередь мостов. В 1932 году через Куру перекинулся новый мост имени Челюскинцев, самый большой в городе. Потом был выстроен еще один — Метехский, и сразу помолодел седой Майдан. Реконструкция преобразила мост имени Сталина. Соединены берега Куры в районе Дидубе. Мосты повисли не только над водой, но и над набережной.

Тысячами светлых окон, рядами

легких балконов смотрятся в воду новые дома, возвышающиеся вдоль тбилисских набережных.

Крупные перепланировочные работы были проведены почти во всех районах города. Городу стало легче дышать, он в значительной мере избавился от опасной «кривоколенной» тесноты.

Вдвое расширились на всем своем протяжении улицы Челюскинцев и Меликишвили. Втрое раздалась улица Бараташвили. Здесь воздвигнуто одно из красивейших жилых зданий города. Убрали целый квартал мелких строений на вокзальной площади, где высится теперь красивое здание нового вокзала.

Большие, новые дома образовали площадь на пересечении проспекта имени Плеханова и улицы Марджанишвили.

Новая площадь Героев Советского Союза, расположившаяся между высокими холмами, открывает въезд в самый молодой район города — Сабуртало. Здесь возвышается жилой многоквартирный дом — одно из лучших зданий социалистического Тбилиси. Оно воздвигнуто на стыке трех улиц, и его одиннадцатизэтажная башня на углу Набережной и улицы Челюскинцев завершает площадь. На одном из холмов, выходящих на площадь Героев Советского Союза, в 1940 году было построено замечательное здание цирка, которое видно из всех районов города. На другом холме, примыкающем к этой площади, строится крупный комплекс зданий Академии наук Грузинской ССР, где разместится несколько десятков институтов. В северо-западной стороне площади совсем недавно по оврагу Варазисхеви была проложена новая широкая магистраль, соединяющая два самых молодых района столицы — Ваке и Сабуртало.

Район Сабуртало был когда-то неказистой окраиной с ветхими, по преимуществу одноэтажными домиками. За деревянными заборами разводили огороды. По горбтому булыжнику тарахтели арбы...

— Когда мы, строители, пришли в этот район, — вспоминает Амиран

Тедович, — нам показалось, что мы попали куда-то далеко за город.

Прошло несколько лет, и мачты кранов одна за другой скрылись за стенами поднявшихся ввысь корпусов...

...На улице Ленина воздвигнуто здание Тбилисского института инженеров железнодорожного транспорта им. В. И. Ленина, против него — большое здание металлургического техникума. Гармонично вошла в облик района новая площадь за зданием института с красивым пятиэтажным домом для работников науки. Отполированная тысячами шин стелется Военно-Грузинская дорога. Вдоль нее расположились корпуса Грузинского политехнического института, жилые и общественные здания.

В этом районе — куда ни посмотри — строительные работы: высятся стрелы подъемных кранов, рождаются новые дома, в которых все чаще и чаще справляют новоселье семьи тбилисцев.

Башенные краны, как вехи, отмечают рождение новой улицы, нового дома. Стройки продвигаются все дальше и дальше.

На помощь строителям пришла новая техника. Машина ввела в строительство иные меры, иные масштабы. Деталь, из которой теперь строится здание, — это огромная плита, это блок в несколько тонн, это кусок дома. Новая техника породила новый ясный, смелый принцип: укрупнить строительные элементы в пятьсот, шестьсот и более раз, исключить ручной труд, не строить, а монтировать...

— Кажется, совсем недавно, — продолжает Амиран Тедович, — мои друзья строили первое жилое крупноблочное здание. На стройке собирались люди, чтобы посмотреть на новые методы строительства. Эта стройка оказалась в центре внимания, она была событием.

Едва начинается день, как на улицах Сабуртало появляются не только те, кто живет здесь и работает, но и гости: строители и студенты, рабочие и инженеры, тбилисцы и приезжие. Многих сейчас привлекает стро-

ительство, начатое за кирпичным заводом. Это первая в городе комплексная застройка целого района крупными жилыми кварталами зданий, сооружений, зеленых массивов.

Особенно плодотворно поработала преобразующая рука строителей в Ваке. Там, где еще совсем недавно экскаватор раскапывал своим ковшом фундаменты старых домов, уже поднимаются к небу многоэтажные корпуса зданий. Расширенный и реконструированный проспект имени И. Чавчавадзе стал теперь одной из красивейших магистралей города.

Старая Нахаловка была типичным «худшим районом» города: заброшенная, полуголодная, битком набитая рабочим людом. Это коренной рабочий район, вписавший в революционную летопись памятные страницы, — здесь находились Главные мастерские Закавказской железной дороги — школа большой революционной борьбы.

Сейчас от старой Нахаловки почти ничего не осталось. Это крупнейший в городе промышленный район, в котором высятся корпуса станкостроительного завода имени Кирова, просторные цехи авторемонтного завода, трикотажный комбинат. Главные железнодорожные мастерские превратились в большой паровозовагоноремонтный завод имени Сталина. Район разросся и отодвинул границу города за Авчала. На Авчальском шоссе выросли здания первой в Закавказье чаеразвесочной фабрики, комбината шампанских вин. Вдоль главной магистрали района — Советской улицы — поднялись ввысь колонны новых жилых домов, общественных зданий, школ, больниц. Невозможно перечислить все новшества, которые пришли с реконструкцией во все районы города. Не узнать сейчас ни района им. 26-ти комиссаров, ни Кировского. А старые названия этих районов — Авлабар, Майдан, Харпухи — стали уже анахронизмом.

Перепланировка Тбилиси еще продолжается, она идет сразу во многих

районах, расчищает в каменных и деревянных лабиринтах все больше пространства для современных средств сообщения, для новых зданий, бульваров, садов. Придет время, когда в столице не останется ни одной неблагоустроенной улицы.

Каждый день перед глазами Амираана Тедовича расстилается весь Тбилиси — огромный, красивый, гордый. Строитель видит его и в первых лучах солнца, когда город еще тихий, почти безлюдный, словно не успевший проснуться, и в разгаре рабочего дня, и в часы, когда Тбилиси подернут вечерней дымкой, и когда он включает свои ночные огни, и в глубокой синеве неба вместе с яркими звездами алым пламенем лучатся, словно вправленные в небосвод, ог-

ни мачты телевизионного центра на Мтацминда...

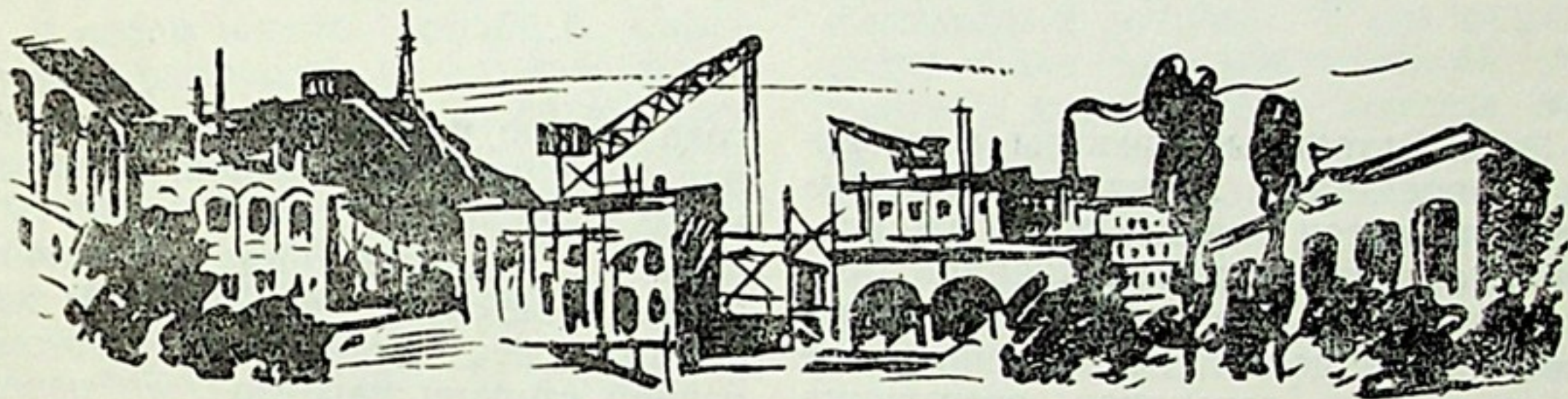
Амираан Тедович снова ¹⁹⁸⁰обводит глазами город.

— Вот она, моя жизнь, — говорит он маленькому Габро. — Ну, а теперь беги, фотографируй, помешал я тебе, — Амираан похлопал мальчишку по плечу. — Только что с этими фотографиями делать будешь?

— Мы большой альбом готовим во Дворце пионеров.

— Ну, тогда возьми и этот старый снимок проспекта Руставели, пусть смотрят и сравнивают. А ребятам скажи, что бригадир бетонщиков Амираан Жонжоладзе подарил им этот снимок на память...

Л. БРАЙЛОВСКАЯ.

НА ВКЛАДКАХ ЭТОГО НОМЕРА

Осенью текущего года трудящиеся Грузии будут отмечать 1500-летие столицы республики — Тбилиси.

В этом номере нашего журнала мы публикуем фотографии, на которых запечатлены уголки старого и нового Тбилиси.

На первой из них на фоне современного города четко вырисовываются развалины древней крепости — это башня Нарикала или Шурис-Цихе («Крепость зависти»). Тбилисская цитадель в письменных документах упоминается еще с IV в., то есть с момента возникновения города. Но она неоднократно разрушалась и вновь восстанавливалась. Развалины крепостной стены, уцелевшие до наших дней, в том числе и башня Нарикала относятся к XVII веку. К более древнему времени относится лишь небольшой участок северо-восточной части стены.

На другой вкладке изображен уголок старого Тбилиси в бывшем районе Петхаина. Узкая улочка, круто подымаясь в гору, ведет к старинной Петхаинской церкви. Петхаин, или Рабат, или Бетлеем — древнейшая часть города. Бетлеемская, или Петхаинская, церковь построена в XV веке.

Подобные уголки давно уже стали историческими для столицы Советской Грузии. С каждым годом украшается и молодеет древний Тбилиси. Вырастают новые дома, новые просторные и прямые улицы, возникают целые районы и благоустраиваются старые. Вот площадь имени Орджоникидзе в Сабуртало, где еще совсем недавно был унылый пустырь и кое-где виднелись ветхие домишки. Теперь здесь высятся светлые многоэтажные здания.

На четвертой фотографии — проспект им. Ильи Чавчавадзе в Ваке — районе, который в недалеком прошлом был такой же неприглядной окраиной города, как и Сабуртало.

Бесо Жгенти

„Цветение лозы“ Константинэ Гамсахурдиа

Знаменательным фактом в развитии современной грузинской литературы является значительное оживление в области художественной прозы. Этот факт тем отрадней, что на протяжении десяти послевоенных лет наблюдалось серьезное отставание грузинской прозы. Литературная критика и читатели справедливо упрекали наших писателей, ибо все эти годы широкое художественное полотно с изображением современных актуальных проблем нашей жизни было чрезвычайно редким явлением в грузинской литературе. Очень мало было произведений о нашем рабочем классе и колхозном крестьянстве, о нашей интеллигенции, о тех замечательных советских людях, которые своим повседневным самоотверженным трудом крепят мощь нашего хозяйства и умножают ценности нашей социалистической культуры. Положение, создавшееся в области художественной прозы, крайне ограничивало идейно-эстетическое воздействие нашей литературы, и, в конечном счете, снижало ее вклад в сокровищницу всей советской культуры.

Именно поэтому, повторяем, особенно отрадным кажется то обстоятельство, что за последние два-три

года вышло в свет несколько романов грузинских писателей, повествующих о жизни и борьбе советского народа, раскрывающих типичные черты советского человека. И хотя романы эти принадлежат авторам разной степени таланта и разных биографий, — а значит они весьма различны и по своей идейно-эстетической ценности, — все они показывают, что грузинская художественная проза выходит из существовавшего временного застоя, что она с новой силой овладевает темами советской действительности, что современность вновь занимает свое законное место в нашей беллетристике. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что в нашей художественной прозе все более решительно и последовательно сказывается стремление писателей отображать сегодняшнюю действительность с присущими ей конфликтами и противоречиями, без тех порочных тенденций к лакировке или голому критиканству, которые были способны лишь привести к искажению действительности и образов советских людей.

И сегодня, думается, мы имеем все основания для того, чтобы сказать, что грузинская беллетристика с ее замечательными традициями

стоит на пути нового творческого подъема. Доказательством этому служит роман К. Гамсахурдиа «Цветение лозы».

К. Гамсахурдиа — писатель чрезвычайно богатого и вместе с тем сложного творческого пути — последние двадцать лет работал преимущественно над историческими темами. В своих исторических романах он с большой художественной силой воскресил эпизоды из героического прошлого нашего народа. И необходимо отметить, что увлечение историческими темами не ограничило писателя; он видел не только историческое прошлое своего народа, но и его героическое настоящее, видел цели и устремления своей Родины. Новый роман К. Гамсахурдиа — «Цветение лозы» показывает, что исторические преобразования в жизни нашего народа не прошли мимо писателя, что они решительно сказались на дальнейшем развитии его творчества.

В своем новом романе К. Гамсахурдиа рассказал о важнейших социальных процессах в нашей сегодняшней жизни. Рисуя своих героев, жителей небольшой горной деревни Кахетии — Бермуха, К. Гамсахурдиа дал глубокий обобщенный образ грузинского крестьянства. Герои романа живут и действуют в самые напряженные для нашей Родины дни — накануне Великой Отечественной войны, в период войны и после нее, когда наш народ, еще более окрепший духовно, вновь отдался борьбе — борьбе за восстановление разрушенного хозяйства, за построение коммунистического общества. И пафос этой борьбы советского человека за еще более прекрасное будущее составляет основу романа, определяет характеры и судьбы персонажей, сюжетную композицию произведения, всю его поэтику.

Романом «Цветение лозы» К. Гамсахурдиа сделал важный шаг вперед по пути своего идейно-художественного развития. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить его новое произведение с романом «Похищение луны», написанным им четверть века назад. В «Похищении луны» писатель отобразил ту напряженную борьбу, которая шла в нашей стране за преобразование жизни многомиллионного советского крестьянства, за

ликвидацию в деревне феодально-буржуазных пережитков, за создание и укрепление колхозного строя. К. Гамсахурдиа сумел создать широкую панораму новой Грузии и на этом фоне показать борьбу двух противоположных миров, столкнувшихся не на жизнь, а на смерть. Писатель дал глубокий анализ борьбы старого и нового, с большой проникновенностью нарисовал образы, олицетворяющие эти два мира, и показал неизбежную закономерность жизни — гибель старого, отживающего, и утверждение нового.

Читатели и критика с большим интересом отнеслись к роману «Похищение луны». Но в то же время они во многом не соглашались с писателем. В частности, указывалось, что с большой художественной силой и убедительностью утверждая неизбежность гибели старого мира и его пережитков, писатель, вместе с тем, расставался с этим уходящим миром с некоторой печалью. В его книге не видно было того критического отношения к уходящему, которое столь естественно для советского человека вообще и для советского писателя в частности. Большие споры вызвал образ представителя нового мира — Арзакана Звамбая. Рисуя его с большой любовью, автор все же не смог создать образа, воплощающего в себе лучшие черты советской молодежи, образа, достойного подражания.

И вот сейчас, спустя четверть века, писатель, обогащенный большим творческим опытом, вновь обращается к важнейшим вопросам нашей жизни; темой, вновь вдохновившей его, становится тема той великой борьбы, которая постоянно идет между старым, отживающим, и новым. Романом «Цветение лозы» К. Гамсахурдиа еще раз показал не только свои большие художественные возможности, но и то, что для него, как для любого советского художника, не существует узкого, ограниченного круга только исторических тем.

Много общего между романами «Похищение луны» и «Цветение лозы». В обоих произведениях писатель акцентирует внимание читателя на борьбе двух противоположных миров, рисует образы их представи-

телей. Но «Цветение лозы» выгодно отличается от романа «Похищение луны» тем, что в нем автор уже не только сочувствует росту нового, но хорошо знает это новое.

Положительные персонажи «Цветения лозы» — Годердзи, Нуну, Цихистави, Вахтанг Коринтели, Суския и целый ряд других — своими идеями, своим трудом служат делу дальнейшего расцвета Советской Отчизны. Это люди, отличающиеся высокими моральными качествами, люди, которым следует подражать. Недаром писатель рисует эти образы с таким глубоким драматизмом, с таким темпераментом и проникновением. Весь роман согрет любовью к простому советскому человеку, строителю коммунизма. Она-то и составляет основной пафос произведения.

Роман «Цветение лозы» — это горячий призыв писателя любить то новое, которое доставалось советскому народу ценой огромных жертв, ценой обильно пролитой крови. И не только любить, но и жить, трудиться ради блага своей Родины. Это гимн творческому труду, труду, облагораживающему человека. Вся логика событий, разворачивающихся в романе, приводит к той мысли, что труд есть источник истинного счастья человека. «Поначалу было дело» — так названа одна из глав романа. А один из его персонажей — Вахтанг Коринтели, с большим уважением и любовью относясь к людям труда, говорит: «У этих тружеников, вероятно, спокойная и счастливая жизнь. Правда, жизнь их полна повседневными заботами, но труд — величайший фактор не только материального благосостояния человека. Труд — фундамент всякой порядочности и моральной чистоты... Тот, кто видит в работе одни лишь трудности, никогда не сможет постигнуть этой великой тайны жизни».

Положительные герои романа постигли «великую тайну жизни», и это определяет весь смысл и содержание их бытия, их трудов и помыслов.

Рисуя образы своих героев, те или иные социальные явления жизни, К. Гамсахурдиа не старался ограничить себя в изображении пережитков прошлого. Но вместе с тем он сумел нарисовать реальную картину

борьбы нашего народа с этими пережитками.

Если в «Похищении луны» у К. Гамсахурдиа проскальзывает своеобразная жалость к гибнущему старому миру, то в «Цветении лозы» такие герои, как Абрива, Канкре, Варвара, Церодена, Кетуа, олицетворяющие пережитки прошлого, нарисованы автором с той великой ненавистью, которую наш народ питает к темным силам старого мира. Здесь уже нет ни грана жалости к тем порочным людям, которые, несмотря на свое убожество и беспомощность, все же мешают нашему народу в его борьбе за счастливое будущее.

Разбирая новый роман К. Гамсахурдиа, еще раз убеждаешься в неограниченных возможностях метода социалистического реализма, видишь, что само представление наше о социалистическом реализме гораздо всестороннее и глубже, чем это хотелось представить всякого рода догматикам.

В советской литературе не существует одинаковых и обязательных для всех писателей форм решения тех или иных проблем. Этого и не могло быть, так как в нашей литературе работают писатели совершенно различных литературных вкусов, различных стилей и художественных талантов. Доказательство тому — роман «Цветение лозы» К. Гамсахурдиа, в котором мы находим пример удачного и своеобразного решения животрепещущих вопросов современности.

Положительные герои романа — Годердзи Эланидзе, Нуну Уджираули, Вахтанг Коринтели, Суския Миндели и другие — прошли большую и трудную школу жизни. Но в борьбе с трудностями они выходят победителями. И писателю удалось показать, что его герои побеждают благодаря своим высоким моральным качествам.

Обратимся к образу одного из главных героев романа — Годердзи Эланидзе, образу молодого крестьянина, рядового представителя колхозной деревни. Годердзи вместе с другими героями романа борется за превращение бесплодных земель Гвелети в цветущий виноградник. В тяжелые годы войны Годердзи, не щадя своей жизни, героически сражает-

ся на фронте. Раненый в боях, но окрепший духом, возвращается он в родное село. Вдохновенный труд Годердзи на полях Гвелети, его борьба, фронтовая жизнь и, в конечном счете, победа над всеми противоречиями и трудностями — это символ судьбы нашего народа, ценой огромных жертв и лишений добившегося победы как в строительстве социалистического общества, так и в борьбе с кровавыми полчищами фашизма.

Не менее привлекателен образ простой советской девушки Нуну Уджираули, верной подруги Годердзи. Ни тяжелые бытовые условия, в которых пришлось жить Нуну, ни долгое отсутствие горячо любимого Годердзи не смогли поколебать ее душевной чистоты и ясности.

Нельзя, однако, сказать, что все персонажи романа одинаково убедительно нарисованы писателем. Некоторые образы — даже чрезвычайно важные в идейно-эстетическом звучании романа — не лишены схематизма. Это относится, прежде всего, к образу секретаря райкома Цихистави. Цихистави действует в романе не как живое лицо, а лишь как вполне верное, правильное представление автора о хорошем партийном руководителе, который предан своему делу и своему народу.

Гораздо колоритнее написаны образы Сускии Миндели и Нико Мирянашвили. Значителен художественный образ Вахтанга Коринтели. В мыслях и думах Коринтели писатель часто выражает свое мировоззрение, свои идейные позиции.

Коринтели — представитель беспартийной интеллигенции, выходец из народной среды. В молодости ему не раз пришлось испытать на себе всю несправедливость дворянско-буржуазного общества, и лишь огромное личное упорство, упорный труд помогли ему выбраться на большую жизненную дорогу. Он получил образование за границей и вернулся на родину в звании профессора.

Коринтели, хорошо зная жизнь буржуазного Запада, полон ненависти к его лживой демократии, к современным империалистическим правителям; он горячо любит свою Родину, свой народ, все свои научные

знания и опыт он отдает тому, чтобы в Бермуха зацвела лоза.

У Коринтели сложная жизнь, которая переплетается в романе с явлениями большой общественной значимости.

Жизнь Коринтели, сына телавского крестьянина, с детства была связана с жизнью князя Вачнадзе, дочь которого — Медико он в юности пламенно любил. Но Вачнадзе эмигрировали в Париж, и там, под давлением вконец разорившейся семьи, Медико вышла замуж за богача, французского капиталиста Люсьена Шаркутье.

Командированный в Париж с научной целью, Коринтели встретил Медико, и между ними с новой силой разгорелось прежнее чувство. Медико ушла от мужа, а затем вместе с Коринтели вернулась на родину. Но здесь ее встретила жизнь, непонятная и чуждая ее дворянским привычкам и нравам. И вскоре полная противоположность взглядов вновь разъединила Коринтели и Медико.

Вахтанг полюбил другую женщину — Сускию Миндели. Душевная ясность, характеризующая этих двух людей, придает их чувству особую чистоту.

Искренней, возвышенной любовью связаны друг с другом и другие герои романа — Нуну Уджираули и Годердзи Эланидзе. Их чистая любовь и дружба также встретились с большими трудностями и противоречиями, но Нуну и Годердзи остаются вместе и продолжают борьбу за свое подлинное счастье. Образы этих двух героев олицетворяют в романе идею торжества высоких человеческих идеалов в социалистическом обществе.

Велик и критический пафос романа.

Показывая теневые стороны нашей действительности, рисуя порочных людей и их темные дела, автор говорит и о том вреде, который причиняют они советскому народу.

Вскрывая социальные корни этих явлений, К. Гамсахурдиа, вместе с тем, рисует и процесс ликвидации пережитков прошлого в советской действительности. В остро гротескной форме написан образ одного из отрицательных персонажей романа — Вары. Она полна ядовитой иронии, с нескрываемым животным

страхом и ненавистью относится ко всему новому, прогрессивному. Этот последний давно сгнившего дворянского общества выглядит столь убого и беспомощно, что иногда даже сомневаешься в ее вредоносности. Однако ж, не она ли сыграла роковую роль в личной жизни Вахтанга Коринтели, не она ли способствовала разрушению его семьи? Вот другой отрицательный персонаж романа — Абрия Уджираули. Абрия — отпрыск кулацкого сословия. Грубый, глупый, а сколько горя принес он хорошим людям! Не менее опасен и хулиган-шофер Канкре. Совершив множество преступлений, он, наконец, чуть было не погубил всю деревню...

К. Гамсахурдиа показал, откуда берутся эти люди, эти кетуи, маруи, абрии, которые пытаются отравить здоровую атмосферу нашей социалистической деревни. Писателю удалось нарисовать их образы с такой обличительной силой, что они невольно вызывают отвращение читателя, учат его бдительности, умению распознавать в таких людях носителей опасных пережитков прошлого, тормозящих наше движение вперед.

Следует особо отметить то многообразие художественных средств, к которым прибегает писатель. От напряженного драматического повествования он свободно переходит к форме гротеска, от картин, полных волнующего мужества, — к едкой иронии. Целые главы романа написаны с большим эмоциональным напряжением. В них даны волнующие, глубоко драматизированные картины. Нельзя без волнения читать, например, те страницы романа, которые посвящены описанию смерти Сускии, последнего дня жизни Вахтанга Коринтели, борьбы крестьян Бермуха с бесплодными землями Гвелети. То же самое можно сказать и о пейзажах, полных истинной поэзии. Пейзажу, кстати, автор отводит значительное место в романе.

К. Гамсахурдиа — писатель своеобразной художественной позиции. Выработав собственную манеру и стиль, он строго их придерживается.

К. Гамсахурдиа пишет стилем так называемой «поэтической прозы»; его не привлекают спокойное эпическое повествование и точное описа-

ние деталей. Многоответственные сюжетные линии его произведений движутся с неслабеющей динамикой и энергией.

Вызывает дискуссии манера писателя в построении речи своих героев. Он редко пользуется диалогом, авторская речь звучит не только при описании событий, но и в беседах самих героев романа. Поэтому в большинстве случаев речь героев Константина Гамсахурдиа не индивидуализирована. Так, в романе «Цветение лозы» речь профессора Коринтели, мельника Гулухаидзе и юноши — комсомольца Эланидзе почти неразличима. Схожа не только их лексика, но и построение фразы и даже интонация. Но надо отметить, что своих героев, лишенных индивидуальной речи, писатель наделяет столь своеобразными чертами внешнего облика и характера, что не только главные, но даже второстепенные, эпизодические персонажи романа надолго остаются в памяти читателя.

Специфические черты беллетристического таланта К. Гамсахурдиа, найдя яркое выражение и в романе «Цветение лозы», не только обусловили его большие достоинства, но и дали — это необходимо отметить — обильный материал для дискуссий.

Советский читатель не без основания предъявляет претензии к автору «Цветения лозы». И, в первую очередь, за то, что в этом просторном романе писатель уделил столь много внимания и места таким явлениям жизни, которые не характерны для нашей советской действительности и не служат раскрытию основного идейно-тематического содержания книги. Речь идет, конечно, не о каких-нибудь стандартных пропорциях и нормах, а о той бесспорной истине, что в романе, написанном на современную тему, главное место должно быть отведено явлениям жизни, характерным для нашего общественного строя, для нашей советской действительности.

И нужно сказать, что в этом смысле в романе «Цветение лозы» явно нарушены пропорции.

Описаниям истории семьи Вачнадзе, жизни и времяпрепровождению этой семьи в кафе и ресторанах Парижа, охоте на появившегося в Бер-

муха оленя, нападению на Нуну и расследованию этого дела, легендам о развалинах крепостей и дворцов Бермуха автор отводит слишком большое место. У писателя есть право на возвращение в прошлое, право реминисценции, но надо отметить, что К. Гамсахурдиа явно злоупотребил этим правом.

Не все части романа написаны одинаково ровно и с одинаковой художественной силой. Жизнь советского тыла в дни Великой Отечественной войны нарисована более ярко и убедительно, чем жизнь партизан и узников концентрационных лагерей.

Чем объяснить то обстоятельство, что жизнь грузинской деревни военных лет писатель смог показать ярче, чем борьбу партизан или фронтную жизнь нашего народа? Получилось это потому, что тот жизненный материал, те явления, с которыми писатель знаком хорошо, он передает сильно и ярко, описание же явлений, с которыми К. Гамсахурдиа знаком недостаточно, получается схематичным, поверхностным.

Вызывает дискуссии и вопрос о соотношении реальной действительности и фантазии писателя в реалистической литературе. Не отрицая права автора на вымысел, творческий метод советской литературы — социалистический реализм — предусматривает знание жизни писателем, проникновение в сущность явлений действительности, объяснение и обобщенное изображение этих явлений в литературе. Но писательская фантазия, писательская «выдумка» должны служить, конечно, более верному выражению реальной действительности и, конечно, ни в какой мере не должны противоречить жизненной правде.

В «Цветении лозы» мы встречаем целый ряд сюжетных мотивов, которые в этом отношении вызывают немало сомнений и возражений. Это относится, прежде всего, к такому проявлению писательской фантазии, которая не хочет считаться с требованиями художественной правды. А между тем, К. Гамсахурдиа не всегда заботится о том, чтобы осмыслить, психологически подготовить важные для сюжета и композиции романа ситуации.

Возьмем, к примеру, описание встречи Медико Вачнадзе и Вахтанга Коринтели. Писатель рассказывает, что, встретив в Париже Вахтанга Коринтели, Медико Вачнадзе сразу же решает покинуть своего богача-мужа. Надо полагать, что изнеженная, привыкшая к богатой и веселой жизни Медико страстно любила Вахтанга Коринтели, если ради него она столь решительно порывает с привычной беззаботной жизнью. Надо полагать также, что с неменьшей пылкостью любил ее и Вахтанг Коринтели. Но чем объяснить тогда ту поразительную быстроту, с которой исчезает, казавшаяся прежде столь сильной, любовь этих двух людей, завершившаяся в конце концов трагической катастрофой?

Возникает вопрос: что же собственно послужило причиной разрыва Вахтанга с Медико? Вероятно, та новая атмосфера, тот новый общественный строй, в который они попали по возвращении из-за границы, способствовали выявлению противоречий между этими двумя, по существу, совершенно различными людьми? Бесспорно. Но нельзя забывать и о том, что для художественного произведения недостаточно одного лишь замысла писателя. Если этот замысел не обоснован, поступки героев не мотивированы, то повествование лишается жизненной правды, теряет силу эмоционального воздействия.

Приведем еще один пример. Шофер Канкре, совершивший уже немало преступлений, перекрывает резервный канал гвелетской гидроэлектростанции. Вода хлынула на Бермуха и чуть было не затопила все село.

Председатель бермухского колхоза Таралашвили немедленно сообщил о случившемся секретарю райкома Цихистави. Получив телеграмму, Цихистави и Коринтели срочно выехали в Бермуха. Они увидели, что вода быстро подымается, грозя затопить село. Секретарь райкома и профессор, в сопровождении председателя сельсовета, с большим трудом доплыли до перекрытого шлюза, открыли доступ воде в канал и этим спасли село от гибели. Но дорого обошлась им эта героическая само-

Роман К. Гамсахурдиа проникнут светлым оптимизмом. Эта вера в будущее ясно выражена в заключительных строках романа.

Под вековым, гордо стоящим над Бермуха дубом собрался народ, чтобы отпраздновать возвращение с фронта и исцеление Годердзи Эланидзе. Приглашенные старейшим жителем деревни — дедом Микелой герои романа, пережившие грозные годы войны, поднимают первый тост за павших на полях сражений.

«Наконец Годердзи поднял чашу и сказал:

— Пью за нашу Родину, за наш народ. У меня еще осталось два пальца на правой руке и если пона-

добится, то и они смогут справиться с автоматом.

Дед Микела обеими руками подхватил маленького Микелу и поклялся зал его небесному светилу, радуясь так, будто он собственными глазами ощутил его свет.

Как обычно, шумел старый дуб, гордый и непреклонный, который вечно останется в моей памяти, как символ бессмертной и непокоренной души грузинского народа».

Этими словами завершает К. Гамсахурдиа «Цветение лозы» — роман, в котором он воспел этот бессмертный и непокоренный дух советского народа, дела и мысли советского человека.

Лавросий Каландадзе

Характеры и жизненные обстоятельства

...Образование он получил в Европе. Потомок древнего княжеского рода, побывавший во многих европейских городах, молодой, довольно энергичный, он тем не менее носил на себе печать социальной обреченности. Люди раздражали этого закоренелого индивидуалиста; трамвайные вагоны он называл клетками для обезьян; он и не понимал и не любил нового мира; его очаровывали старый языческий мир, романтика средневековья; людей он по каким-то неизменным биологическим признакам делил на породистых единиц и безродную толпу. У него не было никакой реальной опоры в новой жизни; не какое-либо чувство гражданского долга, а одна лишь прихоть беспокойной души направила его коня в бешеный Ингури. Зыбкий холодный свет луны, за который пытался схватиться уносимый водой всадник, как будто символизировал всю беспочвенность его жизненной концепции. Мутные волны сомкнулись над

ним — волны Ингури, дикие берега которого, со своими змеями, лягушками, старинными мельницами, только и были дороги его мятущейся душе.

Так завершилась жизнь главного героя романа Константинэ Гамсахурдиа «Похищение луны» Тараша Эмхвари. Это было время великого перелома — время осуществления коллективизации в деревне.

Прошли десятилетия и, в известной мере, в схожем трагическом финале проявилось совершенно другое содержание.

Перед нами как бы двойник преобразованного Тараша Эмхвари — профессор Вахтанг Коринтели. Биография Коринтели имеет много совпадений с биографией Эмхвари. Правда, Вахтанг Коринтели — не знатного происхождения, он сын крестьянина, но и он высшее образование получил в Париже, и ему довелось объездить многие страны Европы, Азии, Америки.

Профессору Коринтели — за сорок. Он уже немного устал от жизни. Его общие социально-философские взгляды, несмотря на элементы эклектизма, можно в основном назвать прогрессивно-гуманистическими. Он любит новый мир, верит в его будущее. Светлые идеалы, полную возможность осуществления которых он видит в нашей действительности, придают ему бодрость и силу. Именно любовь к народному делу и романтика строительства новой жизни движут им в благородном поступке: когда в результате вредительства прорвавшаяся внезапно вода грозила затопить все вокруг, — он переплыл поток и избавил деревню от наводнения. Сейчас мы не станем выяснять, насколько мотивирована в произведении необходимость этого самопожертвования, — нам важен тот факт, что герой пожертвовал собой во имя народного дела. Он погиб, но свет его патриотических стремлений как бы сияет в движении вперед нашей страны, в победе над фашистскими ордами, одержанной ценою неисчислимых жертв и страданий, в цветении лозы, разведенной на возвышенностях Бермуха и Арашенда-Гвелети.

Таков апофеоз трагической судьбы главного героя нового романа Константи́на Гамсахурдиа — «Цветение лозы».

Нетрудно заметить внешнее сходство между двумя вышеупомянутыми финалами, но в то же время коренное различие их содержания дает нам полное право утверждать, что в системе образов двух этих романов выявлены два различных идейных мира.

В основе «Похищения луны» лежит сознание, но горькое сознание, неизбежной гибели последних остатков феодально-аристократического и патриархального мира, и нет там светлой романтики, нет пафоса становления нового. В противоположность этому в «Цветении лозы» преобладает именно пафос победы над темными силами прошлого, пафос становления новых форм жизни. Если в «Похищении луны» чувствуется некий налет пессимизма и мизантропии, то в «Цветении лозы» есть дуновение свежего ветерка гуманизма и оптимизма. И это, несомненно, счастливый поворот в развитии большого

таланта. «Цветение лозы» свидетельствует о глубокой идейной эволюции Константи́на Гамсахурдиа.

Но было бы упрощением и ошибкой прямо переносить и механически распространять всякий сдвиг в мировоззрении писателя непосредственно на художественно-эстетическую сторону его творчества. Здесь мы имеем дело с довольно сложными, противоречивыми явлениями. Все творчество Константи́на Гамсахурдиа, в частности его «Цветение лозы», дает весьма богатый материал для постановки многих принципиальных вопросов, связанных с пониманием таких явлений.

Мы попытаемся поставить лишь некоторые из этих вопросов, в частности, вопрос о соответствии идейно-тематического содержания произведения и его художественно-эмоциональной структуры.

В художественном произведении определенное идейное содержание требует соответствующей эмоциональной среды, эмоциональной окраски всего жизненного материала. В противном случае мы несомненно будем иметь дело с нарушением художественного единства, со своеобразным разрывом формы и содержания.

В этом отношении интересную картину представляет художественно-эмоциональная структура романа Константи́на Гамсахурдиа «Цветение лозы».

Прежде чем приступить к рассмотрению этой структуры, считаю необходимым отметить, что, по моему мнению, вершиной творчества этого выдающегося писателя пока что остается его известный исторический роман — «Десница великого мастера». Может быть, в этом определенную роль играет тот факт, что в основе фабулы романа лежит замечательная, полная глубочайшего драматизма грузинская легенда («Отрубили десницу мне, зачем, мол, ты построил храм прекрасный»). Но главным условием художественной силы этого романа является единство его идейно-тематической концепции и художественно-эмоциональной структуры. Каждый персонаж, каждый герой романа находится в соответствующей ему естественной среде, в соответствующей ему эмоциональной атмосфере. Отсюда и эпическая монументальность романа, цельность и

Коринтели, как мы сказали, — человек передовой. Но его духовный мир, его человеческая сущность проявляются не столько в поступках, сколько в словах, многочисленных диалогах и монологах. Поэтому, по нашему мнению, этот образ носит некоторый оттенок резонерства (в еще большей мере такой упрек заслуживает образ секретаря райкома Цихистави). И об этом тем более приходится сожалеть, что сам Коринтели — страстный сторонник труда и действия. Ему принадлежат такие слова: «Величайшее счастье, которое провидение даровало человеку, — это труд»; «труд — фундамент всякой порядочности и моральной чистоты». Ему же принадлежит короткий внутренний монолог, характеризующий его настроение в момент, когда он видит избавление от личных страданий в любви к Родине: «Любовь к Родине — чистейшая фикция, если ее краеугольным камнем не будет дело... Поначалу было дело».

Образ Коринтели более всего раскрывается в его семейно-интимных отношениях. Здесь жизнь Коринтели характеризуется большим драматизмом и большей конкретностью. Описание же его заграничной жизни, о которой сам герой говорит: «Эх, устал я, мой Годердзи, шататься по чужим странам, жить в чужих городах», лишь усложняет композицию романа, а главное — вносит в него чуждый материал: жизнь буржуазно-аристократической прослойки и грузинских эмигрантов. По своему характеру это описание мало чем отличается от аналогичных описаний в «Похищении луны». Мы думаем, что привлечение подобного материала не только не способствовало раскрытию духовного мира основных героев «Цветения лозы», но даже несколько затруднило его.

Довольно сложные психологические комплексы содержит история первой любви Коринтели. Но посмотрим, насколько правдивое художественное разрешение получают они в романе.

Молодая красавица Медея Вачнадзе, переселившаяся с родителями в Париж, горячо любит друга своей юности — бедного студента Вахтанга Коринтели. Она отказывает многим просителям ее руки — миллионерам и

аристократам, противится воле родственников, но, наконец, все же выходит замуж за какого-то богача Шаркутье. Коринтели возвращается на родину. Проходят годы, и он снова оказывается в Париже, в научной командировке. Навещает Медею. А через несколько дней эта женщина покидает своего мужа-миллионера и едет за Коринтели в Грузию.

Возникает вопрос: чем подготовлен этот смелый шаг, означающий, по существу, разрыв с парижскими родственниками и близкими, с привычным образом жизни? Наверное, — приходится предположить, — раньше она не была подготовлена к такому разрыву, а то с самого же начала не позволила бы навязывать себе чужую волю и стала бы женой Коринтели. Следовательно, можно вновь лишь предположить, ибо в романе ничего и не говорится об этом, что Медея в итоге значительной внутренней эволюции духовно выросла, поняла трагизм своего положения в обществе парижских буржуа. Но в дальнейшем оказывается, что Медея была совершенно не подготовлена для такого шага. Она не порвала окончательно с миром Шаркутье, как не обнаружила и большой преданности своей первой любви. Оказалось, что достаточно было двух ядовитых слов, сказанных ей тетей Варой, чтобы разделить вчера еще любящих супругов непроходимой пропастью. Очевидно, писатель просто-напросто навязал Медею свою сюжетную схему. Вероятно, потому-то мы и не видим в этом образе человека сложной психологической и социальной судьбы, а сам образ не получил своего весомого художественного воплощения. Да и Коринтели слишком быстро становится равнодушным к этой женщине, его духовная драма вызвана не мучительным чувством потери любви, а страхом перед разрушением семейной жизни. Но как бы то ни было, разведясь с Медеей, Коринтели как будто порывает всякую связь со старым миром, а своей любовью к Сускии Миндели прочно закрепляет свою связь с новой жизнью.

Врач Суския Миндели — действительно один из самых светлых образов романа. Правда, ее биография, ее женские чувства по своему строю не совсем современные, но чувство граж-

данского долга, сознание ею полезности своей работы делают Сускию Миндели носительницей некоторых типических черт современной интеллигентки.

Среди основных характеров «Цветения лозы» своей сложной и драматической судьбой привлекают особое внимание Нуну Уджираули и Годердзи Эланидзе, которые, по замыслу автора романа, являются типичными представителями передовой грузинской колхозной молодежи. Писатель изображает их с любовью, вызывает к ним живой интерес и симпатии. Читателю нравится прямота и честность Годердзи Эланидзе — этого хорошего молодого грузина, его мужество, его преданность народному делу, геройство и самоотверженность, проявленные им во время Отечественной войны в боях за Родину. Не меньшую любовь и симпатию вызывает Нуну Уджираули с ее чистым моральным обликом, сознанием общественного долга и твердостью характера. Если сравнить Годердзи и Нуну («Цветение лозы») с Арзаканом и Дзабули («Похищение луны»), нельзя не увидеть, с одной стороны, как изменилось отношение самого писателя к современности, к новым людям, с другой стороны, — сдвига, который произошел в духовной биографии грузинской молодежи за десятилетия, разделяющие эти два романа. О характере этих изменений достаточно хорошо говорит хотя бы сопоставление таких фактов: если Арзакан Звамбая возвращается из своего экзотически-патриархального бегства с хурджином, наполненным мощами отца, довольно потрепанный в своем человеческом достоинстве, то Годердзи Эланидзе возвращается из огня Отечественной войны, хотя физически и тяжелым инвалидом, но с выросшим человеческим достоинством.

Все это хорошо, но все же и здесь хочется поспорить с автором по некоторым существенным вопросам. Дело в том, что тем благородным духовным качествам, тем человеческим страстям, из-за которых заслуживают наши симпатии Нуну, Годердзи и другие положительные персонажи, в романе все же недостает полноты, многосторонности, живости. И более того: читатель часто видит только

внешние очертания этих свойств, а не внутреннее их богатство и развитие.

Увлеченный колхозными делами, Годердзи не успел до войны закончить постройку собственного дома. Не сумел он выполнить своего заветного желания — жениться на Нуну и жить вместе с ней под одной крышей. Нам становится ясно, что Годердзи выше своих личных интересов ставит интересы общественные. Но в романе не видно, в чем реальность и красота этого возвышенного гражданского чувства, что оживляет и питает его. Остается лишь холодная схема, сухой, внешний рисунок чувств.

Писатель совершенно прав, называя себя летописцем человеческих страстей. Литература как человековедение не может иметь и не имеет другого предмета, кроме изображения человека, его чувств, его страстей. Но летопись пишется только о том, что имеет свое протяжение во времени и пространстве, свою историю, свое развитие. Ведь и человеческие страсти имеют весьма сложное развитие и историю. В противном случае не нужно было бы вообще писать или достаточно было бы только одной раз и навсегда написанной книги.

Духовным же стремлениям и страстям персонажей «Цветения лозы», в том числе самым благородным и возвышенным, недостает именно развития, истории, биографии. Они, эти страсти, почти всегда и в любой обстановке имеют одну и ту же суть, как будто ни движение времени, ни изменение обстановки не влияли на них. Поэтому-то наблюдательный глаз легко заметит, что человеческие страсти и эмоции, волнующие героев «Цветения лозы», в большинстве случаев являются лишь различными вариантами страстей и эмоций, присущих героям других произведений писателя. А это вносит в роман, по меньшей мере, некоторые несоответствия с художественной точки зрения, что в конечном счете вызывает нарушение правды и логики некоторых характеров романа. Так, например, активная и сознательная женщина, передовой бригадир колхоза Бермуха — Нуну Уджираули, слова которой с таким вниманием выслушивают сельские руководители, и с которой профессор беседует о вещах весьма серьезных, не может быть

столь патриархально-подавленной и беспомощной в семейных отношениях, как ее показывает нам автор. С другой стороны, в наше время даже тысячи коварных мачех не решились бы привести какого-то дрянного жениха для такой активной и передовой девушки-колхозницы, как Нуну, и не могли бы задумать ее замужество без ее же ведома, как это просто решает в романе Кетуа. Нам кажется, что здесь автору изменяет чувство реальности. Непонятны и, следовательно, неубедительны и метаморфозы некоторых характеров. В начале нашего знакомства с мельником Ниортава — это духовно падший, выдохшийся человек. Он связан с хулиганами. Себя Ниортава характеризует следующим образом: «Так крепко заклеимило меня старое время, что я превратился в летучую мышь и поселился на крепостной мельнице». С начала Отечественной войны эта «летучая мышь» безо всякой психологической мотивировки превращается в самоотверженного и высокочестного советского патриота. Роман ничего не сообщает нам о том, какие внутренние или внешние факторы вызвали это внезапное преобразование.

По моему мнению, самый цельный и колоритный образ романа — это несколько старомодный, но хороший, правдивый интеллигент Нико Мирианшвили.

В «Цветении лозы» силен пафос разоблачения порочных, злых, антиобщественных элементов. Несомненная сила отрицания чувствуется в художественных образах таких персонажей, как бывший кулак Абриа Уджираули, хулиган и преступник шофер Канкре, аморальная и пустая Кетуа, городские спекулянты Коберидзе и Ушверидзе, вредитель Цероденашвили и другие.

В настоящее время мы не ставим себе целью давать всесторонний анализ всех характеров романа. Скажем только, что из отрицательных персонажей некоторые явно анахроничны. Бывший кулак Абриа Уджираули по своей психологии и поступкам скорее принадлежит двадцатым, чем сороковым годам. Образ тети Вары по существу — один из вариантов всех тех ипохондрических княгинь, ко-

торые встречаются и в других произведениях Константиэ Гамсахурдиа. Не думается, чтобы этот образ участвовал в создании типически верного окружения главных героев романа. В то же время нельзя не удивиться тому, что словам дряхлой княгини, напичканной реакционными взглядами и представлениями, в романе придается такая сила, какой они в действительности не могли иметь. Совершенно излишен тут нажим авторского пера.

При чтении романа иногда кажется, что автор разделяет следующую реплику Вары: «Ничто так не скучно в этом мире, как беседа, которая не содержит парадоксов и противоречий». Но если бы даже мы и следовали вкусу этой старой княгини, рассказ о том, как встреча с писателем заставила заговорить немого человека, не показался бы нам более убедительным.

Тяга писателя к необычному понятна, поскольку одной из основ его эстетической концепции является положение о том, что «в самой природе человека заложено желание не только выдумывать, но и слушать необычные рассказы». Но если такой рассказ не соответствует действительности, то нарушается художественная правда, то есть художник отходит от реализма.

Роман «Цветение лозы», несомненно, значительное произведение. Оно, как мы уже говорили, заслуживает внимания и в том отношении, что дает огромный материал для постановки некоторых существенных проблем художественного творчества, обсуждение которых необходимо продолжить.

Некоторые несоответствия между идейно-тематическим содержанием романа и его художественно-эмоциональной структурой, по моему мнению, вызваны тем, что область художественного наблюдения писателя несколько ограничена определенным кругом человеческих страстей и эмоций. Прорыв или расширение этого круга несомненно дало бы этому большому таланту возможность еще глубже заглянуть в духовную жизнь современников и создать более правдивую и увлекательную летопись их жизни и стремлений.

Еще теснее наши литературные связи!

Истоки литературных связей азербайджанского и грузинского народов уходят в далекое прошлое. Совместная борьба против иноземных захватчиков, завершившаяся присоединением Азербайджана и Грузии к России в начале XIX века, борьба за установление Советской власти в Закавказье еще больше сблизили оба народа, и, в конечном итоге, навсегда соединили их братскими узами. Большую, памятную историю имеют и литературные связи Грузии и Азербайджана. Уже в начале XII века поэт-гуманист Низами Ганджеви в своей знаменитой поэме «Искендер-намэ» писал о Грузии как о «прекрасной земле, подобной раю», описывал Тифлис как один из величественных и красивых городов того времени. Прекрасный знаток литературы и культуры древнего Востока великий грузинский поэт Шота Руставели в поэме «Витязь в тигровой шкуре» упоминает имена героев поэмы Низами «Лейли и Меджнун». В произве-

дениях известного ашуга Саят-Нова (1712—95 гг.), творившего на грузинском, азербайджанском и армянском языках, описывается тяжелая судьба всех народов Закавказья.

Значительные заслуги в укреплении литературных связей Азербайджана и Грузии принадлежат писателям XIX века. Здесь, прежде всего, следует назвать крупнейшего писателя, философа-материалиста, выдающегося общественного деятеля, основоположника азербайджанского театра и драматургии Мирза Фатали Ахундова и создателя новой грузинской драмы, основателя нового грузинского театра — поэта и драматурга Георгия Эристави.

В своей официальной докладной записке на имя кавказского наместника М. Ф. Ахундов с гордостью указывал:

«Появление в свет драматических сочинений на восточных языках (грузинском и татарском) является невиданным событием в письменной

истории этих языков со времени сотворения мира. Здесь честь первенства принадлежит достойному похвал Георгию Эристави. Не имея права похвалиться достоинством своих сочинений, я горжусь тем, что честь первого создателя комедии среди мусульман пала на меня».

А. Церетели, переведя в прошлом веке на грузинский язык комедию М. Ф. Ахундова «Визирь Ленкоранского ханства», писал по этому поводу:

«Вступивший на литературную арену вместе с классиком грузинской драматургии Георгием Эристави, Ахундов проявил большой талант в своем творчестве. Жизнь азербайджанского народа, как в зеркале, отражена в его талантливых пьесах. В них нет пустых слов и пышных фраз. Для того, чтобы мы — грузины лучше изучили этого писателя, а также жизнь наших соседей — тюрков (азербайджанцев — Б. Н.), я перевел на грузинский язык пьесу «Визирь Ленкоранского ханства».

В те годы, когда Ахундов жил в Тифлисе, Николоз Бараташвили, будучи в Азербайджане, посещал Нахичеванскую и Ганджинскую области, знакомился с жизнью и бытом азербайджанского народа.

Тифлис стал второй родиной не только Мирза Фатали Ахундова и редактора революционно-демократического журнала «Молла Насреддин» Джалила Мамед-Кули-Заде. Здесь в XIX—XX веках творил целый ряд видных азербайджанских писателей. Народный поэт Азербайджана Вагиф, а также Аббас-Кули-Ага Бакиханов и многие другие азербайджанские поэты чудесные страницы своих сочинений посвятили воспеванию красоты Тифлиса и Грузии.

Уже в первые годы Советской власти у видных представителей азербайджанской советской литературы появилось стремление показать героический образ мужественных сынов Грузии, боровшихся за освобождение своей страны от иноземных поработителей, от гнета царского самодержавия, капиталистов и помещиков. Таковы пьесы народного поэта Самеда Вургуня «Вагиф» и «Ханлар», таков роман прозаика

Мехти Гусейна «Дашгын», в котором нарисован образ грузина Сулава. В романе «Дашгын» рассказано о дружбе грузина Сулава и азербайджанца Амраха, дружбе, рожденной в дни боев за установление Советской власти. Амрах так говорит о своем товарище: «Смотри, этот мужик наш друг... То, что он говорит, нам на пользу... Бедняк остается бедняком, будь он азербайджанцем или грузином.. Мы обязаны пойти в наши села, слиться там с нашими братьями и создать правительство бедняков... Если между нами будет спайка, то никакая сволочь не сможет осилить нас».

Тепло нарисован образ Шалико в пьесе «Вагиф». Шалико высоко ценит крепнущую дружбу азербайджанского и грузинского народов. Он уверен, что она поможет народам добиться освобождения от иноземных захватчиков.

* * *

В истории укрепления литературных связей между Грузией и Азербайджаном значительную роль сыграли переводы художественных произведений. Поэты Сулейман Рустам и Мамед Рагим почти 20 лет тому назад вместе с народным поэтом Самедом Вургуном перевели на азербайджанский язык поэму Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре». В Азербайджане вышла книга, знакомящая читателя с творчеством классиков грузинской литературы Д. Гурамишвили, Н. Бараташвили, И. Чавчавадзе, А. Церетели и других. Ряд книг содержит переводы произведений грузинских советских писателей Л. Киачели, Г. Леонидзе, И. Абашидзе и др. Азербайджанские поэты и прозаики, такие, как Р. Рза, С. Рустам, О. Сарывелли, М. Рагим, М. Рзагулузаде, А. Джамил, Ю. Азим-заде, Н. Бабаев, Б. Касымзаде и другие с большой любовью работали над тем, чтобы донести красоту грузинского стиха и прозы до азербайджанского читателя.

Мы с признательностью наблюдаем, что и в Грузии читателям предоставлена возможность познакомиться на родном языке с классической и современной азербайджанской литературой. Здесь на грузинский язык

переведены произведения Низами, Хагани, Вагифа, М. Ф. Ахундова, Дж. Мамед-Кули-Заде, С. С. Ахундова, С. Вургуна, М. Ибрагимова, С. Рагимова, М. Гусейна, Мир Джалала, И. Эфендиева, Э. Мамедханлы и других.

Однако это не дает нам основания для успокоения. С переводами у нас еще не все благополучно. Так, например, нельзя считать правильным, когда перевод с азербайджанского языка на грузинский и наоборот осуществляется при помощи перевода того или иного произведения сначала на русский язык. Нет надобности доказывать, что качество таких переводов намного ниже переводов, осуществляемых непосредственно с одного языка на другой. Особенно ощутимо это в поэзии.

Пора Союзу писателей Азербайджана направить в Грузию в творческую командировку на длительное время с целью глубокого изучения грузинского языка хотя бы двух талантливых поэтов — А. Асланова и Т. Эйюбова, плодотворно работающих в последние годы в области перевода. Было бы целесообразно, как нам кажется, если бы то же сделал Союз писателей Грузии. Наличие опытных переводчиков даст возможность повысить качество переводов.

Следует подумать и о переиздании ранее выпущенных книг. К примеру, поэму Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре», изданную на азербайджанском языке 20 лет тому назад, сейчас очень трудно раздобыть в библиотеках, так как произведение это в Азербайджане пользуется большой популярностью. Следует также учесть, что старый латинский алфавит делает прежнее издание книги недоступным для молодежи.

Подумать о переиздании ранее переведенных с азербайджанского языка книг должны и грузинские издательства. Можно ли без труда разыскать в библиотеках Грузии такое известное произведение Низами Ганджеви, как «Хамсэ», состоящее из пяти поэм: «Сокровищница тайн», «Хосров и Ширин», «Лейли и Меджнун», «Семь красавиц», «Искендернамэ»? По-видимому, нельзя.

Переиздание бессмертных творений гениальных поэтов грузинского

и азербайджанского народов является неотложной задачей.

Писатели Азербайджана и Грузии не должны ограничиваться посещением братских республик лишь при проведении того или другого праздника. Желательно, чтобы деятели литературы чаще бывали на промышленных предприятиях, новостройках, в передовых колхозах. Это даст им возможность лучше изучить людей, собрать ценные материалы для своих произведений. Тогда и в Грузии и в Азербайджане появится больше книг, рассказывающих о социалистическом соревновании, развернувшимся между металлургами Рустави и Сумгаита, о крепнущей с каждым днем дружбе рабочих и колхозников братских республик, о взаимной помощи, которую они оказывают друг другу в борьбе за решение задач, поставленных Коммунистической партией.

Следовало бы, думается, союзам писателей обеих республик включить в свои планы такие формы творческой работы, как объявление конкурсов на художественные произведения по вышеупомянутым темам, проведение в Рустави и Сумгаите объединенных читательских конференций, на которых обсуждались бы произведения азербайджанских и грузинских писателей.

Большую пользу могли бы принести и конкурсы на лучшие переводы. Причем, результаты конкурсов следует обсуждать в соответствующих творческих секциях союзов писателей.

Нужно позаботиться и о том, чтобы в Баку, на сцене Азербайджанского драматического театра были показаны лучшие пьесы грузинских драматургов, а в одном из грузинских драматических театров пошла произведения азербайджанских авторов.

В прошлые годы газета «Литература и искусство» (орган Союза писателей Азербайджана) посвящала страницы, а иногда и целые номера литературе народов братских республик. Почему-то теперь она не продолжает эту прекрасную традицию. Не делают этого и литературная газета Грузии, журналы «Литературный Азербайджан» и «Литературная Грузия». И напрасно. Ведь вза-

имный обмен помог бы популяризации произведений литературы народов обеих республик.

Наши филологи разработали немало интересных тем о литературных связях Грузии и Азербайджана. По сей день играют важную роль в укреплении дружеских связей двух народов труды действительного члена Академии наук Грузинской ССР К. Кекелидзе «Руставели и Низами Ганджеви», «Низами Ганджеви и Грузия», исследования профессора Гамид Араслы «Идея дружбы народов в творениях Низами и Руставели», профессора А. Барамидзе «Низами и грузинская литература», статьи поэта-академика Иосифа Гришашвили, посвященные Мирза Фатали Ахундову и Акакию Церетели, работа на тему «Литературные связи Грузии и Азербайджана», написанная научным сотрудником Института языка и литературы имени Низами Академии наук Азербайджанской ССР Диларой Алиевой. Большое место уделено грузинской литературе в книге доцента Азербай-

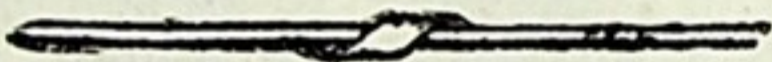
джанского государственного университета имени С. М. Кирова Панаха Халилова «Литература народов СССР». Однако всего этого еще недостаточно — нужны новые полноценные исследования, всесторонне отображающие процесс дальнейшего укрепления литературно-культурных связей в XX веке, особенно в советский период.

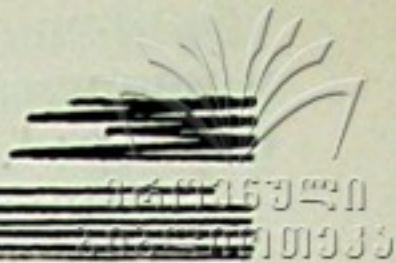
* * *

С давних пор живут на родной кавказской земле народы Азербайджана и Грузии, живут, как дружные соседи. За годы Советской власти эта дружба переросла в подлинное братство. Сроднились и литературы двух народов.

Почетный долг азербайджанских и грузинских писателей — своими произведениями, а также мастерски исполненными переводами способствовать дальнейшему укреплению этой дружбы, этого братства.

Баку.

М. Траскунов

Дмитрий Фурманов в Тбилиси

Я не понимаю, как можно жить без того, чтобы каждодневно боевым ли действием или словом не помогать в строительстве нового мира.

Д. Фурманов.

Нелегко найти биографию, которая лучше выражала бы черты своей эпохи, запечатлевала ее свершения, величие и героизм, чем биография большевика, бойца, писателя Дмитрия Андреевича Фурманова. Его жизнь, до последнего дыхания отданная служению народу и борьбе за коммунизм, неразрывно связана со становлением Советской власти, созданием Красной Армии, рождением советской литературы. Комиссар легендарной чапаевской дивизии, он был одним из строителей наших Вооруженных Сил, носителем духа партии, ее дисциплины, твердости и мужества. В его деятельности нашли свое воплощение лучшие черты политработника, воина-коммуниста.

Имя замечательного писателя-большевика Дмитрия Фурманова связано в сознании нашего народа с его произведениями — «Чапаев», «Мятеж», «Красный десант». В них правдиво и с большим художественным мастерством раскрыт благородный духовный облик простых советских людей, героев гражданской войны.

Но Фурманов был не только одним из крупнейших советских писателей и выдающихся политических работников Красной Армии. Он был и талантливым публицистом, одним из организаторов советской, и в особенности красноармейской прессы. Боец партии, он всю свою кипучую энергию, блестящие организаторские способности, литературное дарование отдавал пропаганде руководящей и направляющей роли партии, огромной воодушевляющей и организующей роли коммунистов в армии. «Случаи самопожертвования и героизма знают все армии, многие сражения, — писал он, — но лишь коммунисты — герои настоящие, светлые, сознательные. Они идут и умирают не из удали, не по горячке, не из жажды славы, они гибнут за идею... Их героизм вытекает с неизбежностью из глубокого

убеждения в правоте своего дела; они тверды и мужественны, пламенны и решительны; они стойки и спокойны, ибо сознательно вступили в борьбу»¹.

Фурманова-комиссара нельзя было отделить от Фурманова-редактора, как и от Фурманова-писателя. Всюду, куда посылала его партия, он был воинствующим большевиком, всей душой отдавался работе. «Он был одним и тем же, — писал А. Серафимович, — и в партийной работе, и в бою, и с пером в руке за писательским столом. Один и тот же: революционный боец, революционный строитель, одинаково неподдающийся и одинаково гибкий»².

Дмитрий Фурманов высоко ценил роль партийной печати, как неотъемлемой части духовной жизни народа и Красной Армии. Во всей своей многогранной политической и редакторской работе он показывал пример глубокого уважения к печатному слову, стремления максимально использовать его силу для воспитания масс. Автор «Чапаева» прошел школу армейских газет, в которой вместе с ним начинали свою литературную деятельность Л. Леонов, П. Павленко, Б. Лавренев, А. Малышкин и другие. Личный опыт журналиста и редактора обогатил творчество Фурманова, способствовал актуальности его произведений. Публицистика Фурманова оказала значительное влияние на формирование его литературно-эстетических взглядов и повышение художественного мастерства.

В этой связи представляет значительный интерес редакторская деятельность Д. А. Фурманова в Тбилиси в 1921 году. Непродолжительная по времени (всего полтора месяца), она, вместе с тем, исключительно богата по своему содержанию, представляя собой образец борьбы за большевистскую партийность в военной прессе, за ее теснейшую связь с массами.

* * *

Дмитрий Андреевич Фурманов приехал в Тбилиси вскоре после установления в Грузии Советской власти, в конце марта 1921 года. Он был переведен сюда из Краснодара, где работал начальником политотдела IX армии. Фурманов был назначен начальником редакционно-издательского отдела политотдела XI армии. Одновременно на него было возложено редактирование одной из старейших и лучших в то время красноармейских газет «Красный воин» (ныне газета ЗакВО «Ленинское знамя»), организатором и руководителем которой являлся С. М. Киров. Вместе с Красной Армией Дмитрий Фурманов пришел на помощь народам Закавказья в их борьбе за упрочение молодой Советской власти.

Перед отъездом на Кавказ Фурманов побывал в Москве. Он присутствовал на X съезде партии, внимательно слушал выступления В. И. Ленина о единстве партии и о новой экономической политике. Вместе со своим другом и наставником М. В. Фрунзе Фурманов был также делегатом VIII съезда Советов, участвовал в обсуждении ленинского плана ГОЭЛРО. Фурманов приехал в Грузию полный творческих планов, стремления помочь воспитанию воинов в духе новых требований партии. Уезжая из Москвы, Дмитрий Андреевич писал в своем дневнике: «Было огромное желание поработать на поприще литературном. Там, на Кавказе, возможно, буду работать в газете. Все мне советуют обратить внимание на свой литературный дар и принять все меры к его развитию и выявлению вовне. Да и я сам так думаю»³.

Вся деятельность Д. А. Фурманова на посту редактора газеты «Красный воин» была направлена на осуществление ленинских принципов строи-

¹ А. Бережной. «Фурманов-журналист». Ленинград, 1955 г., стр. 98—99.

² Н. Городецкая. «Дмитрий Андреевич Фурманов». Москва, 1955 г., стр. 5.

³ Архив Д. А. Фурманова. Институт мировой литературы имени А. М. Горького. П. 62.840 (в дальнейшем выдержки из архивного материала даются без шифра; указано: архив Д. А. Фурманова).

тельства партийно-советской печати как коллективного агитатора, пропагандиста и организатора масс, на широкое привлечение к участию в работе газеты красноармейцев, командиров и политработников и повышение ее роли в деле политического, военного и культурного воспитания воинов.

Редакторская деятельность Фурманова в Тбилиси началась в период, когда Советская страна разгромила своих многочисленных врагов и, разоренная четырехлетней гражданской войной и иностранной военной интервенцией, стала переходить на рельсы мирного хозяйственного строительства. В Закавказье еще продолжалась борьба за полную ликвидацию контрреволюционных мятежей: герои гражданской войны Александр Иванович Тодорский, Михаил Дмитриевич Великанов, Иван Андреевич Свиридов под руководством члена Реввоенсовета республики и XI армии Александра Федоровича Мясникяна вели свои полки вместе с полками Красной Армии Армении на освобождение Зангезура — последнего оплота контрреволюции в Закавказье. Прославленные военачальники Красной Армии Дмитрий Петрович Жлоба и Николай Владимирович Куйбышев в содружестве с революционными повстанцами завершали очищение Батумской области от турецких захватчиков.

Всеми действиями XI армии и борьбой трудящихся Закавказья за освобождение от ига иностранных интервентов и буржуазно-националистической контрреволюции руководил член Реввоенсовета Кавказского фронта, председатель Кавказского бюро ЦК РКП(б) Серго Орджоникидзе. Выполняя указания В. И. Ленина и И. В. Сталина, коммунисты, трудящиеся Грузии делали первые шаги по пути ликвидации тяжелого наследия меньшевистского господства. Они преодолевали разруху и голод, восстанавливали и укрепляли братские связи между народами Закавказья, закладывали основы нового общественного строя.

Фурманов быстро разобрался в обстановке, сложившейся тогда в Грузии. Он приехал в Тбилиси закаленным в боях, политически зрелым, стойким и убежденным коммунистом, который блестяще владел умением, как он учил этому других, «все мелкие и частные вопросы преломить через призму коммунистического учения». Он обладал уже немалым опытом работы в армейской и гражданской печати, опытом публицистической деятельности. Еще в IX армии он требовал от армейской газеты: «прекратить печатание в «Красном знамени» длинных интеллигентских статей, трудно усваиваемых массовым читателем. Из телеграмм помещать лишь те, которые сообщают о событиях выдающейся важности... Помещать чаще бытовые картинки, юмористические рассказы, фельетоны и прочий материал, безусловно оживляющий газету. В этих целях использовать свежий материал Д. Бедного и других пролетарских поэтов»¹.

Фурманов стремился, чтобы газета глубоко и всесторонне освещала жизнь армии.

Комиссар чапаевской дивизии хорошо понимал значение пламенного большевистского слова, его огромное влияние на бойцов. Он умел разговаривать с людьми, писать им как-то особенно просто, ярко и доходчиво, глубоко проникать в их сердца, повышая их сознательность, поднимая на большие дела.

Газета «Красный воин» под руководством Фурманова была неутомимым пропагандистом идей пролетарского интернационализма и дружбы народов. Она деятельно помогала командирам и политработникам воспитывать воинов в духе глубокого уважения к национальным чаяниям, особенностям и традициям народов Закавказья, разъясняла им, что Красная Армия пришла сюда по призыву восставших рабочих и крестьян как защитница великих идей свободы, равноправия и братства народов.

Всю работу редакции Дмитрий Фурманов направлял на осуществление исторических указаний В. И. Ленина в его известных письмах к Г. К. Орджоникидзе и к «Товарищам-коммунистам Азербайджана, Грузии, Ар-

¹ Журнал «Спутник коммуниста» (орган Политотдела IX армии), Краснодар, 1920 г., № 5.

мении, Дагестана, Горской республики» от 2 марта и 14 апреля 1921 года.

Будучи уполномоченным Реввоенсовета в Туркестане, Фурманов накопил значительный опыт борьбы за претворение в жизнь ленинской национальной политики партии. В обращении газеты «Красный воин» к читателям говорилось:

«В основу агитации нашей газеты должен быть положен тон разъясняющий, почему мы, имеющие силу в руках, не действуем здесь так, как мы действуем в Советской России. Тон газеты по отношению к фактам, которые наблюдаются в Грузии, должен быть более объективным, спокойным, расценивающим. Политика Грузинской Советской власти и политика нашей газеты должны учитывать реальную обстановку и не идти вразрез с политикой центра. Как члены партии, мы все должны бить в одну точку и защищать Советскую власть в Грузии...»¹. Это полностью соответствовало директиве В. И. Ленина Реввоенсовету XI армии: «установить полный контакт с Ревкомом Грузии... относиться с особым уважением к суверенным органам Грузии»².

Вопреки меньшевистским «пророчествам» трудящиеся Грузии встречали воинов Красной Армии как верных друзей и братьев. Между красноармейцами и населением установились и крепились дружба и взаимопомощь. Участие воинов в жизни народов Закавказья освещалось в постоянном отделе газеты «Красный воин» — «Красная Армия и население».

В информации «Не словом, а делом», напечатанной в «Красном воине» 4 мая 1921 года, рассказывалось, как красноармейцы XI армии помогают крестьянам Грузии в сельскохозяйственных работах. Придавая большое значение делу укрепления связи воинов с населением, Фурманов посвятил этому вопросу специальную статью «Участие армии в трудовых процессах», опубликованную в брошюре «VIII съезд Советов и Красная Армия» (1921 год).

Газета пропагандировала и другие формы сближения военных организаций с гражданскими — участие военных и политических работников в деятельности ревкомов, местных партийных и комсомольских организаций, совпрофов, наробразов. «Красный воин» призывал красноармейцев идти на сельскохозяйственные курсы, организованные в Тбилиси. Армейская печать систематически освещала ход формирования грузинских национальных частей, создаваемых по указанию В. И. Ленина и И. В. Сталина.

Будучи редактором, Фурманов не упускал из поля зрения ни одной мелочи редакционной жизни. Каждый номер он с начала до конца просматривал в рукописях, в гранках и в полосах, заботясь о ясности, краткости, точности изложения, о выборе шрифтов, верстке, правке корректуры. В статьях и корреспонденциях он искал прежде всего живую и свежую мысль, яркое слово, искорку таланта, интересные, поучительные факты. «Не только вредного, но и мало полезного материала не помещайте»³, — говорил Фурманов сотрудникам газеты.

До прихода Фурманова в газету ее основным недостатком была слабая связь с красноармейскими массами. Авторами большинства статей и корреспонденций являлись редакционные работники.

«Тов. Фурманов проводит ряд организационных мероприятий по укреплению связей газеты с массами. По его инициативе в 1921 году созывается первое в Красной Армии совещание военных корреспондентов... Это совещание военкоров имело чрезвычайно большое значение для улучшения работы «Красного воина» и дальнейшего развития военкоровского движения. Опираясь на своих военных корреспондентов, газета стала еще

¹ Газета «Красный воин», 24 апреля 1921 г.

² В. И. Ленин. Сочинения, т. 35, стр. 408.

³ Архив Д. А. Фурманова.

более близка массам. Ее тираж уже не мог удовлетворить с каждым днем растущий спрос читателей»¹.

Совещание помогло выявить многих талантливых военкоров, выросших впоследствии в крупных писателей и журналистов. Активным военкором «Красного воина» был П. А. Павленко. Связь с редакцией поддерживал И. Бабель.

Поток красноармейских писем оживил страницы газеты, сделал ее статьи и корреспонденции более злободневными, конкретными, яркими и содержательными.

Фурманов сам с большой любовью и тщательностью редактировал военкорские статьи и заметки, всячески заботясь о сохранении индивидуальных особенностей стиля автора и требовал того же от сотрудников редакции.

По инициативе Фурманова в газете был создан «Уголок малограмотного», существовавший длительное время и сыгравший большую роль в обучении и воспитании малограмотных красноармейцев. Все заметки в нем печатались крупными буквами. Первый «Уголок малограмотного» открывался стихотворением Демьяна Бедного «Не забывайте неграмотных братьев».

В дневниках Фурманова сохранились записи, дающие представление о разработанной им программе «Красного воина». Стремясь полнее удовлетворить интересы красноармейского читателя, редакция публиковала материалы самого широкого профиля — военные, пропагандистские, естественно-научные, литературные; Фурманов организовал в газете ряд новых отделов и рубрик: «Уголок коммуниста», «Памяти борцов революции», «Уголок искусства», «Страничка санитарного просвещения», «В Советской Грузии» и другие.

Большое значение придавалось редакцией оформлению газеты. Из-за нехватки бумаги и шрифтов «Красный воин» часто выходил на двух полосах, на желтой и коричневой оберточной бумаге. Однако материал на полосах размещался строго продуманно, «слепая верстка» не допускалась. В «Красном воине» стали чаще появляться материалы различных газетных жанров — фельетоны, сатирические зарисовки, рецензии, стихи.

✓ Редакторская работа в «Красном воине» сыграла важную роль в формировании Фурманова как писателя. Обязанности редактора, требующие умения анализировать и оценивать произведения других авторов, развивали в нем критические способности, учили бережному отношению к языку, помогали вырабатывать свой стиль. Дневники Фурманова, составленные во время работы в газете, послужили важным источником для последующих художественных произведений, литературно-критических статей писателя. В газете он проверял свои писательские способности, обретал уверенность в себе.

Большим размахом и зрелостью характеризовались творческая и организаторская деятельность Фурманова, его работа с людьми. Она нашла признание не только у читателей, но была отмечена и Реввоенсоветом СССР. В «Почетной Грамоте» Реввоенсовета Союза ССР, подписанной Климентом Ефремовичем Ворошиловым, врученной газете «Красный воин», было отмечено, что эта, одна из старейших красноармейских газет, начавшая свой путь в Астрахани в сентябре 1918 года, в марте 1921 года под руководством своего редактора товарища Д. А. Фурманова провела первое в Красной Армии совещание военкоров. «Почетное звание красноармейской газеты, — говорилось в «Грамоте», — «Красный воин» нес высоко, ибо он всегда был там, где шли бои, всегда с красноармейской массой, продвигаясь вместе с ней и выдвигая свои походные издания на передовые позиции. И масса знала свою, связанную с ней, делившую ее боевой путь, газету»².

¹ «Боевой путь газеты» (справка). К 30-летию газеты «Ленинское знамя». Издание Политуправления ЗакВО, 1948 г., стр. 7.

² Н. Городецкая. «Дмитрий Андреевич Фурманов». Москва, 1955 г., стр. 38.

Наряду с обширной организаторской работой в красноармейской печати Фурманов никогда не расставался с пером военного журналиста, оставил большое публицистическое наследие. В своих статьях, очерках, рецензиях он страстно пропагандировал идеи партии. Его публицистическая деятельность была направлена на воспитание непримиримой ненависти к врагам социалистической России, на упрочение Советской власти. Чувством любви и восхищения были проникнуты его высказывания о советских людях, героях войны, тружениках тыла, вынесших на своих плечах все тяготы гражданской войны и восстановления народного хозяйства.

Фурманов часто выступал в печати по вопросам международного положения. Он умело пользовался каждым событием за рубежом и внутри страны для воспитания воинов в духе интернациональной пролетарской солидарности и революционной патриотической гордости за свою Советскую Родину. Фурманов-публицист умел убедительно показать в своих статьях связь между почетной воинской службой каждого красноармейца и большими задачами социалистического строительства и обороны первой в мире Советской республики.

Всего за время работы в «Красном воине» Фурмановым было написано десять передовых статей — большинство появившихся в газете за этот период. Статьям Фурманова на международные и внутренние темы присущи большая конкретность и целеустремленность. Они показывают, как хорошо он умел разбираться в сложных вопросах международной и внутренней политики, выражать свои мысли острым и ярким публицистическим языком, подниматься до подлинного революционного пафоса, разоблачая врагов пролетариата.

Содержание статей Фурманова определяла обычно одна важная, хорошо аргументированная мысль. Главные положения Фурманов всегда подчеркивал, для привлечения внимания читателя он часто пользовался формой вопросов и ответов на них. Фурманов никогда не загромождал свои статьи излишним материалом, факты всегда служили главной цели, подчеркиванию основной мысли.

В основе статьи «В чем наша сила?» лежит лишь один факт. «В Москве на Красной Пресне с исключительным подъемом прошли выборы в Московский Совет в целом ряде войсковых частей. В 17-ти собраниях избраны исключительно коммунисты». Далее автор из этого убедительного факта делает важнейшие обобщения о росте коммунистической сознательности воинов, о росте влияния и повышении авторитета партии в народе.

Язык Фурманова образен и метафоричен. Статью «В чем наша сила?» он начинает афористичной фразой: «Все стихийные движения, не освещенные ярко поставленной целью, гибнут». Далее автор развивает эту мысль, показывая, что все наши успехи в гражданской войне — результат руководства партии.

Последняя передовая статья, написанная Фурмановым для «Красного воина», была опубликована в празднично оформленном первомайском номере газеты. Она называлась «Перед решительным боем». В статье подводились итоги борьбы советского народа. «Советская Россия, — говорилось в ней, — встречает новый май в небывалой, невиданной дотоле обстановке — разбив и внешних и внутренних врагов, завязав отношения с заграничными государствами, устремив свои силы на укрепление экономической мощи республики». Статью характеризовал глубокий анализ современного рабочего движения.

Фурманов, как газетчик и редактор, учился у В. И. Ленина, горячо пропагандировал ленинские принципы в своей работе. О силе влияния ленинских слов он писал в своем дневнике в заметке «Власть слова»: «Если прочтете речи Ильича — ни одной вы не найдете из них, где не встречалось бы слово «неслыханный»: неслыханные бедствия, неслыханный героизм, неслыханный голод. Это слово все чаще и чаще стало встречаться

в речах ораторов, заразило, привилось. Ильич в своей речи на IX съезде употребил образное, прекрасное слово «смычка» и на следующий день мы его встречаем в статьях «Правды», «Известий» и других газет»¹.

Разносторонняя журналистская деятельность в красноармейской печати приносила большую пользу и самому Фурманову, вырабатывая у него умение в мелких, на первый взгляд незначительных явлениях и фактах зорко подмечать ростки нового, видеть глубинные процессы строительства новой жизни. Работая над своими статьями, Фурманов учился бережному отношению к языку, оттачивал свой стиль. Редакторская публицистическая деятельность Фурманова составляла неотъемлемую часть всей его замечательной жизни-борьбы. Везде и всегда он оставался воинствующим большевиком, непримиримым борцом за идеи марксизма-ленинизма.

Ярко характеризовала Дмитрия Фурманова в своих воспоминаниях его жена Анна Никитична Фурманова: «Сам он был честен и прям, окольных путей не признавал и не выносил этого в других. Он был прекрасным товарищем, заботливым, внимательным, скромным, лишенным каких бы то ни было черт ханжества, человеком с горячей кровью в жилах, страстно любящим жизнь»².

* * *

Дмитрий Андреевич Фурманов пробыл в Грузии в 1921 году непродолжительное время. Он был чрезвычайно загружен работой в редакции и политическом отделе армии, писал в центральные газеты и журналы, часто выступал перед воинами. И все же трудно поверить, что Фурманов, с его любовью к жизни, к людям, горячим интересом ко всему окружающему, к духовным богатствам и культуре народов, живя в Грузии, не поддерживал творческого общения с местными людьми, представителями трудящихся, интеллигенции Грузии. Правда, материалов об этом нет, но вопрос явно заслуживает более тщательного изучения.

И вот мы у истоков разысканий. Библиограф республиканской библиотеки имени К. Маркса Мария Дмитриевна Купрадзе вспоминает, что лет десять тому назад инженер Тамара Нодия показывала ей давнюю семейную фотографию, на которой был запечатлен и Дмитрий Фурманов.

Где же найти Тамару Нодию? Мария Дмитриевна рекомендует поискать ее в Тбилиси, на Ленинградской улице. Однако номер дома ей неизвестен. В телефонной книжке пять Нодия. Звоним всем. Инженера Тамару Нодию никто не знает. На помощь приходят домоуправления, расположенные в районе Ленинградской улицы. В одном из них дают справку, что семья кандидата медицинских наук Михаила Юлоновича Нодия действительно проживала в доме № 13, но несколько месяцев тому назад переселилась, получив новую квартиру по Военно-Грузинскому шоссе.

Направляемся в дом № 13. К сожалению, бывшие соседи Нодия не знают его нового адреса. Однако в беседе с ними выясняется, что близким родственником семье Нодия доводится художник театра имени Грибоедова, заслуженный деятель искусств Грузинской ССР Ирина Валерьяновна Штенберг. Она любезно отвечает на наш звонок.

Да, адрес М. Ю. Нодия ей известен. Тамара Нодия в настоящее время живет и работает в Рустави. Но о Фурманове могут сказать что-либо не они, а их старший брат — Епифан Юлонович Нодия.

...Нас встречает крупный мужчина с густыми седыми бровями, в теплом халате и шапочке. Несмотря на свои 69 лет, он очень бодр и подвижен. Потомственный железнодорожник, член партии с 1917 года, персональный пенсионер Епифан Юлонович Нодия не только неоднократно встречался с Фурмановым, но и был его близким другом и... родственником.

¹ Архив Д. А. Фурманова.

² А. Н. Фурманова. «Дмитрий Фурманов—боец, писатель, большевик». Москва. 1938 г., стр. 32.

Из пожелтевшего от времени конверта извлекается пачка фотографий. На одной из них надпись: «Дмитрий Фурманов. 1918 год». На обороте написанные рукой писателя стихи с посвящением: «Милому другу». Вот эти стихи:

Экз. № 353
303-2010333

Грустная ива короной плакучей
К земле приклонилась.
Грустная ива под ласкою жгучей
От зноя томилась.
Вдруг прилетел на зеленую ниву
Ветер голодный
И обольстил он плакучую иву
Песню свободной.
Ветер умчался. Ей стало тоскливо:
Она полюбила,
Ветер забыл, но плакучая ива
Его не забыла.
И по утрам лишь восток пред зарею
Алелся стыдливо —
Плакала тихо жемчужной слезою
Плакучая ива.

Кому же посвятил Фурманов стихи? Выясняется, что они посвящены первой жене Епифана Нодия — Валентине Павловне (урожденной Смотрицкой), умершей в 1919 году.

Семья Нодия познакомилась с Фурмановым еще в 1916 году. В то время Епифан Нодия, демобилизовавшись из царской армии, жил и работал в городе Майкопе. Его жена доводилась двоюродной сестрой жене Дмитрия Андреевича Фурманова — Анне Никитичне (урожденной Стешенко). Фурманов в 1916 году вместе с Анной Никитичной приезжал в гости к Нодия в Майкоп.

После победы Великой Октябрьской революции Дмитрий Фурманов, как и его жена, с головой окунулись в революционную работу. В январе 1919 года Фурманов уехал на Восточный фронт, а Анна Никитична, работавшая по заданию партии в белогвардейском тылу, нелегально проживала на захваченной врагом территории под чужой фамилией.

Чтобы помочь бесстрашной революционерке скрываться от преследований деникинцев, Валентина Павловна Нодия передала ей свой паспорт. Так Анна Стешенко стала Валентиной Нодия, пока полная победа Советской власти не избавила ее от необходимости носить чужую фамилию.

В бытность Дмитрия Андреевича Фурманова в Тбилиси в 1921 году он вместе с супругой часто бывал в этом небольшом доме по Третьему Октябрьскому переулку, где мы сейчас беседуем, встречался здесь с младшими братьями Епифана Нодия — Алешей и Михаилом, с их друзьями и знакомыми. С помощью семьи Нодия он познакомился со многими грузинскими старыми большевиками, бывавшими в их доме, представителями местной интеллигенции.

Перед нами еще один снимок. Он сделан 20 марта 1921 года в Тбилисском ботаническом саду. На снимке Дмитрий Фурманов и Епифан Нодия.

Семьи Фурманова и Нодия на долгие годы связала тесная дружба. Они часто были гостями друг у друга. Анна Никитична, став директором бывшего театра Корша, приезжала в Тбилиси на гастроли. Здесь она познакомилась с Котэ Марджанишвили, Ушанги Чхеидзе и другими выдающимися деятелями грузинского театра. Связи обеих семей стали еще более прочными после того, как Епифан Нодия был назначен директором театра имени Марджанишвили. Театр выезжал в Москву на гастроли.

В столице грузинский театр дебютировал в помещении бывшего театра Корша — ныне филиал МХАТа имени Горького. С А. Н. Фурмановой была хорошо знакома композитор заслуженный деятель искусств РСФСР Тамара Вахвахишвили.

В короткой, но яркой жизни Фурманова пребывание в Грузии навсегда оставило большой, неизгладимый след. Оно запечатлело в сознании писателя не только чудесную природу страны, ее величественные горы, но и ее людей — одаренных, трудолюбивых, гостеприимных.

Один из наиболее распространенных портретов Дмитрия Фурманова написан выдающимся советским художником С. В. Малютиным как раз в 1921 году, вскоре после приезда писателя из Тбилиси в Москву.

«Люди, знавшие Фурманова в эти годы, вспоминают о нем как о человеке большого обаяния, твердой воли и удивительной организованности. Юношеская свежесть и задор, открытое энергичное лицо, окаяющая владимирская речь и чистый, решительный и одновременно какой-то нежный голос привлекали и располагали к нему окружающих. Смеялся он часто и заразительно. Взгляд его быстрых темнокарих глаз был ласковым и веселым, но вместе с тем самоуглубленным, свидетельствующим о серьезном отношении к тому, на чем он задерживался. Все в Фурманове говорило о волевом характере...

К Фурманову тянулась молодежь, которую привлекали и его внешнее обаяние, и умные, трезвые взгляды на жизнь, и яркая боевая биография. Внимательный и чуткий к людям, Фурманов умел вовремя и мягко поправить товарища. Но в борьбе он был суровым человеком, не знающим компромиссов ни с людьми, ни со своей совестью. Непреклонный в проведении партийной линии, он ненавидел врагов всем своим революционным сердцем и боролся с ними со страстью и беспощадностью воина.

Таким одухотворенным, закаленным в боях, типичным представителем нового поколения запечатлен образ Фурманова на портрете Малютина»¹.

Таким, с уважением и любовью навсегда сохранили в своей памяти и в своем сердце советские люди светлый облик писателя-большевика, посвятившего всю свою прекрасную жизнь борьбе за счастье трудового народа, за дело партии.

¹ А. Бережной. «Фурманов-журналист». Ленинград, 1955 г., стр. 122.

Из писем П. И. Чайковского

(Новые материалы)

В 1885 году брат великого русского композитора П. И. Чайковского — правовед Анатолий Ильич Чайковский получил новое назначение. До этого он в течение пятнадцати лет служил в различных судебных учреждениях Киева, Москвы, Петербурга, а теперь переезжал с семьей в Тбилиси.

Анатолий Ильич и его брат Модест (драматург и либреттист) были близнецами. Они родились в 1850 году в городе Алапаевске на Урале и были младше Петра Ильича на десять лет. В течение многих лет П. И. Чайковский вел с ними очень оживленную переписку.

В Клинском Доме-музее П. И. Чайковского хранится более тысячи писем, адресованных младшим братьям. Однако значительная часть писем к Анатолию известна была только по копиям, снятым Модестом в 90-х годах прошлого века, уже после смерти Петра Ильича Чайковского. Долгое время подлинники этих писем считались утерянными. Особенно чувствительной эта утрата была потому, что пропавшие письма относи-

лись как раз к последнему, наиболее зрелому периоду жизни композитора, когда им были созданы такие гениальные произведения, как «Манфред», пятая и шестая — «Патетическая» — симфонии, оперы «Чародейка», «Пиковая дама», «Иоланта», балеты «Спящая красавица» и «Щелкунчик», секстет «Воспоминания о Флоренции».

Длительные поиски навели на след пропавших писем: мне удалось обнаружить их в Ленинграде. Всего найдено 140 писем П. И. Чайковского к брату Анатолию и его супруге Прасковье Владимировне.

Значительная часть этих писем, относящихся к 1886—93 гг., адресована в Тбилиси, где в эти годы жила семья А. И. Чайковского и куда композитор неоднократно приезжал.

Первая поездка Чайковского в Тбилиси состоялась в конце марта 1886 года, вскоре после московской премьеры симфонии «Манфред». Чайковский выехал из Москвы 23 марта. До Владикавказа он ехал по железной дороге, а затем — на лошадях по Военно-Грузинской дороге.

30 марта он проезжал Дарьяльское ущелье, любовался старинным замком, бешено несущимся Тереком, величественно - суровым Казбеком. Останавливался в Коби. 31 марта П. И. Чайковский был в Пасанаури, а оттуда направился в Мцхета, где, судя по письмам, его должны были ждать брат с невесткой. Но их в Мцхета не оказалось. Взволнованный картинами природы Кавказа, охваченный желанием поскорее попасть в Тбилиси, Чайковский поехал, не дождавись родных, и приехал в Тбилиси к вечеру того же дня. Ни минуты не отдыхая с дороги, он тотчас же пошел осматривать город.

П. И. Чайковский любил в одиночестве бродить по улицам Тбилиси. Часто совершал он загородные прогулки, поднимался в горы в сторону Коджори, спускался в долину реки Куры, посещал шумные восточные базары, отдыхал в тбилисских садах.

19 апреля в городском театре оперы и балета состоялся концерт из произведений Чайковского. Оркестр выступал под управлением видного музыкального деятеля, композитора и дирижера М. М. Ипполитова-Иванова. Исполнялись увертюра-фантазия «Ромео и Джульетта», серенада для струнного оркестра, арии и сцены из опер. Успех этого концерта был необычайным. Ложа, которую занимал Чайковский со своим братом и его женой, утопала в венках и в бесчисленных букетах цветов. «Воспоминание об этом торжестве, подобного которому я еще никогда и нигде не удаивался, будет мне на всю жизнь приятно», — писал Чайковский. С еще большим энтузиазмом встретила музыкальная общественность грузинской столицы любимого композитора, посетившего очередной спектакль оперы «Мазепа», которая была поставлена в Тбилиси незадолго до приезда Чайковского. Особенно понравились Чайковскому исполнители ведущих партий, в том числе замечательная певица В. М. Зарудная, исполнявшая партию Марии, и артист П. А. Лодий, превосходно исполнявший роль Андрея. «Он в последнем акте положительно исторгает слезы», — писал Чайковский.

Утром 29 апреля Чайковский покинул Тбилиси, сопровождаемый род-

ными и провожаемый толпой почитателей его таланта. К вечеру Чайковские прибыли в Батуми. На следующий день — это было 1 мая 1886 года — П. И. Чайковский сел на рейсовый пароход, курсировавший между Батуми и Марселем.

Во время плавания на пароходе Чайковский ежедневно писал письма к брату, имевшие форму своеобразного дневника. 2 мая, находясь за Трапезундом, он писал: «О Тифлисе вспоминать как-то мучительно. Этот месяц один из приятнейших в жизни моей. Я в самом деле ужасно полюбил Тифлис, и не только потому, что вы там живете, но также потому, что и самый город мне симпатичен, да и люди необыкновенно милые». Чайковский очень грустил в пути. Горечь разлуки с близкими усиливалась мучительной тоской по родине. 3 мая, проезжая Босфор, Чайковский писал: «Сегодня на меня реже находили припадки тоски и чаще припадки восторга в виду моря, гор, солнца... Как теперь уж странно мне подумать, что еще недавно я был в Тифлисе, где нет моря, а горы».

Вернувшись в Россию в середине июня 1886 года, после трехмесячного путешествия, Чайковский спешит известить брата о своем приезде в Петербург: «Вспоминая все свое трехмесячное путешествие, я останавливаюсь с особой любовью на Тифлисе и на морском переезде. Редко в жизни у меня бывали полосы такого безоблачного счастья, как в четыре недели, проведенные у вас...»

Чайковский не задержался в Петербурге. Он вскоре выехал домой в Майданово — село, находящееся в окрестностях Клина, и сразу окунулся в напряженную работу. В это время он писал оперу «Чародейка». Но как ни был композитор увлечен ею, он часто мысленно уносился на юг, в Тбилиси. 8 июля он пишет брату из Майданова: «Получил на днях большое письмо от Ипполитова-Иванова и читал его с наслаждением, ибо все, что мне живо напоминает Тифлис, мне необыкновенно приятно. Попаду ли я к вам опять? Надеюсь. Но едва ли осенью». Прошло еще два с половиной месяца. Северная осень вступила в свои права. Чайковский,

который очень любил эту пору жизни природы, с ее багряными красками и бодрящим утренним холодком, вместе с тем мечтал о поездке на Кавказ. «Паничка спрашивает, — пишет он брату 23 сентября 1886 года, — хочу ли приехать летом к вам. Господи! Да я ведь совершенно влюблен в Кавказ и вспоминаю Тифлис как какой-то сладкий сон и только о том и мечтаю, как бы у вас побывать. Летом-то я конечно приеду, — но мне бы и раньше хотелось».

Во второй раз Чайковский попал на Кавказ снова весной. Это было в мае 1887 года. Но ехал он другой дорогой: из Москвы в Нижний, затем на пароходе по Волге до Астрахани, там пересел на морскую шхуну, которая по Каспийскому морю довезла его до Баку, а оттуда железной дорогой в Тбилиси. 11 июня, вместе с родными, П. И. Чайковский выехал в Боржом для лечения. Но неожиданная телеграмма, полученная от друга Н. Д. Кондратьева, который умирал от тяжелой болезни в далеком немецком городе Аахене, вынудила Чайковского прервать лечение, покинуть полюбившийся ему уголок Грузии и отправиться в далекий путь. 6 июля он покинул Кавказ.

В том же 1887 году произошло большое событие в творческой жизни Чайковского. Он начал свою дирижерскую деятельность. Выступления Чайковского сопровождалось огромным успехом.

С конца 1887 года до середины марта 1888 года он дал целую серию авторских концертов за границей, выступая во главе лучших симфонических оркестров в крупнейших залах Парижа, Берлина, Лейпцига, Гамбурга и многих других городов. Последний концерт состоялся в Лондоне. Оттуда в письме к брату от 12 марта 1888 года, сообщая об окончании гастролей, он делится радостью предстоящего отъезда в Тбилиси: «Интересно, кто раньше приедет в Тифлис. Я или это письмо? Я выезжаю сегодня вечером в Вену; там дня два отдохну, оттуда через Волочиск, Елизаветград, Харьков, Таганрог, где останусь тоже два дня. Потом к вам. Распорядись, голубчик, чтобы мне без задержки дали во Владикавказе коляску и чтобы в Млетах

пустили ночевать в хорошую комнату. В Мцхет встречать не выезжайте! Из Вены буду телеграфировать».

Эта поездка в Тбилиси, куда он приехал 26 марта и пробыл до середины апреля 1888 года, была, пожалуй, самой радостной, насыщенной самыми богатыми впечатлениями. И расцветающая яркая весенняя природа Кавказа, и радушие жителей города — все это наполняло Чайковского ощущением полноты жизни и счастья.

«Я с болью в сердце вспоминаю Тифлис, цветы, солнце, — пишет Чайковский брату 9 мая 1888 года, вернувшись в Москву, — вообще я кажется еще больше полюбил Тифлис и часто мечтаю о том, когда снова придется к вам ехать; должно быть не утерплю и осенью слетаю к Панемиле, Толе и Тане, без свидания с коими не могу долго обходиться».

Но осенью Чайковскому поехать на Кавказ не удалось: задержала спешная работа. Узнав же из письма брата о его намерении навсегда покинуть Кавказ и перебраться в Петербург, он пишет брату из деревни Фроловское (возле Клина): «Голубчик Толя! Получил недавно твое милейшее письмо. Я очень сочувствую твоему желанию перебраться в Питер, но боюсь, что если это случится, ты очень будешь тосковать о Кавказе. Только тогда ты почувствуешь всю прелесть его!.. Погода стоит отвратительная, буквально ни одного дня хорошего не было... Вообще жду не дождусь, когда настанет тепло и чуть не со слезами на глазах думаю о Кавказе. Год тому назад в это время были мы в Боржоме. Он мне представляется каким-то раем небесным».

12 апреля 1889 года Чайковский снова приехал в Тбилиси — первый город, который он посетил, возвращаясь на родину после нескольких месяцев гастролей по крупнейшим городам Западной Европы.

В Тбилиси он пробыл недолго. 2 мая 1889 года Чайковский покинул Грузию, так как очень торопился вернуться домой во Флоровское, где его ожидала спешная работа — нужно было закончить для петербургского театра новый балет «Спящая красавица».

19 июня 1889 года Чайковский пишет из Фроловского брату в Тби-

лиси: «Работаю усиленно, и балет подвигается настолько, что надеюсь к сроку быть готовым... С каким бы удовольствием я перенесся бы на денька два в Тифлис! Удивительно, как я его люблю. При одном представлении об улицах Тифлиса, виде с вашего балкона, Куре, так и хочется перелететь туда».

Мечта Чайковского осуществилась, однако, только осенью 1890 года. Он приехал в Тбилиси из Фроловского 7 сентября, провел в семье брата полтора месяца и во второй половине октября, после проведенного им авторского симфонического концерта, вернулся домой. Тбилиси в эти

осенние месяцы понравился ему еще больше, чем весной. С болью в сердце он покидал Кавказ, словно чувствуя, что больше его никогда не увидит. Последние три года его жизни были наполнены такой напряженной творческой работой, столь многочисленными концертными выступлениями в разных городах России и за границей, что поездка в Тбилиси, куда его усиленно приглашали друзья, оставалась только мечтой. До конца своих дней Чайковский часто вспоминал Тбилиси, с которым у него было связано много радостных воспоминаний.

С. РУБИН.

У истоков грузинского киво

Я сижу за письменным столом и с чувством гордости перебираю советские и иностранные журналы, в которых помещены рецензии, отзывы зрителей или просто отдельные кадры грузинских кинофильмов. Вот передо мной рецензия на фильм «Лурджа Магданы», помещенная в итальянском киножурнале... «Наш двор» получил Золотую медаль на фестивальном конкурсе...

И невольно в памяти возникают далекие годы, когда грузинского кино не существовало вообще. Мне довелось быть очевидцем и участником его рождения, потом видеть нашу кинематографию, если можно так сказать, «в колыбели», с радостью и гордостью следить за ее юностью, возмужанием. И сейчас, когда искусство грузинского кино достигло поры зрелости и мастерства, мне хочется рассказать о его первых шагах.

Первое десятилетие нашего века... Кино — еще новинка. «Иллюзионы», «живые картинки», «синематографы» привлекают тысячи зрителей, Грузию, тогда далекую окраину царской России, тоже охватило всеобщее увлечение новым искусством. Как грибы после дождя, возникают в Тбилиси и других городах организации для проката кинофильмов. На афишах и рекламах запестрели названия кинематографов, поражающие

своим «заграничным» шиком: «Биоскоп», «Радиум», «Иллюзион», «Одеон», «Колизей», «Сатурн», «Мулен электрик» и др.

Эти названия — не просто плод увлечения иностранными словами для привлечения публики. Нет, они в какой-то мере отражали подлинное положение вещей. Ведь в те годы не могло быть и речи об отечественной, грузинской кинопрокатной или тем более кинематографической промышленности. Все эти предприятия принадлежали иностранным фирмам: тут были французские «Братья Патэ», «Гомон», итальянские «Чинес», «Амброзио», бельгийская «Пиронэ».

Вспоминается, что ловкие предприниматели в те годы не только привозили свою обычную «любовно-детективную» продукцию. Они ловко пользовались стремлением грузинского народа увидеть с экрана свою страну, свою природу. Поэтому на богатейшем пейзажном и этнографическом материале Грузии иностранцами были отсняты фильмы «Кутеж в Ортачальском саду», «Пиршество (карачоелы на плавающих бурдюках)», «Грузинская борьба».

Грузинская общественность, конечно, не удовлетворилась этими «суррогатами» национального искусства. Она все чаще и чаще ставит в печати вопрос о выдвижении своих

кадров. В начале десятых годов тбилисец А. Д. Дигмелов представляет на суд публике снятые им картины «Весенние скачки в Тбилиси», «Первый полет Васильева, Уточкина и Кебурия», «Охота на кабанов». Особенным успехом у публики пользовался фильм, посвященный путешествию великого грузинского поэта Акакия Церетели в Рача-Лечхуми. Эта картина была снята В. Я. Амашукели.

Вместе с национальными кадрами операторов начали выдвигаться и грузинские артисты, режиссеры, сценаристы. С первых же лет зарождения нашего кино активно сотрудничают в нем Ладо Алекси-Месхивили, Котэ Марджанишвили, Александр Цуцунава.

...Помню, как в 1915 году, сидя в кинотеатре «Иллюзион» в городе Озургети (ныне гор. Махарадзе), я смотрел какую-то итальянскую художественную картину. И во мне возникло желание создать фильм, отображающий жизнь грузинского народа, его думы, мечты, его своеобразные нравы и обычаи.

Конечно, такое желание появилось к тому времени не у одного меня. Об этом свидетельствует хотя бы такой факт: просматривая журнал «Театр и жизнь», я увидел в нем статью, удивительно отвечающую моим размышлениям о судьбах кино в Грузии. Редактор этого журнала И. З. Имедашвили в статье «Жизнь зовет нас вперед» писал:

«Какие картины показывают народу? Отображающие зарубежную жизнь, природу, историю... Этнографическое общество, общество по распространению грамотности в Грузии или драматическое общество — пусть они отложат по несколько тысяч для того, чтобы в кино отразили нашу жизнь, наше прошлое — на материале нашей истории или по произведениям А. Казбеги, Я. Гогешвили и других писателей; для того, чтобы привлечь к участию в этих фильмах грузинских актеров, для того, чтобы пустить их на экран».

И мое решение созрело. Для съемок художественного фильма я выбрал повесть нашего замечательного писателя Э. Ниношвили — «Христина».

Но решение — одно, а его исполнение — другое. При организации

производства мне пришлось преодолеть такие трудности, о которых я даже не мог и предполагать. Прежде всего — материальная, финансовая сторона дела. Ясно, что в те годы ни о какой помощи со стороны государства не могло быть и речи. Поэтому мне пришлось рассчитывать только на свои средства и на содействие состоятельных лиц. Правда, большинство из них не верило в будущность затеянного мною дела и не хотело рисковать своими деньгами. Поэтому я стал действовать самостоятельно: с большим трудом открыл кредит в Закавказском банке, одолжил деньги. В общем, средства для первой грузинской картины мне удалось наскрести.

Но тогда передо мной возникли другие вопросы, разрешение которых потребовало преодоления не меньших препятствий. Главным из них был вопрос о кадрах: об авторе сценария, режиссере, артистах... Я понимал, что это будет не просто группа для производства рядовой кинокартины, а основное ядро работников юной грузинской кинематографии — кинематографии, которой предстоит большое будущее. В это я верил всегда!

Мне удалось привлечь к работе над «Христина» известного театрального режиссера Александра Ражденевича Цуцунава — большого энтузиаста кино и знатока режиссуры. Ему принадлежали как сценарий, так и постановка первого грузинского фильма.

...Наконец, на экране — первые кадры первой грузинской художественной кинокартины. «Христина» зажила новой жизнью. Фильм имел большой успех в нашей стране. Я ездил с этим фильмом по всей Грузии, демонстрируя его не только в крупных городах, но и в самых отдаленных селениях. Так, например, вспоминается успех «Христина» в Хуло, в Аджарии, где тогда еще не было электрического света и куда пришлось привезти электропередвижку. В кассу начали поступать деньги от этой картины, но, конечно, доходы не могли покрыть потраченных на ее постановку средств.

Однако главным для нас был не материальный итог нашего начинания, а его успех в народе. Этот успех

делили также первые грузинские киноартисты — Антонина Абелишвили (Христинэ), Васо Арабидзе (ее отец), Цецилия Цуцунава (крестьянская девушка) и другие.

Наша первая картина была положительно оценена и в печати. Появились одобрительные рецензии, которые придавали нам силы, вдохновляли на продолжение начатого с таким трудом благородного дела.

Иосиф Имедашвили писал о «Христинэ»:

«...Исполнилась наша мечта... Но этим не должны ограничить свою деятельность зачинатели этого нового дела. Нужно отразить каждый уголок нашей родины, ее историю, ее известные литературные произведения, и показать их не только в Грузии, но и за ее пределами».

Однако эти слова так и остались благим пожеланием. До установления Советской власти кино продолжало оставаться в руках частных лиц, главным образом — иностранцев.

* * *

Все изменилось после победы Октябрьской революции и изгнания меньшевиков из Грузии. Особую роль в этом сыграл декрет о национализации фото-кинопромышленности, подписанный В. И. Лениным 27 августа 1919 года. Постановлением Совета Народных Комиссаров было создано акционерное общество кинопромышленности.

Правда, у нас не сразу все пошло на лад. По-прежнему были велики материальные трудности, так как советский народ все свои средства отдавал на борьбу с внешними и внутренними врагами революции, на восстановление промышленности и сельского хозяйства.

Представьте себе такую картину: вся наша «киностудия» уютится в уголке на хорах в помещении теперешней публичной библиотеки. Всего оборудования здесь — только письменный стол с сиротливо стоящей на нем чернильницей, да и то... взятой из женской гимназии. А за этим столом (а порой — и просто на столе) сидим я и мой друг Амо Бек-Назаров (впоследствии известный кинорежиссер) и горячо обсуждаем подробности предстоящей постановки картины о народном герое Арсене Джорджиашвили.

Сценарий фильма написали Ш. Дадиани и И. Перестиани.

Режиссер И. Перестиани и оператор А. Дигмелов сумели достичь крупного успеха, создав героическую, подлинно народную кинокартину. Их заслуга еще более возрастет, если я напомню, в каких условиях делалась эта картина: маленькая хибарка на берегу Куры даже отдаленно не напоминала студию, где сейчас снимают фильмы. Свет давали лишь два слабых осветительных аппарата. В руках у оператора был древний съемочный аппарат «Патэ», да к тому же вечно надо было думать о максимальной экономии пленки.

Но несмотря на все это, уже в конце 1921 года на экранах наших кинотеатров появляется фильм «Арсен Джорджиашвили».

Первая грузинская советская кинокартина получила путевку в жизнь. Артисты, снимавшиеся в ней, впоследствии стали основным ядром нашей кинематографии. Роль героя революции 1905 года — Арсена играл Михаил Чиаурели. С этой роли и начинается большой путь этого замечательного мастера советского кино. Роль его матери играла Элисабед Черкезишвили, невесту — Алиса Кикодзе. В роли рабочего-революционера снимался Александр Черкезишвили.

«Арсен Джорджиашвили» был встречен восторженно. Нам выделили специальный вагон, приспособленный для показа кинокартин, и мы разъезжали в нем по всей Грузии, демонстрируя своего «Арсена».

Успех «Арсена» несколько поправил наше финансовое положение, но не надолго. Для новых постановок опять пришлось обращаться к банкам.

Вспоминается такой трагикомический случай. Однажды в сельскохозяйственном банке истек срок оплаты краткосрочных векселей, и банковское руководство потребовало от нас ценного залога для обеспечения займа. Не имея ничего сколько-нибудь ценного, я пошел на такой, поистине «кинематографический», трюк: в оцинкованный ящик положил несколько кирпичей, запечатал их, сделал надпись о том, что это — ценная пленка, которую нельзя при свете распечатывать, облил все это

ацетоном и отнес ящик в банк. Правда, от нас вскоре потребовали выкупить наш «ценный залог», так как специфический запах ацетона отравил все помещение. Но мы своего добились! Позже, когда я раскрыл всю эту историю, меня даже хотели привлечь к ответственности за мою «остроумную проделку», но, к счастью, все обошлось благополучно.

Грузинская кинематография росла, крепла, набиралась сил. Продолжая традицию экранизации лучших образцов грузинской демократической литературы, в 1922 году работники кино ставят картину «Сурамская крепость» по повести Даниэла Чонкадзе.

В создании этой картины принимали участие режиссер И. Перестиани, оператор В. Завелов, художники В. Сидамон-Эристави и Е. Лансере, киноартисты М. Чиаурели (Осман-Ага), А. Бек-Назаров (Дурмишхан), Т. Сакварелидзе (Вардуа), Ш. Дадиани (кн. Церетели), Г. Давиташвили (сын Церетели) и др.

В «Сурамской крепости» Даниэл Чонкадзе сурово клеймит жестокость и мракобесие крепостнической эпохи. Крестьяне по приказанию феодала воздвигают крепость, но не могут ее достроить — она все время разрушалась. Поверив знахарке-колдунье, они решают замуровать в стене юношу и отслужить молебен.

Для того, чтобы реалистически воспроизвести на экране эту основную сцену, надо было хорошо знать религиозные обряды. Поэтому было решено привлечь для съемок группу служителей церкви во главе с епископом. Но для этого необходимо было получить согласие главы церкви — патриарха. Мне удалось добиться такого разрешения от католика Амвросия.

И вот, в одно прекрасное утро двенадцать священников во главе с епископом отправились в Ботанический сад на киносъемки. За свою «артистическую» деятельность они получили по 10 рублей, а епископ — 100 рублей.

Как известно, кино тогда было немое, кадры сопровождалась надписями. Режиссер-постановщик И. Перестиани, монтируя картину, сопровождал кадр, где в полном облачении, с

кадилами и т. д. появляются священники, надписью:

«Лицемерие, ханжество, суеверие».

Это место всегда пользовалось успехом у публики, обличая суеверие и мракобесие. Но когда это стало известно «столпам церкви», разгорелся большой скандал. А меня католикос предал анафеме.

Одна за другой появляются на экранах кинокартины нашего производства. Вслед за «Арсеном Джорджиашили» и «Сурамской крепостью» выходят «Пастырь» (по произведению А. Казбеги), «Разбойник Арсен», «Красные дьяволята».

Этот последний фильм принес большой успех грузинским кинематографистам, популярность его стала поистине всесоюзной. Эта популярность объяснялась темой картины: «Красные дьяволята» были первым в нашей стране кинопроизведением приключенческого жанра, отражавшим героическую гражданскую войну, мужество и отвагу советских людей.

Весь советский народ полюбил героев картины: комсомольца Мишку (Петр Есиковский), его сестру Дуняшу (Софья Жозеффи) и негра Тома Джаксона (Кадор Бен-Селим). Рабочие Владимирской фабрики «Коммунистический авангард» прислали коллективу Грузинского Госкинопрома красное знамя, на котором было написано:

«Работникам Госкинопрома при Наркомпросе ССР Грузии, создателям лучшей советской фильма «Красные дьяволята» от многих тысяч рабочих фабрики «Коммунавангард». Пролетарское спасибо, истинное. Да здравствует искусство кино — великий спутник социализма!»

Завершив работу над какой-нибудь кинокартиной, каждый из нас начинал думать о следующей. Однажды после обеда я сидел у себя дома и перечитывал «Очерки по истории грузинской литературы» проф. Ханашивили. Мое внимание привлек раздел, посвященный повести грузинского писателя Георгия Церетели «Первый шаг». У меня возникла мысль о том, какой богатый материал для киноэкранизации содержится в этом произведении. В это время

ко мне зашел режиссер И. Перестиани, мой большой друг.

Он ознакомился с моими планами, тема повести увлекла его творческое воображение.

Перестиани всегда с большой восторженностью и воодушевлением работал над своими картинами. То и дело дверь моего кабинета открывалась настежь и появлялся возбужденный Перестиани, сообщавший очередную радостную новость.

— Герман Иосифович, я нашел настоящего Иеремию Царбу, — восклицал он, вводя ко мне высокого, представительного мужчину, одетого в черкеску. Это был Д. Кипиани.

Так же были найдены и исполнители других ролей: жемчужина грузинского экрана Нато Вачнадзе (Эсма), Михаил Геловани (Бахва), Тамара Болквадзе (Валида) и др.

Мы возлагали на эту картину большие надежды. И действительно — демонстрация этой картины стала настоящим триумфом. Залы кинотеатров Тбилиси и других грузинских городов ломились от публики. Центральный Комитет Коммунистической партии Грузии приветствовал выпуск этой картины, режиссер-постановщик И. Перестиани получил награду.

Но демонстрация этой картины за пределами нашей республики все же натолкнулась на некоторые трудности. В те годы для показа картины в других республиках требовалось специальное разрешение. Однако репертком почему-то не разрешил демонстрации картины «Три жизни» за пределами Грузии.

Мы были удивлены этим ответом, но все же решили не сдаваться. Я обратился к А. В. Луначарскому, который сам посмотрел «Три жизни» и после просмотра поздравил нас с успехом и предложил устроить просмотр и в Кремле.

С Иосифом Виссарионовичем Сталиным мне довелось познакомиться еще раньше. Это произошло в дни, когда велось строительство Загэса. Мне позвонил Леван Гогоберидзе — один из секретарей ЦК — и попросил немедленно выехать в За-

гэс вместе с оператором. Там среди гостей были И. В. Сталин и А. И. Микоян. Леван Гогоберидзе сказал, что вызвал меня, чтобы организовать съемку. Но гости уклонились от нее. Меня пригласили на завтрак, устроенный здесь же для гостей.

А. И. Микоян поднял тост за молодую кинопромышленность Грузии, особо отметив значение фильма «Красные дьяволята».

Товарищ Сталин также пожелал нам успеха.

Эта встреча навсегда запечатлелась в моей памяти. Но я не думал, что Иосиф Виссарионович запомнит ее.

Однако как только я вошел теперь в его кабинет в Кремле, он встретил меня словами:

— Ну, что, привезли новую картину?

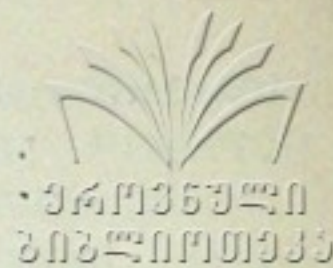
Я ответил утвердительно и тут же изложил свою просьбу.

— В субботу, в три часа, мы устроим просмотр этой картины здесь, в Кремле, — сказал Иосиф Виссарионович.

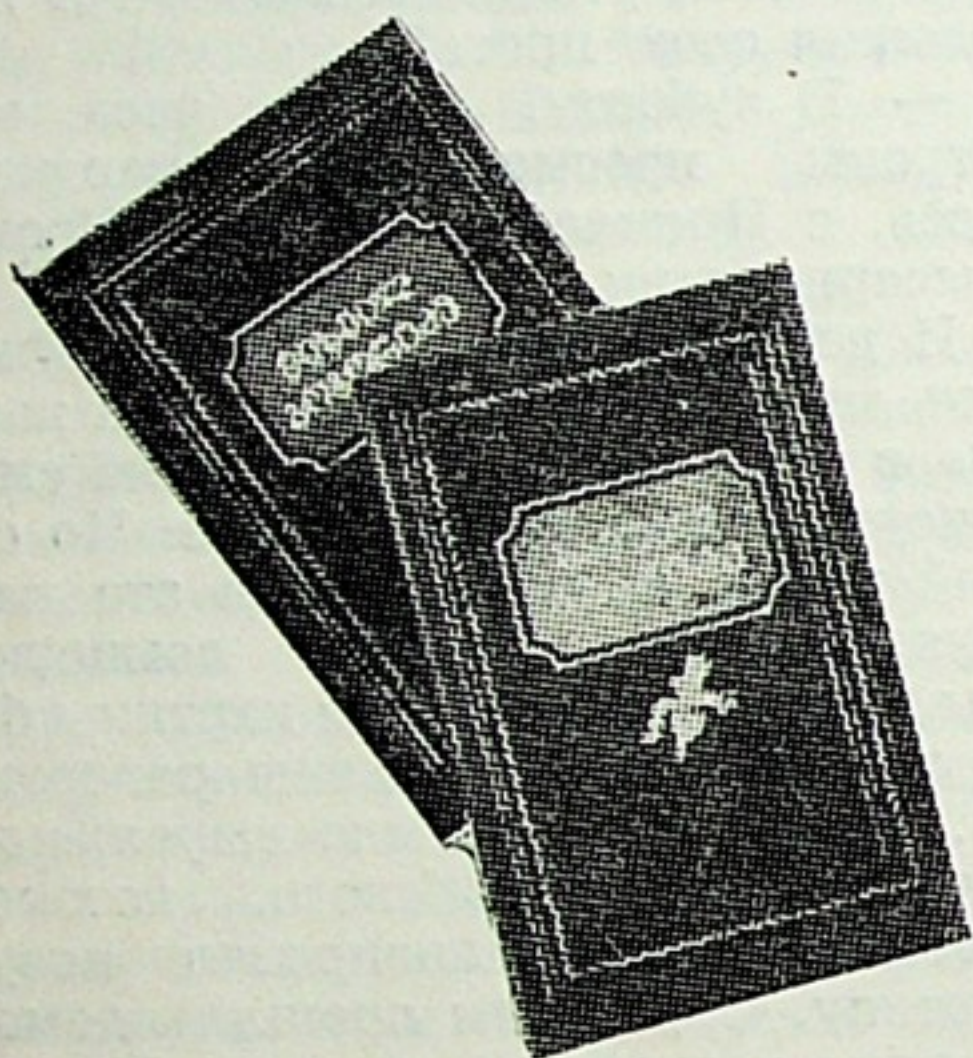
И действительно, в назначенный день мы демонстрировали «Три жизни» в Кремле. И. В. Сталин не смог присутствовать на просмотре. Но общий успех, который имела эта картина, развеял все наши сомнения. Мы поняли, что в оценке картины были правы мы, а не члены реперткома. Общее мнение было выражено в речи А. В. Луначарского, который детально проанализировал новую картину. С успехом прошла демонстрация картины на экранах Москвы и других городов. Несколько месяцев не сходила она с экранов. Героиня фильма — Нато Вачнадзе, признанная одной из лучших артисток советского кино, получала со всех краев нашей страны письма с выражением признательности и благодарности.

Кинематография Грузии одержала еще одну творческую победу, свидетельствующую о возмужании этого молодого искусства. Имена наших режиссеров и артистов стали известны далеко за пределами нашей республики.

Г. ГОГИТИДЗЕ.

БОЙЦЫ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ГВАРДИИ

В боевую летопись истории революционного движения в Закавказье вписано немало славных имен верных сынов грузинского народа, большевиков-ленинцев, отдавших свою жизнь в борьбе за освобождение трудящихся масс, за счастливое будущее народа.

О замечательных грузинских революционерах Михаиле Бочоридзе и Самуиле Буачидзе рассказывают вышедшие недавно в издательстве «Сахелгами» биографические очерки З. Гегешидзе и К. Иванидзе.

З. Гегешидзе. «Михаил Бочоридзе». Редактор А. Киквидзе, «Сахелгами», Тбилиси, 1957 г. (На грузинском языке).

К. Иванидзе. «Самуил Буачидзе». Редактор И. Качарава, «Сахелгами», Тбилиси, 1957 г. (На грузинском языке).

Воскрешая страницы жизни М. Бочоридзе, автор книги подчеркивает, что революционные традиции семьи и впечатления детства в формировании взглядов молодого революционера сыграли немалую роль.

С 1892 года М. Бочоридзе работает в Главных мастерских Закавказской железной дороги, которые стали революционной школой не для одного поколения пролетарских борцов. Здесь, в железнодорожных мастерских, Михо родился для новой жизни, полной напряженной работы, борьбы, здесь он стал профессиональным революционером. Вскоре Михо сблизился с членами организованного в мастерских кружка политического самообразования — В. Стурца, С. Алилуевым, Т. Афанасьевым, Т. Майоровым, З. Чодришвили, А. Окуашвили, Д. Ростомашвили, Г. Чхеидзе.

Все факты жизни и деятельности М. Бочоридзе раскрываются автором монографии на общем фоне революционного движения в Закавказье.

М. Бочоридзе был одним из руководителей первой массовой забастовки, организованной в декабре 1898 года рабочими тифлиских железнодорожных мастерских, принимал активное участие в проведении за городом первомайских митингов тифлиских рабочих 19 апреля 1898 года и 23 апреля 1900 года, на которых выступали с речами И. В. Сталин и М. И. Калинин.

В подготовке демонстрации тифлиских рабочих 22 апреля 1901 года, историческое значение которой было отмечено «Искрой», М. Бочоридзе проявил незаурядные организаторские способности. В эти годы он руководил нелегальной типографией, составлял листовки, вел пропаганду среди рабочих.

Он оказал большую помощь Л. Кецо-

вели в организации нелегальной типографии в Баку.

З. Гегешидзе подробно останавливается на деятельности М. Бочоридзе в период революционного подъема в Грузии в 1905 году, когда М. Бочоридзе в нелегальной Авлабарской типографии руководил выпуском газеты «Борьба пролетариата», в которой печатались некоторые работы В. И. Ленина, статьи И. Сталина, А. Цулукидзе, Ф. Махарадзе.

Неутомимая деятельность М. Бочоридзе не укрылась от глаз царской охраны, и он несколько раз подвергается арестам. Долгое время М. Бочоридзе вынужден был скрываться под чужим именем.

В книге приводится много интересных документов, рассказывающих о деятельности Тифлисского комитета РСДРП и об участии в его работе М. Бочоридзе. Волнующе написаны страницы книги, повествующие о встрече М. Бочоридзе с Владимиром Ильичом Лениным в Выборге в 1907 году.

Книгу о М. Бочоридзе, беззаветном борце за народное счастье, с большим интересом прочтут и люди старшего поколения — современники описываемых событий и только что вступающая в жизнь молодежь.

В ссылке и на свободе, на родине и за рубежом — всегда и везде оставался пламенным революционером, убежденным ленинцем, несгибаемым вожаком рабочих Самуил Григорьевич Буачидзе, о жизни и деятельности которого рассказывает книга К. Иванидзе.

С. Буачидзе с ранней юности приобщился к работе революционного подполья. После II съезда РСДРП твердо определились позиции Буачидзе — образованного марксиста, пламенного большевика, наметились пути его дальнейшей деятельности.

Книга повествует о том, как настойчиво и терпеливо несет товарищ Ной (партийная кличка Буачидзе) революционные идеи в народные массы.

В период революции 1905—1907 гг. Буачидзе вел большую организационную и пропагандистскую работу, разоблачая предательскую политику меньшевиков. Чтобы расправиться с ним, царское правительство заочно приговорило С. Буачидзе за активное участие в революционном движении к смертной казни.

Последовательно и подробно автор рассматривает все материалы и документы, связанные с работой Буачидзе во Владикавказе, с его пребыванием в ссыл-

ке. Читая книгу, мы видим, с какой настойчивостью Буачидзе изучал труды Маркса, Энгельса, Ленина, занимался политической экономией, философией историей, литературой. В одном из своих писем этого периода С. Буачидзе писал: «...Сегодня человеку приходится жить и работать в таких условиях, в которых без глубоких и серьезных знаний любая деятельность бесплодна и пуста. Но, конечно, не следует превращаться в академического червя, и знания человек должен использовать в жизни...»

Вынужденный эмигрировать в Турцию, а затем в Болгарию и Швейцарию, С. Буачидзе ни на минуту не прекращает революционной деятельности. В Женеве Ной встретился и познакомился с В. И. Лениным. Эта встреча стала важнейшим событием в его жизни. Он отныне постоянно поддерживает с Владимиром Ильичом личную связь. Автор рассказывает и о том, с каким доверием и уважением относился В. И. Ленин к С. Буачидзе.

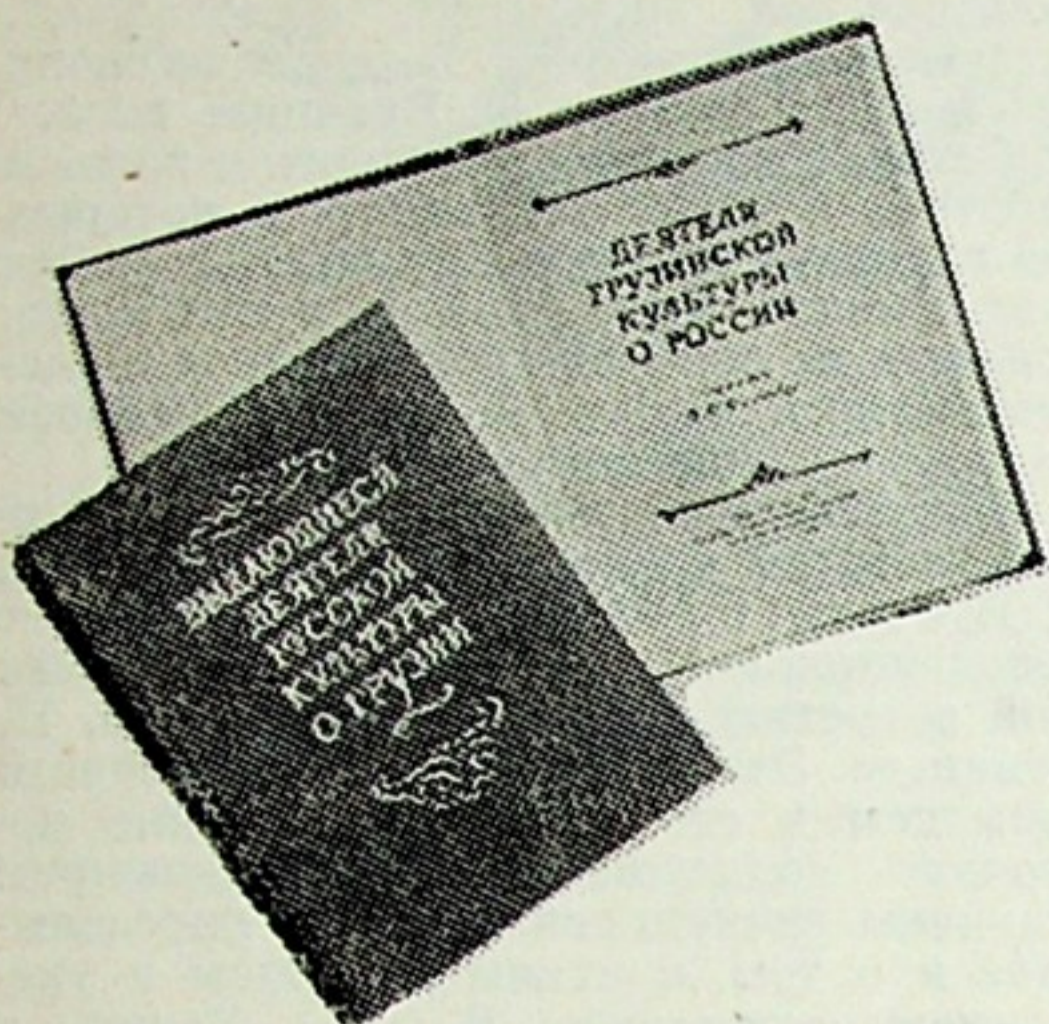
Ярко и точно написаны страницы книги, повествующие о деятельности Буачидзе после Великой Октябрьской революции.

В марте 1918 года в Терской области была установлена Советская власть. Народный Совет Терской Советской республики создал первое Терское правительство — Совет Народных Комиссаров, председателем которого был избран Самуил Григорьевич Буачидзе. Эти годы были отмечены ожесточенной борьбой молодой Терской республики против контрреволюционных сил. Особенно тяжелое положение сложилось весной 1918 года, когда контрреволюция с помощью английского империализма готовила восстание Владикавказского гарнизона. В этот период враги революции и совершили гнусное преступление: во время выступления С. Буачидзе на митинге, выступления, в котором он призывал трудящихся сплотиться, чтобы дать решительный отпор белогвардейцам, бандиты смертельно ранили отважного революционера.

События прошлого, о которых рассказано в биографических очерках, посвященных жизни М. Бочоридзе и С. Буачидзе, светлые образы замечательных бойцов революции, встающие со страниц этих книг, воспитывают читателя, помогают еще глубже ощутить величие сегодняшней советской действительности, оценить жизненный подвиг мужественных большевиков-ленинцев.

Д. КАКАБАДЗЕ.

КНИГИ О БРАТСТВЕ, ЕДИНСТВЕ И ДРУЖБЕ

Накануне Декады грузинского искусства и литературы в Москве издательство «Заря Востока» выпустило два сборника, посвященных русско-грузинским литературно-культурным связям — «Выдающиеся деятели русской культуры о Грузии» (составитель проф. В. Шадури) и «Деятели грузинской культуры о России» (составитель доц. В. Имедадзе).

Благородному делу — исследованию общественно-культурных и литературных связей и взаимоотношений наших братских народов посвящены многие работы советских ученых — историков, литературоведов, искусствоведов. Благодаря им, перед нами раскрываются примечательные страницы многолетней дружбы русского и грузинского народов.

В упомянутых сборниках опубликована лишь часть имеющегося большого наследия из области культурных связей России и Грузии, но и эта часть — яркое свидетельство дружбы, взаимного уважения и доверия лучших представителей общественно-литературной среды грузинского и русского народов.

О русских в Грузии знали еще в древности — об этом свидетельствует, например, одна из глав поэмы Руставели. С древних пор знали о Грузии (Иверии) и в Киевской Руси, о чем говорят древние русские летописи.

Русско-грузинские взаимоотношения, прерываемые порой нашествиями иноземных захватчиков, развивались и ширились в течение ряда веков, пока в XIX

«Выдающиеся деятели русской культуры о Грузии». Составитель Вано Шадури. Редактор М. Златкин. Издательство «Заря Востока». Тбилиси, 1958 г.

«Деятели грузинской культуры о России». Составитель В. Имедадзе. Редактор С. Чиковани. Издательство «Заря Востока». Тбилиси, 1958 г.

столетии не нашли своего яркого воплощения в дружбе лучших представителей прогрессивной культуры наших народов, дружбе, которая в наше, советское время приобрела качественно новый, социалистический характер, превратившись в нерушимое братское содружество народов и литератур.

В первом из сборников особенно полно представлены высказывания о Грузии передовых русских деятелей XIX в. и советских писателей и деятелей культуры.

Вот отрывок из «Истории государства Российского» Карамзина, в котором говорится о родственных связях русских князей с грузинскими, дальше отрывки из путевых заметок, писем, культурно-экономических планов столь близкого грузинскому народу Грибоедова. А вот и произведения декабристов — Кюхельбекера и Бестужева-Марлинского, затем — великий Пушкин с циклом блестящих стихотворений о Грузии и отрывками из «Путешествия в Арзрум», Лермонтов — вдохновенный «певец Кавказа», Белинский, Полонский, Чернышевский, Г. Успенский, А. Островский, Л. Толстой, Чехов, Чайковский, Савина, Репин, Шаляпин и многие другие. Любовь к чудесной природе Грузии, уважение к лучшим ее сынам, высокая оценка ее культуры — вот что найдет читатель в этих стихотворениях, письмах, статьях...

Заключают сборник стихотворения выдающегося советского поэта Н. Тихонова, восторженно воспевающего обновленную, Советскую Грузию.

Во втором сборнике впервые сделана попытка собрать высказывания грузинских деятелей о России, и этот опыт, нужно сказать, оказался удачным. Вместе с классиками грузинской литературы — Руставели, Гурамишвили, Бараташвили, И. Чавчавадзе, А. Церетели, Важа Пшавела и другими, здесь представлены интересные материалы из «Путешествия в Индию» Р. Данибегашвили (о посещении Москвы), из письма С. Додашвили, статьи Н. Николадзе, Д. Кипиани, С. Месхи, И. Мачабели, А. Казбеги, Г. Туманишвили и др.

Широко представлены в сборнике высказывания деятелей грузинской науки, представителей театральной, музыкальной общественности, художников, писателей. Читая сборник, убеждаешься, сколь плодотворной, искренней и сердечной является эта дружба, возникшая в древности, пронесенная сквозь многие столетия и освященная сейчас ленинской национальной политикой.

Сборникам предпосланы интересные вступительные статьи составителей, кратко повествующие о традициях этой неизменной дружбы. В примечаниях читатель найдет некоторые фактические сведения о русских и грузинских деятелях, высказывания которых представлены в этих книгах.

«Мы высоко ценим братство, единство и дружбу с народами России», — писал Акакий Церетели. Слова великого грузинского поэта обрели в наши дни еще более глубокий смысл: братство, единство и дружба вдохновляют народы нашего великого Союза на подвиги во имя коммунизма, во имя счастья всех народов на земле.

Т. БУАЧИДЗЕ.

НА ШИРОКУЮ ДОРОГУ

Тоненькая, с большим вкусом оформленная художницей Д. Нодия, книжка. Удачное название: «Весенней тропой». На обложке редкие для Грузии белые березки, за ними горный склон и крестьянский домик — пейзаж,

близкий сердцу поэтессы, родившейся в одном из сел Карельского района.

Когда открываешь книжку и читаешь стихи, остро чувствуешь близость поэзии Нази Киласония к родной природе, ее горам и долинам, усеянным цветами, к ее виноградникам, на которых матово переливаются покрытые утренней росой гроздья винограда, к ее лугам, колосьям созревающих хлебов... Почти во всех стихах ощущаешь бьющую через край радость бытия, любовь к людям, к родному краю.

Нази Киласония — певец радости жизни. Вот строки из ее по существу программного стихотворения «Если бы меня не было», открывающего книгу:

Я ветрам и птицам внемлю,
Я в стихи вплету
Это небо, эту землю,
Эту красоту.

Если бы на белом свете
Не было меня,
Кто бы пел о солнце, лете,
О тепле огня?

Кто бы при любой погоде
Устремлялся в путь,
Кто б сумел в глаза природе
С лаской заглянуть?

(Перевод Г. Онаняна).

Утверждение: «Если бы не было меня — кто б сумел» кажется чуть наивным, но в то же время оно — искренне, хорошо. Ведь идут-то эти слова от боль-

Нази Киласония. «Весенней тропой». Редактор Г. Мазурин. Издательство «Заря Востока», Тбилиси, 1958 г.

шой любви к своей земле, от жадности к жизни. И как убеждают другие стихи, помещенные в сборнике, это не просто выражение радости жизни вообще, вне времени и пространства, а утверждение счастья нашей сегодняшней жизни. Нази Киласония видит, как созревают плоды в колхозных садах, как комбайн, ведомый подружкой ее детства Анной, убирает хлеба, как провеивают и просушивают зерно на току колхозники.

Для поэтессы смысл жизни в труде, и она очень выпукло, точно рисует труд людей. Очень хороша, например, овеянная солнцем и радостью труда картинка жизни в стихотворении «На току»:

Лежат снопы густые,
Лучами залитые,
Струится солища сок.
Все к молотье готово:
Расчищен, утрамбован,
Гудит под солнцем ток!

...Сдается, что колосьям
Нет на току уж места!
Встречай же солнце осени
На молотье, невеста!
Горят снопы густые,
Лучами залитые,
Струится солища сок,
Гудит-кружится ток.

(Перевод Е. Николаевской).

Большую смысловую нагрузку несут строчки: «Встречай же солнце осени на молотье, невеста!» В Грузии после сбора урожая начинается пора свадеб, и как не навязчив, не дидактичен подтекст слов поэтессы, обращенных к невесте: «Трудись, потому что жених и его родители присматриваются к той, которую они введут в свой дом. Трудись, потому что труд радостен, потому что в нем смысл жизни!»

Таких по настоящему хороших стихов в сборнике немало. Очень свежо и образно стихотворение «Крылья нашего поколения» (только шаблонно его название). Увидеть в лыжнике, стремительно взлетающем в небо с трамплина, все наше поколение — отличная поэтическая находка. Звонком весенних ручьев, теплым солнечным светом насыщены такие стихи, как «Весеннее обращение к сердцу», «***Здравствуй, март!» и многие другие.

Наша критика за последние годы не раз упрекала поэтов за то, что в их стихотворениях все реже звучит их субъективное отношение к окружающему, за то, что они боятся сказать: «я люблю» или «я ненавижу». Нази Киласония, в отличие от других, очень часто (может быть, даже излишне часто) говорит: «я люблю». Причем поэтесса умеет, казалось бы, в очень личном, почти интимном стихотворении, одной-двумя строками проложить мостик к общему.

В стихотворении «***Догорает луна...», звучащем как песенка мотылька, где говорят такие слова: «Я цветов, я цветов подруга, только выше немножко ростом», после строк «Расстегните скорей, колосья, золотые свои сережки» идет неожиданное:

Осторожно вас трогаю, милые,
Вас — не бойтесь — не поврежу я:
Ждет страна от вас изобилия,
Принесите ж ей радость большую.
Для земли моей постарайтесь,
Наливайтесь, сил набирайтесь!..

(Перевод Е. Николаевской)

Нази Киласония часто пишет о любви. Но хотелось бы возразить Веронике Тушновой, которая в своей рецензии на книгу стихов Н. Киласония («Литературная газета») утверждает, что любовь, изображаемая поэтессой, деятельна. Да, это можно сказать о стихотворении «Упрек», здесь действительно выражена любовь активная — лирическая героиня борется за свое счастье. Очень удачно, на наш взгляд, стихотворение «Если бы любил». Но почти во всех других стихах о любви автор сбивается на безликую, страдающую лирику. Тоска «о нем», слова о том, что «он» не отвечает на чувство, — вот все содержание любовных стихов Н. Киласония. А порой автор скатывается до пошловатого мещанского романса. Стихотворение «...Хочу, чтоб мне в глаза» (перевод Е. Николаевской) кончается такими строками (тут, повидимому, есть и вина переводчика):

Любила я... ты не любил меня —
Но счастье ты дарил мне неизменно.

Нет необходимости приводить другие неудачные стихи Нази Киласония о любви. Следует посоветовать автору быть в дальнейшем строже к себе и не включать в новые издания стихов, вроде «...Как дождик, прозрачное платье надела», «Тебя повсюду помню я» и некоторых других, слишком мелких и личных. Очень слабо стихотворение «Первые знамена» — декларативно, общо. Читаешь его, и не хочется верить, что оно принадлежит поэтессе, написавшей такие стихи, как «Крылья нашего поколения».

Выше мы говорили о том, как хорошо Нази Киласония соединяет личное с общим, как она неожиданным поворотом поднимает поэтическую мысль до большого обобщения. Следовательно, она умеет внести в стихи большую, ясную и четкую мысль. Но эту законченность, ясность находишь далеко не всегда. Особенно неудачны многие концовки. Вот, например, заключительные строки стихотворения «Ушел» (перевод Е. Николаевской):

Со мною остались лишь строчки стихов
Да мои обожженные солнцем руки.

Почему «обожженные солнцем»? Это никак не подготовлено, не понятно. Чувствуется, что автор бродил где-то рядом

с подлинным решением темы этого стихотворения, но не нашел его. В другом стихотворении — «Колоски» (перевод Г. Онаняна) вновь, неизвестно откуда появляется неподготовленная концовка: «Помогите мне быть молодой».

Все эти неточности, неясности идут бесспорно от недостатка мастерства. Во многих стихах молодой поэтессы не хватает зрелости, глубины, но в целом книга очень подкупает своей чистотой, любовью к жизни, природе и людям.

Нельзя не отметить и работу переводчиков, потрудившихся над сборником стихов Н. Киласония, — Е. Николаевской, И. Снеговой, В. Тушновой, Г. Онаняна и Г. Мазурина. Им тоже, как и автору, одни стихи удались больше, другие меньше. Хотелось бы пожелать, чтобы в переводах было меньше стертых строк и больше ярких, точных поэтических образов, предельно близких к оригиналу. Г. Мазурин, например, очень хорошо перевел стихотворение «...Нынче только к тебе», но и здесь встречается неудачная строка: «А железо стучит» (подразумевается стук колес поезда на стыках рельсов).

Первая книжка Нази Киласония на русском языке, бесспорно, не пройдет незамеченной, и те читатели, которые оценили жизнеутверждающий талант поэтессы, будут с нетерпением ждать новых переводов ее стихов.

М. ЛОХВИЦКИЙ.

НОВОЕ ИЗДАНИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Э. НИНОШВИЛИ

Художественные произведения известного грузинского писателя-демократа Эгнате Ниношвили много раз переводили на русский язык опытные переводчики. Выпущенный недавно издательством «Заря Востока» новый

сборник произведений писателя (перевод Ф. Твалтвадзе) включает одиннадцать его лучших рассказов: «Христина», «Рыцарь нашей страны», «Симона», «Озеро Палиастоми», «Гогия Уишвили», «Распоряжение», «Мосе, сельский писарь», «У каждого свой нрав», «Охотник», «Пустоселье» и «Восстание в Гурии».

Э. Ниношвили «Избранное». Редактор В. Орджоникидзе. Издательство «Заря Востока», Тбилиси, 1957 г.

Грузинская литература, в частности художественная проза конца XIX и начала XX века, развивалась под знаменем критического реализма, видными представителями которого являются Э. Ниношвили, Д. Клдиашвили и Ш. Арагвиспирели.

Э. Ниношвили — крупный художник, правдиво рисующий эпоху, общественные отношения своего времени, тонкий знаток жизни и быта народа. Большинство героев его рассказов выхвачены непосредственно из жизни, свидетелем многих эпизодов, вошедших потом в его произведения, являлся сам писатель. Однако Э. Ниношвили далек от простого фотографирования, натуралистического изображения действительности. Тема каждого рассказа писателя глубоко продумана, образы и типы раскрываются в соответствии с тем социальным содержанием, которое в них вскрывается автором.

Э. Ниношвили умело пользуется контрастным сопоставлением образов, ярким и колоритным диалогом. Быстрое развертывание событий и их напряженность, драматизм и показ героев в действии, в столкновении интересов — характерная черта композиции Э. Ниношвили.

В творчестве Э. Ниношвили нашли яркое выражение происходившие в его время экономические процессы. Показывая борьбу, развернувшуюся между остатками старой, отмирающей феодальной жизни и элементами новых капиталистических отношений, писатель вскрывает эксплуататорскую сущность развивающегося класса капиталистов и на этом фоне дает развернутую картину тяжелой жизни крестьянства, угнетаемого и страдающего и от крепостничества, и от непосильных государственных и местных налогов, и от произвола административно-полицейского аппарата.

Жизнь народа — основная тема творчества Э. Ниношвили. Писатель стремился выразить в своих произведениях жизненные интересы народных масс, настроения и стремления беднейшего крестьянства, испытывавшего тяжелый гнет эксплуатации и протестовавшего против этого гнета, — того крестьянства, которое впоследствии стало верным союзником революционного пролетариата и под его руководством развернуло борьбу против пережитков крепостничества и самодержавно-буржуазного строя. Э. Ниношвили, показывая тяжелое положение крестьян, трудового народа, единственный выход видит в свержении буржуазно-помещичьего строя путем революционной борьбы.

Э. Ниношвили выступил в грузинской литературе, когда крепостное право считалось уже отмененным. Однако, как известно, крестьянство фактически продолжало находиться в крепостной зависимо-

сти. Крестьяне по-прежнему находились в кабале у помещиков, платя непосильные поборы и налоги. «Крестьянские реформы» не внесли «спокойствия» в жизнь крестьян Грузии; напротив, новые хозяйственные условия еще больше обострили и углубили классовые противоречия, классовую борьбу («Гогия Уишвили», «Распоряжение», «Озеро Палиастоми»). Период после «крестьянских реформ» характеризуется массовыми крестьянскими выступлениями. Борьба крестьянства против помещиков, капиталистов и иных эксплуататоров, а также против политического бесправия принимает все более конкретные формы.

Расслоение, происходившее в деревне, нашло яркое отражение в творчестве Э. Ниношвили. В рассказе «Симона» показана жизнь беднейшего крестьянства, лишавшегося последних средств производства, и кулацко-буржуазного слоя, забирающего в свои руки средства и орудия производства, беспощадно эксплуатирующего и выжимающего последние соки из трудового крестьянства.

В своем популярном произведении «Рыцарь нашей страны» Э. Ниношвили нарисовал жизнь сельского труженика-интеллигента — Спиридона Мциришвили, в лице которого писатель показал новый тип, зародившийся в Грузии в 70—80-х гг. под влиянием русского революционного движения.

Последним в сборнике новых переводов помещен крупный социальный роман на историческую тему — «Восстание в Гурии». Хронологически это одно из первых художественных произведений Э. Ниношвили. В нем развернута волнующая, правдивая эпопея борьбы угнетенного народа. В основу романа положены события, происшедшие в Гурии в сороковых годах прошлого столетия. Э. Ниношвили в своем романе строго придерживается фактов исторической действительности. Большинство персонажей романа — исторически известные лица (Шаликашвили, Дадиани, Тавдгиридзе, Брусилов, Тоидзе и др.). Это придает роману особую достоверность.

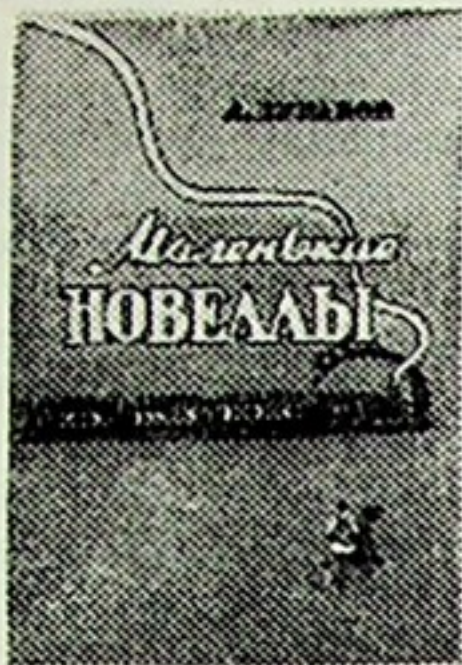
Один из главных героев «Восстания в Гурии» развивает идею неразрывности судьбы грузинского трудового народа с судьбой русского трудового народа — только их совместная решительная борьба против угнетателей может привести к победе и к подлинному освобождению. В своем романе Э. Ниношвили выступает как глашатай дружбы народов и борец против социальной несправедливости.

В заключение отметим, что переводы произведений Э. Ниношвили позволяют судить о художественном своеобразии творчества автора «Восстания в Гурии».

Ш. РАДИАНИ.

В ГЛУБЬ ЖИЗНИ

Впервые с рассказами А. Зурабова читатели познакомились несколько лет назад. Впрочем, говоря строго, это были еще даже не читатели, а лишь слушатели первых произведений молодого прозаика — тогда инженера-мостовика Кав-

казского института изысканий и проектирования железных дорог, — чьи короткие новеллы, как называл их сам автор, обсуждались в Союзе писателей Грузии.

Возвращаясь сегодня к впечатлению, которое произвели тогда на слушателей рассказы А. Зурабова, вспоминаешь, прежде всего, о большом обаянии молодости. Она была во всем — и во взволнованном тоне повествования, и в искренней горячности побуждений героев рассказов, и даже в подчеркнутом нежелании автора сдерживать нахлынувшие чувства. Но отчетливо проступало и другое. Говоря попросту, это было несовершеннолетие мастерства, которое сказывалось в эскизной незавершенности рассказов. И не случайно, даже соглашаясь с авторским определением избранного им жанра, как жанра короткой новеллы, ударение хотелось сделать на слове «короткая», а отнюдь не на слове «новелла», ибо это были лишь зарисовки, подчас очень беглые, напоминающие наброски для будущих рассказов. Иначе говоря, первым рассказам А. Зурабова недоставало глубины, умения говорить немногими словами о большом и значительном — умения трудного, приходящего лишь с опытом и большим, напряженным писательским трудом.

Но не погасят ли строгое мастерство и профессионализм столь привлекательной внутренней молодости почерка автора?

На этот вопрос отвечают лучшие рассказы из первой книжки А. Зурабова, выпущенной недавно издательством «Заря Востока». В сборнике собрано пятнадцать новелл, написанных в разные годы, на разном жизненном материале. Объединяющим их качеством, без сомнения, является единство атмосферы, близость внутренней тональности (несмотря даже на разнообразие настроения), которую

А. Зурабов. «Маленькие новеллы». Редактор Б. Абуладзе. Издательство «Заря Востока». Тбилиси, 1958 г.

хотелось бы определить как поэтическую, лирическую направленность всех рассказов. Поэтому А. Зурабов был бы, несомненно, прав, даже назвав свою книгу сборником «Маленьких лирических новелл».

Этот лиризм повествования отчетливо проступает в книге — строй мыслей и чувств самого писателя то прямо, то незримо присутствует в рассказах, придавая им особую эмоциональность и своеобразный колорит. В лучшей новелле сборника — а лучшей мне представляется «Утро в Индюке», — автор не стремится к созданию острого сюжетного хода, что было бы нетрудно объяснить в традиционно понимаемой новелле, его внимание обращено не на изощренность композиционного построения и всесторонность в изображении бытовой обстановки, а на внутреннее звучание рассказа, его поэтический подтекст. Но оговоримся сразу. Подтекст не является чем-то необъяснимым и неуловимым, он выражается — да и не может быть выявлен иначе! — в человеческих характерах, пусть обрисованных, если пользоваться языком изобразительного искусства, даже не средствами станковой живописи, а графики — одним-двумя, но непременно верными и твердыми, штрихами карандаша.

Вернемся к рассказу. Сценка, участником которой автор невольно стал на станции Индюк — одной из маленьких станций Северо-Кавказской железной дороги, приобретает в его освещении новый смысл: он видит не только огромную талантливость человека, щедрость его души, но и его умение до конца ощутить красоту бытия, тот подлинный народный оптимизм, рожденный нашей жизнью, который всегда присущ ему, но который так чудесно, широко и вольно, с какой-то особой, ничем не сдерживаемой страстью, проявился в этот, счастливо подсмотренный писателем, миг на маленькой станции с причудливым названием. Мысль рассказа предельно ясна. Вот она: «Я стоял в тамбуре вагона среди столпившихся у дверей пассажиров и не в силах был вымолвить ни слова от охватившего меня восторга.

— Ну какая же все это красота! — взволнованно произнес кто-то позади меня.

Я обернулся. Это был наш проводник. Его оттиснули в глубь тамбура, и, задрав голову, он смотрел в небо:

— Это же настоящее художество! Вот если бы вся жизнь да вот таким сплошным утром, а?..»

В этих словах заключен очень важный для молодого писателя смысл — не заслоняйте от себя красоты жизни, не заслоняйте ее мелкими чувствами и малыми стремлениями, тем самым вы только обедните себя, пройдете мимо боль-

ших свершений, мимо главного, определяющего в жизни!

Герои А. Зурабова только выходят на широкую дорогу, но они твердо знают свое место в жизни, значение своего труда. Жанна, героиня одноименной новеллы, даже объясняет это — пусть по-своему, пусть чуть-чуть наивно, — но зато очень верно по существу: «Стоимость любой вещи — труд, — говорит она. — Стоимость жизни — тоже труд. Чем больше труда — тем она дороже. Это закон». Добавим, что слова Жанны звучат особенно убедительно, если вспомнить, что страстный спор ее о высоком назначении человека — со случайной попутчицей, недалекой мещанкой — идет в купе скорого поезда, за окном которого проносятся пирамиды терриконов, рабочие поселки, дороги, каналы, заводы, города... Строить, делать жизнь еще краше и ярче — в этом видят смысл своей жизни и Жанна, и маленький романтик из поэтического рассказа «Мальчик с полустанка», и молодой геолог казашка Алтанат.

Несмотря на всю разницу возрастов, характеров, этих героев новелл А. Зурабова роднит общность отношения к жизни, светлое и радостное мироощущение, непримиримость к любым проявлениям обывательских взглядов.

Показателен в этом смысле рассказ «Свадьба», опубликованный в свое время на страницах журнала «Дружба народов».

Сюжет рассказа несложен. Увиденная глазами двенадцатилетнего мальчика картина неудачной, уродливо неудачной свадьбы, всем острием своим направлена против любой фальши в человеческих отношениях. И в этом главное достоинство рассказа. Но думается, что автор, верно замыслив его общую идею, не до конца разобрался в материале, на котором он построен. Так, вместе со «свадебным генералом», которому и дела нет до судьбы молодых, в «Свадьбе» прозвучал несправедливо суровый приговор и многим хорошим, освященным веками народным обычаям.

Мы сказали об этом неверном акценте в рассказе, который в целом представляется нам удачей автора, лишь потому, что неверный акцент — это только один из частных случаев проявления недостаточной глубины во многих новеллах сборника. Автору подчас словно недостает упорства в стремлении разобраться во всей сложности человеческих отношений, мыслей, поступков.

Чтобы быть кратким, приведу лишь один пример. Речь идет о рассказе «Тоннель», рассказе, на наш взгляд, неверном по своему идейно-художественному строю. Поведав в «Тоннеле» о несчастной любви молодого инженера, — человека, как можно до-

гадаться, хорошей, честной и, главное, глубокой души, — автор тут же хочет уверить читателя, что все это пустяки — и ложь недавнего друга, и обманутые ожидания счастья, и разочарование в любимом человеке. Все это, пытается уверить автор, яйца выеденного не стоит, когда светит солнце и человек избавился от грозившей ему в тоннеле смертельной опасности.

Но с этой, мягко говоря, странной мыслью, которая, если быть последовательным, способна привести к оправданию любой трусости, любой измены, никак не хотят, да и ни за что не смогут, согласиться герои других рассказов самого А. Зурабова. Они, конечно, поняли бы, что автор «Тоннеля» хотел пропеть гимн жизни, но не разобрался во всех ее сложностях, упустив из виду, что одно дело жизнь — в учебнике биологии, а другое — литература с ее глубиной социальных характеристик.

А отсюда все качества рассказа «Тоннель». И его абстрактность, и отсутствие глубины, и неясность характера героя. Последнее необходимо подчеркнуть еще раз, так как без твердо и убедительно написанного характера — нет произведения, в какой бы манере оно не создавалось. Последнее прямо относится к очень слабому рассказу «Парень из Ланчхути», поверхностной зарисовке «Послушайте, что я скажу...» и особенно к новелле «Пути и судьбы», в которой разработка характеров подменена двумя схемами — добродетели и порока, а конфликт — случайной встречей их носителей (это впечатление, заметим в скобках, еще больше усиливается не очень-то оригинальной концовкой).

В книге А. Зурабова далеко не все равноценно. Многие в его произведениях еще не отстоялось (порой хочется даже предупредить автора: «Не говори красиво!»), — особенно когда речь идет о глазах, «отороченных черным бархатом ресниц», или о некоторых лишних концовках), но радуется в книге, прежде всего, свежесть и ясность писательского мироощущения, стремление автора к лаконичной точности, подлинная, а не мнимая молодость его лучших героев, всем строем своей души убеждающих в том, что они не только должны, но и обязаны быть счастливыми. И об этом очень кстати напоминает А. Зурабов в своей новелле «Будьте счастливы!».

«Маленькие новеллы» — первая книга молодого прозаика. Читая ее, веришь, что за ней последуют новые сборники рассказов, рожденные большим трудом и большими писательскими раздумьями. Хочется только еще и еще раз напомнить автору «Маленьких новелл», что если «краткость — сестра таланта», то глубина постижения жизни — его основное, важнейшее качество.

М. ЗАВЕРИН.

КУЧИШВИЛИ
(Чхеидзе)
Георгий Андукапарович

Грузинский поэт.
(1886 — 1943). Родился в с. Вардисубани Телавского района. В молодые годы был чернорабочим. Литературную работу Г. Кучишвили начал в 1905 г. Первый сборник его стихов был издан в 1914 г., всего вышло около двадцати сборников стихотворений поэта. В своих стихах и рассказах Г. Кучишвили рисовал жизнь рабочего класса, его героическую борьбу против царского самодержавия.

Г. Кучишвили работал и в области детской литературы. Стихи его переведены на русский язык и языки народов братских республик.

ОРЛОВ
Константин
Трофимович

Родился в 1901 г. в с. Волчиха Алтайского края. Окончил Омский медицинский институт. Подполковник медицинской службы. Участник Великой Отечественной войны. В 30-х гг. успешно сочетал врачебную практику с работой в печати. Был репортером, фельетонистом, заведующим отделом газеты «Омский рабочий» (ныне «Омская правда»). В настоящее время активно сотрудничает в военной печати как автор рассказов и фельетонов.

ЗЕДГИНИДЗЕ
Элизбар
Константинович

Грузинский писатель. Родился в 1903 г. Учился в Тбилисском государственном университете имени Сталина. Печать стихов и рассказы начал с 1923 г. К значительным произведениям Э. Зедгинидзе относятся рассказы «Серебряный пояс» (1927 г.), «Мир уходящий» (1930 г.), романы «Пробуждаются горы» (1937 г.) и «перед восходом солнца» (1941 г.).

КАХИДЗЕ
Медея Ильинишна

Грузинская поэтесса. Окончила Тбилисский государственный университет имени Сталина. Литературную работу начала с 1950 г. Систематически печатается в грузинских журналах «Мнатоби», «Пионери», «Дила», а также в газетах «Литературули газети», «Ахалгазрда комунисти». Первый сборник стихотворений «Возраст любви» выпущен в 1955 г. издательством «Сабчота мцeralи».

КИПИАНИ
Эдишер Лаврентьевич

Грузинский писатель. Родился в 1924 г. в Тбилиси. Окончил Грузинский государственный политехнический институт. В 1948 г. в журнале «Нианди» был напечатан первый цикл его юмористических рассказов «Средь бела дня». В 1954 г. Детиздат Грузии выпустил первую книгу

очерков Э. Кипиани. В 1956 г. в «Библиотеке «Нианги» вышел его «Сборник юмористических рассказов». В этом же году издательство «Сабчота мцeralи» выпустило книгу рассказов «Высокий потолок».

Э. Кипиани участник III Всесоюзного совещания молодых писателей.

САДЖАЯ

Грузинский поэт.

Александр Алексеевич Родился в 1916 г.

в с. Одиши. В

1936 г. окончил Тбилисский государственный университет имени Сталина. В 1942 г. вышла первая книга его стихов. В 1944 г. тяжелая болезнь внезапно оборвала жизнь поэта. А. Саджая принадлежат переводы из Блока, Шелли, Эдгара По, Шекспира.

В 1946 г., уже посмертно, вышла книга А. Саджая «Мои сказки».

ЖГЕНТИ

Бессарион (Бесо)
Давидович

Литературный критик. Родился в 1903 г. в с. Квацixe Чиатурского

района. Окончил Тбилисский государственный

университет имени Сталина. Литературную деятельность начал с 1922 г. С 1923—24 гг. в грузинской прессе, а также в журналах и газетах Москвы, Украины, Белоруссии, Армении, Азербайджана и др. братских республик систематически печатаются его литературно-критические статьи.

Произведения Б. Жгенти изданы отдельными книгами: «Современная грузинская литература», т. I (Сборник избранных статей), «История грузинской литературы» (в соавторстве с проф. А. Барамидзе и проф. Ш. Радиани, на русском языке) и др.

КАЛАНДАДЗЕ

Лавросий Гигилоевич

Грузинский пи-

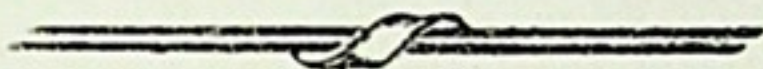
сатель-критик. Ро-

дился в 1903 г. в

с. Хидистави. Учился в Институте Красной профессуры в г. Москве.

Первые литературно-критические статьи были опубликованы в 1925 г. в грузинских и русских периодических изданиях.

В 1954 г. вышел сборник литературно-критических статей на грузинском языке.

Технический редактор Л. Гагуа.

~

Подписано к печати 22/V-58 г.

Формат бумаги $70 \times 108 \frac{1}{16}$ 8 печ. натур. л. + 5 вкл.

Заказ № 379.

Тираж 4.000.

УЭ02967

Цена 5 руб.

Типография «Заря Востока» имени А. Ф. Мясникова,
Издательства ЦК КП Грузии, Тбилиси, пр. Руставели, 42.

5 руб.

22127

ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ
ՆԱԽԱՐԱՐՈՒԹՅԱՆ
ՆԱԽԱՐԱՐՈՒԹՅԱՆ

987